

РОДНАЯ
ЛИТЕРАТУРА
(РУССКАЯ)

10–11
классы

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
для общеобразовательных организаций
Нижегородской области

Государственное бюджетное образовательное учреждение
дополнительного профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»

РОДНАЯ
ЛИТЕРАТУРА
(РУССКАЯ)
10—11 классы

Учебное пособие
для общеобразовательных организаций
Нижегородской области
Базовый и углубленный уровни

Нижний Новгород
Нижегородский институт развития образования
2021

УДК 373.167.1:82

ББК 83.3я72

Р60

Учебное пособие подготовлено преподавателями кафедры
историко-филологических дисциплин

ГБОУ ДПО

«Нижегородский институт развития образования»

Научный редактор

М. И. Шутан, д-р пед. наук, канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой

Авторы

М. И. Шутан, д-р пед. наук, канд. филол. наук, доцент;

М. Ю. Борщевская, канд. пед. наук, доцент;

Л. В. Дербенцева, канд. пед. наук, доцент;

Е. А. Елясина, старший преподаватель;

С. В. Тихонова, канд. пед. наук, доцент;

А. М. Фирсова, д-р пед. наук, профессор

*Рекомендовано к изданию
научно-методическим экспертным советом
ГБОУ ДПО НИРО*

ISBN 978-5-7565-0922-9

© М. И. Шутан, М. Ю. Борщевская,
Л. В. Дербенцева, Е. А. Елясина,
С. В. Тихонова, А. М. Фирсова, 2021

© ГБОУ ДПО «Нижегородский ин-
ститут развития образования», 2021

ВВЕДЕНИЕ

В учебном пособии представлен нижегородский ракурс русской литературы. Но какой смысл следует вкладывать в эти слова?

Прежде всего речь должна идти о произведениях, в которых показаны реалии нижегородской жизни. Это, конечно же, «Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде», созданная в XVII веке и передающая патристический настрой наших земляков в период, когда очень остро стоял вопрос о будущем Отечества. Нельзя забывать и о дилогии Павла Ивановича Мельникова-Печерского «На горах» и «В лесах», в которой показана жизнь старообрядчества. Как известно, в XIX веке Нижегородский край был его центром.

В цикле статей «Мултанское жертвоприношение» и «Павловских очерках» Владимир Галактионович Короленько осмыслил серьезные социально-нравственные проблемы.

Жизнь Нижнего Новгорода второй половины XIX века показана в автобиографической повести Алексея Максимовича Горького «Детство», знакомой вам по 7-му классу. Вспомним следующие строки из этого замечательного произведения: «Дошли до конца съезда. На самом верху его, прислоняясь к правому откосу и начиная собой улицу, стоял приземистый одноэтажный дом, окрашенный грязно-розовой краской, с нахлобученной низ-

кой крышей и выпученными окнами. С улицы он казался мне большим, но внутри его, в маленьких, полутемных комнатах, было тесно; везде, как на пароходе перед пристанью, суетились сердитые люди, стаяй вороватых воробьев метались ребяташки, и всюду стоял едкий, незнакомый запах». Читая эти строки, мы узнаем дом деда Алеши Пешкова, который принято называть Домиком Каширина.

Жизнь нижегородского купечества глубоко показана Горьким в повести «Фома Гордеев». В одной из глав произведения мы наблюдаем символическую картину, возникшую в сознании главного героя. Это движение невидимого жернова, готового смолоть каждого человека, находящегося рядом. Причем одни люди готовы подчиниться той силе, которую символизирует жернов, а другие стремятся избежать ее. В самой котловине царит хаос — и не удивляет, что человеческая масса названа суетливой кучей. Писателем создается жуткая картина *неостановимого* движения. Кажется, что это движение, символизирующее бессмысленность жизни людей, вечно.

Но нельзя не упомянуть и о желаемых движениях Фомы Гордеева, который хочет хватать людей за головы, отрывать друг от друга. Интересна пространственная позиция главного героя: ведь он возвышается над котловиной, а значит, и над людьми. Это возвышение не только физическое, но и духовное (хотел «осветить их каким-то огнем»). Тут невольно вспоминается Данко с его пылающим сердцем — Данко, выведший людей к пространствам, освещенным солнцем, что следует понимать метафорически. Но огонь «какой-то». Неопределенное местоимение свидетельствует о том, что Фома не знает, какой огонь откроет людям истину о них самих и окажется для них спасительным. Действительно, Гордеев не может ответить на вопрос, как надо жить. И итог: если прозвучит страшный вопрос о смысле жизни, он скатится с высоты в котловину, под ноги людям.

В этом фрагменте очень хорошо передается «промежуточность» положения Фомы Гордеева, которого не устраивает жизнь людей, сама социальная действительность, но который не знает, по какой дороге ему следует идти, чтобы быть в согласии с собственной совестью. Перед нами образ человека, «выламывающегося» из купеческого класса, но не знающего, как жить дальше. На нижегородском материале Горький художественно разрабатывает проблему, актуальную для России рубежа XIX—XX веков.

Период же первой русской революции отражен в романе Горького «Мать», основу содержания которого составляют события в Сормове.

Нижегородская тема звучит и в поэзии, в связи с чем вспомним такие стихотворения Бориса Петровича Корнилова, как «Усталость тихая, вечерняя...» и «В Нижнем Новгороде с откоса...». С интересной, неожиданной стороны эта тема представлена в произведении поэта-фронтовика Бориса Ефремовича Пильника «Много я бродил по свету...». Все эти стихотворения вы найдете в учебном пособии.

В книге Юрия Андреевича Адрианова «Болдинские этюды» и в отдельных его стихотворениях болдинская тема гармонично соединена с пушкинской. А в очерке Олега Алексеевича Рябова мы встречаемся с образом самого Алексея Максимович Горького.

Далее необходимо сказать о произведениях, созданных авторами на нижегородской земле, хотя в них и не звучит нижегородская тема. К некоторым из них вы и обратитесь на уроках русской литературы. В связи с этим в первую очередь следует вспомнить о болдинском периоде жизни и творчества Александра Сергеевича Пушкина. Материалы учебного пособия помогут глубже осмыслить и пушкинскую лирику, философскую и любовную, и повесть «Метель», и «Маленькие трагедии».

К этой группе относится также роман Михаила Васильевича Авдеева «Тамарин», созданный под сильным влия-

нием социально-психологического и философского романа Михаила Юрьевича Лермонтова «Герой нашего времени», знакомого вам по 9-му классу.

Практически десять лет провел Владимир Галактионович Короленко на нижегородской земле. И у вас появится возможность поразмышлять о таких его произведениях, как «Лес шумит», «Парадокс», «Слепой музыкант». А они были написаны в Нижнем Новгороде.

Нельзя не пройти мимо произведений наших земляков, представляющих вторую половину XX — начало XXI века. Это Александр Иванович Люкин, Валерий Анатольевич Шамшурин, Марина Олеговна Кулакова, Игорь Валентинович Чурдалев, Владимир Николаевич Гофман, Захар Прилепин.

Отдельно следует сказать о произведениях нижегородцев, созданных не на их малой родине и не посвященных ей. В эту группу входят произведения разных родов и жанров: «Житие, написанное им самим» протопопа Аввакума, рассказ «Как поймали Семагу», очерк «Книга» и сатирические сказки Алексея Максимовича Горького, лирические стихотворения Николая Александровича Добролюбова и Бориса Петровича Корнилова.

Одним словом, дорогие учащиеся, вас ожидает увлекательное литературное путешествие!

Древнерусская литература

**У истоков
нижегородской словесности 9
Аввакум 12**

У ИСТОКОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

«**Р**овесь о чудесном видении в Нижнем Новгороде» относится к периоду польско-литовской интервенции, когда патриотическое воодушевление охватило все слои русского общества. Случившееся «видение» в повести датируется 26 мая 1611 года, сама повесть написана не позднее лета этого же года, до того времени, как по Руси распространилась весть о захвате шведскими войсками Новгорода Великого.

Список нижегородского видения появился под Москвой и в войсках Первого ополчения в 1611—1612 годах, однако «в Нижнем... мужа Григория такова не знаху».

То, что описываемое видение случилось в Нижнем Новгороде, очевидно не случайно. Ведь именно Нижний принял активное участие в создании Первого ополчения.

По мнению исследователя этого произведения Я. Г. Солодкина, «Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде» нужно рассматривать не только как свидетельство стремления русского общества избавиться от нашедших на Россию бед путем нравственного очищения и покаяния, но и как агитационное произведение, основная цель которого — предотвратить самовольное избрание нежелательного царя.

Успешными действиями Первого ополчения объясняется, как считает Я. Г. Солодкин, оптимистический характер пове-

сти: предвидя скорое освобождение Москвы, ее автор стремился призвать к всенародному избранию нового царя.

* * *

Поведал нам некий человек по имени Григорий:

«В нынешнем в 119 (1611) году, месяца мая в 26 день, на память святого апостола Карпа, одного из семидесяти, в пост святых апостолов Петра и Павла, когда отговел я первую неделю поста, в ночь перед воскресением Христовым спал я в храме и внезапно увидел в тонком сне:

Во время утренней службы поднялся покров, то есть крыша, и раздвинулся храм на все четыре стороны. И увидел Григорий свет великий, месяц и звезды, с неба сходящие; и видел будто бы человека, в образе человеческого птицу крылатую: и летела она надо мной, и голосом (своим) оглашала землю, и весь мир исполнила Духом своим Святым.

— И спросил его предстоящий: “Господи, если поставят свечу незажженную и положат бумагу неисписанную, то кому ты царем повелишь быть и властвовать в Московском государстве?”

— Он же отвечал ему: “Как завершится вселенский собор, и как храм освятят, и как отпостятся три дня и три ночи, а на четвертый день придут к образу моему и Матери моей Богородицы, тогда свеча будет зажжена от огня небесного, и колокола зазвонят сами по себе, а на бумаге будет имя написано, кому владеть Московским государством, а быть царю по сердцу моему.

Да еще если в этом городе, в Нижнем, начнут молиться три дня и три ночи и придут в соборную церковь, благо будет городу этому, если помолятся”.

— И спросил его предстоящий: “Господи, если не послушают слова твоего и не поверят явлению этому, что тогда будет им?”

— Он же ответил: “Если не послушают и не будут верить явлению этому, то я Духом своим Святым потоп-

лю Московское государство, и весь мир не пощажу: ни стара, ни млада за неверие их, и все Российское государство”.

Предстоящий же прослезился и наклонился ко мне, грешному, и говорил мне: “Послушай слова эти, и поведай всему миру, и не бойся!”

— И спросил его предстоящий: “Господи, какое знамение это будет?”

— Он же сказал: “Подниму бурю и волны из реки Волги, и потоплю суда с хлебом и с солью, и поломаю деревья и дома большие”.

— Он же ответил ему: “В последнем часе дня, когда солнце на закат пойдет”. И когда уходил он от меня, сказал мне так: “Если сотворят волю мою и послушают меня во всем, то будет им от меня на небесах Царство Небесное и на земле милость и мир вечный”. Аминь».

*Подготовка текста,
перевод и комментарии Н. В. Савельевой*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Определите место в произведении следующего события: «...и храм раздвинулся на все четыре стороны».
2. Покажите значимость в произведении таких символических образов, как свеча, колокола и бумага.
3. Докажите, что в «Повести...» присутствует антитеза. Раскройте ее художественный смысл. Сделайте вывод о характере отношений между людьми и высшими силами, отраженном в этом произведении древнерусской литературы.
4. Согласны ли вы с тем, что «Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде» — оптимистическое произведение? Приведите аргументы в пользу своей точки зрения.

АВВАКУМ (1620—1682)

Мученик Аввакум.
Икона XX века

Личность и судьба протопопа Аввакума

«**Р**ождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григореве...». О чем думал русский человек XVII века, прочитав эти слова? О том, что Нижегородский край со времен Смуты играл роль земского центра, в известной мере противостоящего боярской и архиерей-

ской Москве; что именно здесь Козьме Минину, «выборному человеку всюю землею», удалось собрать ополчение и поднять знамя освободительной войны; что в 1620—30-х годах здесь началось то религиозное движение, которое иностранные наблюдатели называли русской реформацией.

Самое место рождения как бы предрекало поповскому сыну Аввакуму Петрову, двадцати трех лет рукоположенному в священники, принять участие в борьбе с епископатом, не радевшем о народных нуждах. В Нижнем Новгороде подвизался Иван Неронов, впоследствии протопоп собора Казанской Божьей Матери в Москве и покровитель Аввакума, первым дерзнувший обличать епископат. «В нижегородских пределах» переплелись судьбы виднейших деятелей церкви и культуры XVII века. Иван Неронов и Никон, будущий патриарх, оба были учениками популярнейшего священника Анании из села Лыскова. Никон, уроженец села Вальдеманова, и Аввакум были земляками, почти соседями.

Описывая свою нижегородскую молодость, Аввакум вспоминал о постоянных распрях с «начальниками». «У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвин на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили... Таже ин начальник, во ино время, на мя рассвирепел, — прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрых персты, яко пес, зубами... Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал». Относить эти распри только на счет мятежной натуры Аввакума нет резона — хотя бы потому, что такие же конфликты сопровождали пастырскую деятельность всех вообще боголюбцев.

В чем причина, в чем смысл этих нападок Аввакума на «начальников»? Боголюбцы считали, что государство и церковь, чьи слабости обнажила Смута, нуждаются в преобразовании, а власти предержавшие противились всяким изменениям. Новаторство Ивана Неронова и его последователей казалось им «безумным учением» и ересью. Боголюбцы занимались социально-христианской работой: они возродили

личную проповедь (неслыханное новшество!), толковали «всяку речь ясно и зело просто слушателям простым», помогали бедным, заводили школы и богадельни. Епископы видели в этом посягательство на их духовную власть, бунт стада против пастырей: ведь боголюбцы представляли низший клир, провинциальное белое духовенство, которое было гораздо ближе к народу, нежели архиереи.

Но когда началась реальная церковная реформа, боголюбцы не приняли ее.

Накануне великого поста 1653 года Никон, друг боголюбцев, при их поддержке за год до того ставший патриархом, послал в Казанский собор, а потом и в другие московские храмы, патриаршую «память», в которой предписывал заменить двуперстное крестное знамение троеперстным. Аввакум, служивший в причте Казанского собора, не подчинился патриарху. Мятежный протопоп демонстративно собрал прихожан в сенном сарае. Его приверженцы прямо говорили: «В некоторое время и конюшня-де иные церкви лучше». Аввакума взяли под стражу и посадили на цепь в одном из московских монастырей. Это было первое «темничное сидение» Аввакума: «Кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дня, ни ел, ни пил; во тме сидя, кланялся на чеппи, не знаю — на восток, на знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно». Вскоре его отправили в Сибирь с женой Настасьей Марковной и с детьми — сначала в Тобольск, а потом в Даурию.

Чем объяснить эту оппозицию?

Прежде всего тем, что Никон начал реформу своей волей и своей властью, как патриарх, а не как предстатель боголюбцев. Конечно, они были задеты, даже оскорблены, но дело не в их честолюбии. С их точки зрения, Никон предал главную идею движения — идею соборности, согласно которой управление церковью должно принадлежать не только архиереям, но и бельцам, «а также и в мире живущим и житие добродетельное проходящим всякаго чина людям».

Таким образом, ретроградом обернулся Никон, вернувшийся к мысли об архипастырском превосходстве; боголюбцы остались новаторами.

Второй аспект оппозиции — национальный. Никона обурежала мечта о вселенской православной империи. Эта мечта и заставила его сблизить русский обряд с греческим. Боголюбцам же вселенские претензии были чужды, и Никон с его грандизными планами казался им кем-то вроде римского папы. Так начался раскол Московского царства.

Аввакум скитался по Сибири одиннадцать лет. Между тем его враг Никон в 1658 году был вынужден покинуть патриарший престол, потому что царь Алексей уже не мог и не хотел терпеть властную опеку своего «собинного друга». Когда в 1664 году Аввакума вернули в Москву, царь попытался склонить его к уступкам: близился суд над поверженным патриархом, и государю важна была поддержка человека, в котором «простецы» уже признали своего заступника.

Но из попытки примирения ничего не вышло. Аввакум надеялся, что удаление Никона означает и возврат к «старой вере», торжество боголюбческого движения, которое некогда поддерживал молодой царь Алексей Михайлович. Но царь и боярская верхушка вовсе не собирались отказываться от церковной реформы: они использовали ее в целях подчинения церкви государству.

Царь скоро убедился, что Аввакум для него опасен, и у непокорного протопopa снова была отнята свобода. Последовали новые ссылки, новые тюрьмы, лишение священнического сана и проклятие церковного собора 1666—1667 годов и, наконец, заточение в Пустозерске, маленьком городке в устье Печоры, в «месте тундряном, студеноем и безлесном». Сюда Аввакума привезли 12 декабря 1667 года. Здесь он провел последние пятнадцать лет жизни. В Пустозерске Аввакум и стал писателем.

*А. М. Панченко. Протопоп Аввакум //
История русской литературы.
Том 1, 1980*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Чем прославился Нижегородский край в XVII веке?
2. Выделите этапы жизни Аввакума. Обоснуйте свой выбор.
3. На основе содержания статьи сформулируйте идеологию боголюбцев. Почему боголюбцы не приняли реформу Никона?
4. Сопоставьте Аввакума с Никоном.

Агиографическая проза

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (фрагменты; перевод Н. В. Понырко)

Так я, протопоп Аввакум, верую, так исповедую, с тем живу и умираю.

* * *

Потом иной начальник в иное время на меня рассвирепел: прибежав ко мне в дом, бил меня и на руке, как пес, покусал персты; когда же наполнилась гортань его крови, тогда выпустил из зубов своих мою руку и, меня оставив, пошел в дом свой. Я же, поблагодарив Бога, завертев руку тряпкой, пошел к вечерне. И по дороге он же наскочил на меня снова с двумя пистолями и выстрелил из пистолы. И Божиим мановением на полке порох пыхнул, а пистоль не выстрелила. Он же бросил ее на землю и из другой выстрелил снова. Божия же воля так же учинила: и та пистоль не выстрелила. Я же прилежно, идучи, молюсь Богу, осенил его больною рукой и поклонился ему. Он меня лает, а я ему говорю: «Благодать во устах твоих, Иван Родионович, да будет».

После того дом у меня он отнял, а меня выгнал, всего ограбив, и на дорогу хлеба не дал. А в то время родился

сын мой Прокопий, что ныне сидит с матерью и с братом в земле закопан.

И я, взяв клюку, а мать — некрещеного младенца, пошли с братьями и домочадцами, куда Бог наставит, а сами, пойдя, запели божественные песни, евангельскую стихеру, большим роспевом: «На гору учеником идущим за земное Вознесение, предста Господь, и поклонишася ему», — всю до конца, а перед нами образа несли. Певцов в дому моем было много, — поя, со слезами на небо взираем. А провожающие жители того места, мужи и жены и дети, множество народа, рыдая и сокрушая мое сердце, далече нас провожали в поле. Я же, на обычном месте став и хвалу Богу воздав, поучение прочтя и благословя, насилу домой их воротил; а мы с домашними дальше побрели и в пути Прокопия крестили, как евнуха Филипп древле.

* * *

Потом меня взяли от всенощного Борис Нелединский со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли; их в тюрьму отвели, а меня на патриарховом дворе ночью на цепь посадили. Когда же стало рассветать, в день воскресный, посадили меня на телегу, растянув руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на цепи кинули в темную каморку, ушла вся в землю. И сидел я три дня, не ел, не пил, во тьме сидя, кланялся на цепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, только мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно.

Потом на исходе третьих суток захотелось мне есть, после вечерни стал предо мною, не ведаю — человек, не ведаю — ангел, и по сие время не знаю, только в потемках, сотворив молитву и взяв меня за плечо, с цепью к лавке привел и посадил, и ложку дал в руки, и хлебца немножко, и штец дал похлебать — зело превкусны, хороши, — и сказал мне: «Полно, довольно с тебя для укрепления!»

И не стало его. Двери не отворялись, а его не стало. Чудно только если человек, а ангелу-то нигде не загорожено.

Наутро архимандрит с братией вывели меня и пеняют мне: «Что патриарху не покоришься?» А я от Писания его браню. Сняли большую цепь и малую наложили. Отдали меня чернецу под надзор и велели в церковь волочить. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за цепь дергают, и в глаза плюют. Бог их простит в сей век и в будущий, не их то дело, но дьявольское.

* * *

Снова стану говорить, как меня по грамоте из Тобольска повезли на Лену.

А когда в Енисейск привезли, другой указ пришел: велено в Даурию везти, тысяч с двадцать от Москвы и больше будет. Отдали меня Афанасью Пашкову: он туда воеводою послан, и, по грехам моим, суров и бесчеловечен человек, бьет беспрестанно людей, и мучит, и жжет. И я много выговаривал ему, да и сам в руки попал, а из Москвы от Никона ему приказано мучить меня.

* * *

Так вот, с Нерчи-реки возвратились мы назад на Русь. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне (Пашков) под ребят и под домашнюю рухлядь дал две клячи, а сами мы с протопопицей брели пеши, убиваясь о лед. Страна варварская, инородцы немирные, отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не поспеем, голодные и измученные люди. В одну пору протопопица, бедная, брела-брела да и повалилась, и встать не может. А другой, тоже измученный, тут же взвалился: оба барахтаются, а встать не могут. После мне, бедная, пеняет: «Долго ль-де, протопоп, сего мучения будет?» И я ей сказал: «Марковна, до самой до смерти». Она же в ответ: «Добро, Петрович, тогда еще побредем».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Докажите, что в произведении присутствует не только правдоподобное, но и чудесное. Почему о нем рассказывает автор?
2. Аввакум писал: «Сказывай, не бойся, лишь совесть чистой держи; не себе славы ища, говори, но Христу и Богородице». На основе содержания фрагментов из «Жития» ответьте на вопрос: можно ли отнести эти слова к поступкам самого протопопа Аввакума?
3. Покажите экспрессивность речи Аввакума. Чем она вызвана?
Ответить на этот вопрос вам поможет следующий фрагмент.

Ценность чувства, непосредственности, внутренней, духовной жизни была провозглашена Аввакумом с исключительной страстностью; «я ведь не богослов, — что на ум попало, я тебе то и говорю», «писано моею грешною рукою сколько бог дал, лучше того не умею» — такими постоянными заверениями в своей безусловной искренности полны произведения Аввакума.

Даже тогда, когда внутреннее чувство Аввакума шло в разрез с церковной традицией, когда против него говорил властный пример церковных авторитетов, все равно Аввакум следовал первым побуждениям своего горячего сердца. Сочувствие или гнев, брань или ласка — все спешит излиться из-под его пера. Пересказав притчу о богатом и Лазаре, Аввакум не хочет назвать богатого «чадом», как назвал его Араам: «Я не Араам, не стану чадом звать: собака ты... Плюнул бы ему в рожу ту и в брюхо то толстое пнул бы ногою». <...>

Тихая, спокойная речь не в природе Аввакума. Сама молитва его часто переходит в крик. <...> Брань, восклицания, мольбы пересыпают его речь.

*Д. С. Лихачев. Великое наследие.
Классические произведения литературы
Древней Руси, 1987*

Образ корабля в произведении Аввакума

Но мнению Д. С. Лихачева, Аввакум вводит «Житие» в круг традиционных образов средневековья: «Море — жизнь; корабль, плывущий по житейскому морю, — человеческая судьба; якорь спасения — христианская вера. В эту систему образов включается и стиль “Жития”. Но для Аввакума нет абстрактных символов и аллегорий. Каждый из символов для него не отвлеченный знак, а конкретное, иногда до галлюцинаций доходящее явление — видение... Можно предполагать, что обильно встречающиеся в “Житии” реальные сцены плавания Аввакума на дощанике, на карбасе и т. д. привлекали его внимание именно потому, что они ассоциировались в его сознании все с тем же церковно-библейским символом корабля».

Конкретизируйте рассуждения Д. С. Лихачева, ориентируясь на приведенные ниже фрагменты из «Жития» и главы VII, X из баллады Д. С. Мережковского «Протопоп Аввакум» (1887), созданной на основе этого произведения древнерусской литературы.

1. И придя в свою избу, стал я плакать пред образом Господним, так что и очи опухли, и молиться прилежно, чтобы отлучил меня Бог от детей духовных, понеже бремя тяжко, не могу носить. Пал я на землю, и рыдал горько, и забылся лежа.

Не знаю как, плачу, а очи сердечные у реки Волги. Вижу: плывут стройно два корабля золотых, и весла на них златы, и шесты златы, и все золотое. По одному кормщику на них сидят. И я спросил: «Чьи корабли?» И они отвечали: «Лукин и Лаврентиев», — сии были мне духовные дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодно.

А после этого вижу третий корабль, не златом украшен, но разными красотами испещрен, красно, и бело, и сине, и черно, и пестро, ум человеческий не вместит такой красоты и лепоты; юноша светел, на корме сидя,

правит; бежит (корабль) ко мне из-за Волги, как проглотить меня хочет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидящий на нем отвечал: «Твой корабль. На, плавай на нем, коли докучаешь, с женою и с детьми». Я в трепете сел и размышляю, что это за корабль и что это будет за плавание.

2. Поехали из Енисейска. Как будем на Тунгуске-реке, бурю дощаник мой в воду погрузило, набрался посреди реки полон воды, и парус изорвало, одна палуба наверху, а то все в воду ушло. Жена моя ребят кое-как повытаскивала наверх, а сама ходит простоволоса, не помня себя, а я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помоги!» И Божией волею прибило нас к берегу. Много о том говорить. На другом дощанике двух человек сорвало, и утонули в воде. Оправясь, мы снова поехали дальше.

* * *

VII

Я в дощенике очнулся... Тишь и мрак... Лежу на дне,
Хлещет мокрый снег да ливень по израненной спине.

Тянет жилы, кости ноют... Тяжко! страх меня объял;
Обезумев от страданий, я на Бога возроптал:

«Горько мне, Отец небесный, я молиться не могу:
Ты забыл меня, покинул, предал лютomu врагу!

Где найти мне суд и правду? Чем Христа я прогневил,
И за что, за что я гибну?..» — так я, грешный, говорил.

Вдруг на небе как-то чудно просветлело, и порой
Словно ангельское пенье проносилось над землей...

Веют крылья серафимов, и кадиланицы звенят,
Сквозь холодный дождь и вьюгу дышит теплый аромат.

И светло в душе, и тихо: темной ночью под дождем,
Как дитя в спокойной люльке, — я в дощенике моем.

Ты, Иисусе мой сладчайший, муки в счастье превратил,
Пристыдил меня любовью, окаянного простил!

Этот грех мне был так сладок, дорога мне эта ложь:
Ты простишь мне, Милосердный, ты, Христос,
меня поймешь:

Не велел ли ты за брата душу в жертву принести.
Все смолкает пред любовью: чтобы гибнущих спасти,
Согрешил бы я, как прежде, без стыда солгал бы вновь:
Лучше правда пусть исчезнет, но останется любовь!

Произведение Аввакума как житие

Объект изображения в житийном произведении — подвиг веры, совершаемый историческим лицом или группой лиц (мучеников веры, церковных или государственных деятелей). Чаще всего подвигом веры становится вся жизнь святого, иногда описывается лишь та ее часть, которая и составляет подвиг веры, или объектом изображения оказывается лишь один поступок.

Главное назначение жития — назидательное, дидактическое: жизнь и подвиги святого рассматриваются как пример для подражания, его страдания — как знак Божественной избранности. Опираясь на Священное писание, житие обычно ставит и с христианских позиций отвечает на центральные вопросы человеческого бытия: что преопределяет судьбу человека? Насколько он волен в своем выборе? В чем сокровенный смысл страдания? Как должно относиться к страданию? Решая проблему свободы и необходимости с христианских позиций, житие часто рисует такую ситуацию, когда святой может избежать мучений, но сознательно этого не делает, напротив, он отдает себя в руки мучителям. Добровольно и осознанно принимают смерть первые русские святые князья-мученики Борис и Глеб, хотя смерти можно было бы избежать.

О. В. Гладкова. Житие // Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Вы ознакомились с характеристикой жанра жития. Раскройте признаки этого жанра в произведении протопопа Аввакума. В ходе ответа используйте тексты Аввакума и Д. С. Мережковского. Ниже приводится текст XII главы из баллады Мережковского «Протопоп Аввакум».

Смерть пришла... Сегодня утром пред народом поведут
На костер меня, расстригу, и с проклятьями сожгут.

Но звучит мне чей-то голос и зовет он в тишине:
«Аввакумушка мой бедный, ты устал, приди ко мне!»

Дай мне, Боже, хоть последний уголок в святом раю,
Только б видеть милых деток, видеть Марковну мою.

Потрудился я для правды, не берег последних сил:
Тридцать лет, Никониане, я жестоко вас бранил.

Если чем-нибудь обидел, — вы простите дураку:
Ведь и мне пришлось немало натерпеться, старику...

Вы простите, не сердитесь, — все мы братья о Христе:
И за всех нас, злых и добрых, умирал Он на кресте.

Так возлюбим же друг друга, — вот последний
мой завет:
Все в любви — закон и вера... Выше заповеди нет.

2. Прочитайте фрагмент из книги. Сформулируйте точку зрения исследователя древнерусской литературы. Согласны ли вы с ней? Аргументируйте свое мнение.

Свою биографию Аввакум излагает в жанре старого жития, но форма жития дерзко нарушена им. Аввакум пишет собственное житие, описывает собственную жизнь, прославляет собственную личность, что казалось верхом греховного самовосхваления в предшествующие века. Аввакум совсем не считает себя обыкновенным человеком. Он и в самом деле причисляет себя к святым и передает не только факты, но и «чудеса», которые считал себя способным творить. Как

могла прийти подобная мысль — описывать собственную святость — русскому человеку XVII века, воспитанному в традициях крайнего религиозного смирения? Эгоцентризм жития Аввакума совершенно поразителен.

*Д. С. Лихачев. Великое наследие.
Классические произведения литературы
Древней Руси, 1987*

Образ Аввакума в русской прозе XX века

В цикл Ю. М. Нагибина «Вечные спутники», посвященный писателям и композиторам прошлого, входит и повесть «Огненный протопоп» — о духовном подвиге протопопа Аввакума. Для воссоздания колорита эпохи писатель частично использует исторические материалы и текст «Жития протопопа Аввакума».

Ниже приводится фрагмент, в котором показан Аввакум перед казнью, перед сожжением на костре.

Ю. М. Нагибин

И шестидесятидвухлетний Аввакум, полтора десятка лет просидевший в смрадном гноище, напрягся каждой мышцей, раздвинулся в каждом суставе, разъялся в позвонках и, весь заюнев, гоголем шагнул мимо посторонившегося стрельца к ветхому порожку.

Он вышел в малый простор тюремного двора, его шатнуло, чуть не опрокинув на мерзлую землю. Будто чем-то мягким, но увесистым шибануло под вздох и в голову. Он едва удержался на худых своих большестопых ногах, расхоженных тысячеверстыми сибирскими дорогами, — так вдарило после спертой и смрадной темницы свежим предвесенним духом. Эта ядреная, морозная, пронзительная струя ворвалась в черный спекшийся рот протопопа

и омыла все его застоявшееся нутро. И когда прошло головокружение, утомонились круги и стрелы в очах, стал протопоп чистым, свежим, прохладным — не с лица, конечно, с исподу, — как часть пробуждающегося, мглистого, еще во власти ночи и зимы, но уже ощутившего вей апрельских ветров северного мира. «Вот, тринадцать лет невылазно населяли утопленные в земле срубы, и хоть бы что — молодцы молодцами!» — распространяя на друзей прилив доброй силушки, радостно подумал Аввакум.

Он оглянулся на «молодцов», и опять его шатнуло, затрясло, и мрак хлынул в зрачки. Господи, что же с ними поделалось? А, господи?.. Не верил себе протопоп. Может, извечный враг человеческий порошком каким в глаза сыпанул и скривил, изуродовал ему зрение? Да разве это люди выползли на свет божий? Сухие, темные стрючки, пустая оболочка без следа теплой жизни. Как дряхл, как безнадежно ветх инок Епифаний! Пепельная мертвая кожа, всос щек и рта, голые немигающие глаза — неужто он еще и ослеп? С твердого, как кость, пятнистого черепа свисают длинные тонкие нити серых волос, лезут в глаза, в ноздри, в запавший рот, а Епифаний не замечает, не пытается ни отмахнуть, ни хоть отдуть докучный волос. А замечает ли он хоть что-нибудь округ себя? Или только истомным биением сердца еще принадлежит жизни?..

— Богоугодный старец!.. Отче Епифаний!.. Миленький!..

Ничто не тронулось в бескровном лице, и слабой искоркой не пробило зрачков. А ведь казалось, что до последнего дня общались они со старцем. Аввакум делился с ним всем самым сокровенным, совета испрашивал, научения и вроде ответ получал. Одобрял и укреплял его старец. Неужто все это только в воображении Аввакума сотворилось? Выходит, он жил за двоих: за себя и за старца. Ведь старец, бедненький, и словечка вымолвить не может. С чего взял Аввакум, будто вернулась Епифанию

речь? С чего наградил его новой рукой, когда из дыры в мешке свешивается плетью беспалая культяпка?

А ведь сколько раз писал и вещал протопоп о явленном господом чуде — отрастании усеченных языков у всей троицы и обрезанных перстов Епифания! Да нет же, было чудо, было, разум сроду не отказывал протопопу, даже в самые горькие минуты. Значит, господу для чего-то надобно отнять у страдальцев дареное, вернуть им первоначальный образ жертв. Может, для того, чтобы на том свете спросили они у собаки Никона: а где наша откромсанная плоть? Бог все с толком и значением делает, и, коли сама вера не сподабливает тебя к открытию истины, лучше не пытаться решать высокие загадки творца слабым своим умишком.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Покажите изменение в душевном состоянии Аввакума. Чем оно вызвано?
2. Соответствует ли образ Аввакума, созданный Ю. М. Нагибиным, тому образу, с которым мы встречаемся, читая житие и балладу Д. С. Мережковского? Аргументируйте свою позицию.
3. Прочитайте следующий текст.

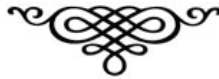
В древнерусской литературе сосуществовали две основные жанровые формы жития — собственно житие (жизнеописание от рождения и до смерти) и мученической смерти святого. В «Огненном протопопе» соединяются обе жанровые формы. Рассказ Нагибина имеет рамочную композицию, при которой сама «рама» содержит описания готовящейся и осуществляющейся казни Аввакума («протопоп горел с ног, на низком, вялом пламени. Он стонал, ревел, закидывая косматую пегую голову с желто обгорелыми от искр кончиками длинных волос»), а композиционный центр произведения — описание всей жизни главного героя.

Нагибин, обращаясь к жанру жития, решает собственные художественные задачи. Его произведение в меньшей степени соотносится с каноническим житием, писатель ставит перед собой цель изобразить, в первую очередь, внутренний мир Аввакума. В «Огненном протопопе» Нагибина отразилась характерная для жанра жития тенденция к беллетризации и слиянию с жанром повести.

В. Н. Пахтусова, 2019

К какой форме жития относятся известные вам произведения древнерусской литературы указанного жанра? Аргументируйте свою точку зрения.

4. Почему писатель второй половины XX века обратился к личности протопopa Аввакума?

Литература XIX века

Александр Сергеевич Пушкин 31

Михаил Васильевич Авдеев 131

Николай Александрович Добролюбов 147

Павел Иванович Мельников-Печерский 156

Владимир Галактионович Короленко 166

**АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН
(1799—1837)**

**О. Комов. Памятник А. С. Пушкину в Большом Болдине.
1979 год**

В 1812 году, во время войны с Наполеоном, Нижний стал прибежищем для многих жителей Москвы. Так, здесь нашли приют семьи трех братьев Пушкиных: Сергея Львовича (его сын Александр в это время находился в Царскосельском лицее под Санкт-Петербургом), Василия Львовича (известного поэта) и «другого Пушкина» — кузена Алексея Михайло-

вича. Все трое посещали вечера и литературные салоны. Ю. Н. Тынянов описывает в своем романе «Пушкин», как в это время Василий Львович «сочинил патриотическое и очень милое обращение к жителям Нижнего Новгорода, где оплакивался московский пожар. Здесь не было надутых восклицаний и уподоблений военачальников древним римским героям, а чистота, опрятность слога и некоторая жалобность; после каждого куплета прибавлялось:

Примите нас под свой покров,
Питомцы волжских берегов!

Стихи ему удались. Славный любитель музыки, московский профессор Фишер, который тоже бежал со всеми из Москвы, положил их на музыку... На балу у губернатора Крюкова романс Василья Львовича имел успех оглушительный».

Болдинский период жизни и творчества

Пушкин ехал в Болдино, оставляя позади тревожные события петербургской и московской жизни: угрожающе обострившиеся после самовольной поездки на Кавказ отношения с Бенкендорфом; журнальные нападки Булгарина, перераставшие в беззастенчивую травлю; беспокойство и неуверенность, вынесенные из последних визитов к Гончаровым; предощущение возможных перемен и болезненной ломки быта, к которым обязывала предстоящая женитьба. К этому следует добавить еще и не покидавшую поэта мысль о возрастной границе, роковой черте 30-летия, которую переступил Пушкин в 1829 году.

1830 и 1831 годы Пушкин переживает как кризисную пору. Насколько неуравновешенным было его состояние духа в 1830 году, позволяет судить хотя бы письмо поэта к Бенкендорфу: «С горестью вижу, что любые мои поступки вызывают подозрение и недоброжелательство. Простите, генерал,

вольность моих сетований, но ради бога, благоволите хоть на минуту войти в мое положение и оценить, насколько оно тягостно. Оно до такой степени неустойчиво, что я ежеминутно чувствую себя накануне несчастья, которое не могу ни предвидеть, ни избежать...». Даже сделав скидку на возможный «тактический прием», на желание Пушкина уяснить в предвидении женитьбы, насколько действительно неустойчиво его положение с точки зрения официально-правительственных «верхов», — все-таки нельзя не почувствовать в пушкинских строках живое, стихийно прорвавшееся смятение.

И конечно смятение это питалось не только злоключениями личной судьбы, многочисленными заслонами и запретами, слезкой, которой в эту пору сопровождалась жизнь Пушкина. Слишком много трагических и зловещих событий, затрагивающих судьбы России и европейского мира, выпало на 1830 год. В пушкинском жизнеощущении трагизм личной судьбы, без сомненья, сплетался с историческими потрясениями эпохи. «Какой год! Какие события! — писал Пушкин гр. Е. М. Хитрово. — Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Народ подавлен и раздражен. 1830 год — печальный год для нас! Будем надеяться — всегда хорошо питать надежду».

А между тем пушкинская муза ждала и искала хотя бы кратковременного душевного спокойствия, без которого, по выражению Пушкина, «ничего не произведешь». В болдинской глуши Пушкин обрел желанное уединение. Было ли «душевное спокойствие»? Была, несомненно, величайшая сосредоточенность мысли. Ее уже не отвлекали шумный и суетный круговорот столичного быта, гнет каждодневных столкновений с великосветской или литературною «чернью». Но спокойствия как гармонической ясности духа не было, надо думать, и не могло быть. Вся болдинская лирика Пушкина, его драматургия и даже проза замешаны на беспокойстве, достигающем порою трагических высот.

*В. А. Грехнев.
Мир пушкинской лирики, 1994*

В болдинском уединении есть еще одно для Пушкина очарование; оно совсем не мирное: рядом таится смерть, кругом ходит холера. Чувство опасности электризует, веселит и дразнит, как двойная угроза (чумы и войны) веселила и возбуждала Пушкина в его недавней — всего два года назад — поездке под Арзрум в действующую армию. Пушкин любил опасность и риск. Присутствие их волновало и будило творческие силы. <...>

Соединение тишины и досуга, необходимых для раздумий, и тревожного и веселого напряжения, рождаемого чувством приближения грозных событий, выплеснулось неслыханным даже для Пушкина, даже для его «осенних досугов», когда ему бывало «любо писать», творческим подъемом. В сентябре были написаны «Гробовщик» и «Барышня-крестьянка», завершен «Евгений Онегин», написана «Сказка о попе и работнике его Балде» и ряд стихотворений. В октябре — «Метель», «Выстрел», «Станционный смотритель», «Домик в Коломне», две «маленькие трагедии» — «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери», писалась и была сожжена десятая глава «Евгения Онегина», создано много стихотворений, среди них такие, как «Моя родословная», «Румяный критик мой...», «Заклинание», ряд литературно-критических набросков. В ноябре — «Каменный гость» и «Пир во время чумы», «История села Горюхина», критические статьи. В Болдинскую осень пушкинский талант достиг полного расцвета.

В Болдине Пушкин чувствовал себя свободным как никогда (парадоксально — эта свобода обеспечивалась теми 14-ю карантинами, которые преграждали путь к Москве, но и отделяли от «отеческих» попечений и дружеских советов Бенкендорфа, от назойливого любопытства посторонних людей, запутанных сердечных привязанностей, пустоты светских развлечений). Свобода же для него всегда была — полнота жизни, ее насыщенность, разнообразие. Болдинское творчество поражает свободой, выражающейся, в частности, в нескованном разнообразии замыслов, тем, образов.

<...>

Если «Евгений Онегин» подводил черту под определенным этапом поэтической эволюции Пушкина, то «маленькие трагедии» и «Повести Белкина» знаменовали начало нового этапа. В «маленьких трагедиях» Пушкин в острых конфликтах раскрыл влияние кризисных моментов истории на человеческие характеры. Однако и в истории, как в более глубоких пластах человеческой жизни, Пушкин видит мертвящие тенденции, находящиеся в борении с живыми, человеческими, полными страсти и трепета силами. Поэтому тема застывания, затормаживания, окаменения или превращения человека в бездушную вещь, страшную своим движением еще больше, чем неподвижностью, соседствует у него с оживанием, одухотворением, победой страсти и жизни над неподвижностью и смертью.

«Повести Белкина» были первыми законченными произведениями Пушкина-прозаика. Вводя условный образ повествователя Ивана Петровича Белкина и целую систему перекрестных рассказчиков, Пушкин проложил дорогу Гоголю и последующему развитию русской прозы.

*Ю. М. Лотман.
Пушкин, 1995*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое настроение выражено в письме поэта к Бенкендорфу?
2. Докажите, что А. С. Пушкин воспринимал свою судьбу в контексте европейской истории.
3. У печального события может быть и положительная сторона. Как Ю. М. Лотман доказывает справедливость этой мысли?
4. Можно ли утверждать, что у В. А. Грехнева и Ю. М. Лотмана одинаковые взгляды на душевное состояние А. С. Пушкина в болдинский период жизни и творчества? Обоснуйте свою точку зрения.
5. Какие новые тенденции проявились в пушкинском творчестве болдинского периода?

Философская лирика

Бесы

Со стихотворением «Бесы» в болдинское творчество Пушкина входит ночной мир. Пушкинская «ночь» — разумеется, не просто фон, хотя бы и не безразличный к воплощению существа художественной мысли. Ночь символизирует состояние русского мира, сбившегося с пути, и состояние души, охваченной трагическими страстями. Экспрессивно-смысловая «тьень» этого образа, конечно же, не заслоняет бессмертное «солнце ума» в пушкинском мироощущении. Но и не учитывать ее нельзя.

В. А. Грехнев.

Мир пушкинской лирики, 1994

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;

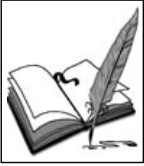
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой вы видите световую и цветовую картину мира, читая стихотворение?
2. Покажите определяющую роль в стихотворении мотива вихревого кружения. По мнению В. А. Грехнева, он охватывает и интонацию, и поэтический синтаксис, и слово, и строфику, будучи основанным на повторах и параллелизмах.
3. Глаголы какого вида преобладают в стихотворении. Чем вы это объясните?
4. Покажите справедливость следующей мысли В. А. Грехнева: «Пушкинская лирическая эмоция “Страшно, страшно поневоле / Среди неведомых равнин” как бы разольется по всей образной ткани произведения».
5. Согласны ли вы с приведенным ниже суждением о пушкинских «бесах»? Обоснуйте свою точку зрения.

Пушкинские «бесы» — не только носители, но и невольники зла. Они сами ввергнуты в роковой круговорот. И над ними тяготеет некая высшая сила. Так символическими средствами Пушкин воплощает своеобразную иерархию зла, символически опредмечивая многоликость враждебных стихий, опутавших личность и сбивающих с пути современную Россию.

В. А. Грехнев.

Мир пушкинской лирики, 1994

6. Сначала зачин пушкинского стихотворения выглядел так: «Путник едет в чистом поле...»; «Путник? Едет в темном поле...»; «Путник едет в белом поле...». Окончательный вариант таков: «Еду, еду в чистом поле...». Литературовед Б. П. Городецкий считал, что Пушкин подошел к окончательному варианту «в связи с необходимостью обосновать диалог путника с ямщиком». Можно ли это объяснение назвать убедительным? Аргументируйте свою позицию.
7. Прочитайте стихотворение современника Александра Пушкина Е. А. Баратынского «Бесенок» (1829). Чем отличается это стихотворение от пушкинских «Бесов»?

Слышал я, добрые друзья,
Что наши прадеды в печали
Бывало беса призывали:
Им подражаю в этом я.
Но не пугайтесь. Подружился
Я не с проклятым сатаной,
Кому душою поклонился
За деньги старый Громобой;
Узнайте: ласковый бесенок
Меня младенцем навещал
И колыбель мою качал
Под шопот легких побасенок.
С тех пор я вышел из пеленок,
Между мужами возмужал,
Но для него еще ребенок.
Случится ль горе иль беда,
Иль безотчетно иногда
Сгрустнется мне в моей конурке, —
Махну рукой: по старине
На сером волке, сивке-бурке
Он мигом явится ко мне.
Больному духу здравьем свистнет,
Бобами думу разведет,
Живой водой веселье вспырнет,
А горе мертвою зальет.
Когда, в задумчивом совете
С самим собой, из-за угла
Гляжу на свет, и видя в свете
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильем сверженный закон,
Я слабым сердцем возмущен;
Проворно шапку-невидимку
На шар земной набросит он;
Или, в мгновение зеницы,
Чудесный коврик-самолет
Он подо мною развернет

И коврик тот в сады жар-птицы,
В чертоги дивной царь-девицы
Меня по воздуху несет.
Прощай владенье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я от твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

Элегия

В пушкинской «Элегии» пессимистические настроения сменяются надеждой на то, что и в будущем подлинные проявления жизни напомнят о себе. Эти контрастные состояния непосредственно отражаются на лексическом уровне: «угасшее веселье», «смутное похмелье», «печаль минувших дней», «мой путь уныл», «труд и горе», «грядущего волнуемое море» — «но не хочу, о други, умирать», «я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», «будут наслажденья», «порой опять гармонией упьюсь», «над вымыслом слезами обольюсь», «блеснет любовь улыбкою прощальной».

Конечно же, в пушкинском стихотворении не обнаруживается безудержная радость (последний эпитет это убедительно доказывает), но главное в другом: лирический герой, мыслями обращаясь к будущему, преодолевает уныние, преодолевает состояние, близкое к энтропии, что свидетельствует о неисчерпаемых возможностях человеческой души, которая даже в кризисной ситуации находят спасительные опоры в самой себе.

М. И. Шутан.

14 встреч с русской лирической поэзией, 2019

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Можно ли утверждать, что лирический герой «Элегии» перечеркивает прошлое? Противоречит ли первое четверостишие «Элегии» пушкинскому стихотворению «Воспоминание» (1828)?

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

2. Соотнесите следующий фрагмент из письма А. С. Пушкина к Осиповой (ноябрь 1830 года) с «Элегией»: «Но счастье... это великое быть может, как говорил Рабле о рае или о вечности. В вопросах счастья я атеист: я не верю в него и лишь в обществе старых друзей становлюсь немного скептиком».

3. Сопоставьте «Элегию» со следующим фрагментом из монолога Сальери, героя пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери». Особое внимание удели-те выделенным курсивом фразам.

Как жажда смерти мучала меня,
Что умирать? Я мнил: *быть может, жизнь*
Мне принесет внезапные дары;
Быть может, посетит меня восторг,
И творческая ночь, и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден сотворит
Великое — и наслажуся им...

4. В. А. Грехнев утверждает, что «в композиции первой части "Элегии" лирический субъект нигде не выступает прямым носителем действия. Он лишь носитель состояния, лицо страдательное», во второй же части налицо «пафос жизненной активности, личной воли, не снижающей даже при мысли о неотвратимости конца», то есть «лирический субъект несет в себе ярко выраженное начало волеизъявления» (В. А. Грехнев. *Мир пушкинской лирики, 1994*). Аргументируйте эти суждения исследователя, опираясь на текст произведения. Выполняя задание, особое внимание обратите на употребление местоимений.

5. Сопоставьте пушкинскую «Элегию» со стихотворением Е. А. Баратынского «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...» (1840).

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит!

Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы

Пафос напряженной активности духа, жаждущего противопоставить «слепому» потоку бытия волевое усилие зоркой мысли, чтобы пробиться сквозь заслоны судьбы, сквозь «сон докучный», властвующий вокруг над умами, к трезвому и всеобъемлющему взгляду на жизнь, в свете которого случайное и хаотическое, весь этот «темный язык» бытия раскрылись бы в своем сокровенном значении, — таков пафос пушкинского лиризма не только в «Стихах...», но и в болдинской лирике в целом.

В. А. Грехнев.

Мир пушкинской лирики, 1994

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое восприятие ночного мира раскрывается в первой половине стихотворения?
2. О чем свидетельствует цепочка из вопросительных предложений, определяющая содержание второй части стихотворения? Можно ли утверждать, что, по словам В. А. Грехнев, здесь «бьется пульс жадной, настойчиво взыскующей мысли», расплеснувшейся «неудержимо, именно, как "стихия", сама природа которой исключает представление о пределе»?
3. Обоснуйте постановку многоточия в конце стихотворения.
4. Сопоставьте пушкинские «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» с «Бессонницей» Ф. И. Тютчева (1829).

Часов однообразный бой,
 Томительная ночи повесть!
 Язык для всех равно чужой
 И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
 Среди всемирного молчанья,
 Глухие времени стенанья,
 Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
 Неотразимый Рок настиг —
 И мы, в борьбе, природой целой
 Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,
 Как призрак на краю земли,
 И с нашим веком и друзьями
 Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя
 Меж тем на солнце расцвело,
 А нас, друзья, и наше время
 Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

Герой

Поиск истины продолжается в пушкинском «Герое» (ноябрь 1830 года). Здесь резко перестраивается ракурс лирико-философской мысли. Теперь она втягивает в свою орбиту материал истории, одну из самых ярких, величественных и грозных ее страниц, связанных с судьбой Наполеона. Но не философия истории занимает Пушкина в «Герое» и не историческое содержание личности Наполеона служит здесь предметом размышления. Человеческая сущность этой личности, противоречия ее духовной природы — вот что выдвигается на первый план. Было бы нелепо усматривать в этом симптоме равнодушия к истории. Важно только понять, что исторический материал в «Герое» существует лишь постольку, поскольку он сопричастен пушкинской мысли о современном человеке.

*В. А. Грехнев.
Мир пушкинской лирики, 1994*

Что есть истина?

Д р у г

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной

Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

П о э т

Все он, все он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчаный,
Исчезнувший, как тень зари.

Д р у г

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль, как Москва пустынно блещет,
Его приемля, — и молчит?

П о э т

Нет, не у счастья на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне;
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,

Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнь свою своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Д р у г

Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас*, —
И где ж очарованье света!

П о э т

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

Д р у г

Утешься.....

**Mmoires de Bourrienne (Прим. А. С. Пушкина.)*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Подробно прокомментируйте следующие образы, вошедшие в пушкинское стихотворение: «слава, как огненный язык», «чудная звезда», «хладно руку жмет чуме».

2. Докажите, что в изображении Наполеона присутствует и панорамный, и крупный план. Чем вы это объясните?
3. Как поэт относится к истине? Прокомментируйте последнюю реплику Друга. Почему поэт использует форму диалога, столь редко встречающуюся в лирической поэзии?
4. На примере произведений «Герой», «Наполеон», «К морю», «Евгений Онегин» проследите изменения в отношении поэта к личности и судьбе Наполеона.

Чудесный жребий совершился:

Угас великий человек.

В неволе мрачной закатился

Наполеона грозный век.

Исчез властитель осужденный,

Могучий баловень побед,

И для изгнанника вселенной

Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой

Мир долго, долго будет полн,

Приосенен твоею славой,

Почий среди пустынных волн...

Великолепная могила!

Над урной, где твой прах лежит,

Народов ненависть почилла

И луч бессмертия горит.

<...>

Да будет омрачен позором

Тот малодушный, кто в сей день

Безумным возмутит укором

Его развенчанную тень!

Хвала! он русскому народу

Высокий жребий указал

И миру вечную свободу

Из мрака ссылки завещал.

Наполеон, 1821

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставляя миру свой венец.
Шумы, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

К морю, 1824

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...

Евгений Онегин, 1824—1830

5. На основе философской лирики сделайте вывод об отношении поэта к жизни и человеку. Можно ли назвать его пессимистом? оптимистом? Аргументируйте свою позицию.

Прощальный цикл

«Прощальные» стихотворения Пушкина — не только утверждение разлуки с прошлым, но и подтверждение живой связи с ним. Только этим и можно объяснить то изу-

мительное «ясновиденье» поэта, которое, прикасаясь к минувшему, оживляет его опаляющие душу подробности. <...>

Все горестное, трудное и прекрасное, что было в пушкинской судьбе, вся старая боль и душевные муки оживают в прощальной лирике. Но на них брошен особый свет, они предстают в таком художественном развороте, в котором события личной судьбы расцениваются с позиций общечеловеческого закона. Время, его неумолимая власть над миром эмоций — вот угол зрения, который отсеивает в событиях прошлого все, что несет на себе печать частной, узко биографической драмы.

В. А. Грехнев.

Мир пушкинской лирики, 1994

Прощанье

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. О каких движениях человеческой души поэт пишет в первой строфе? Обоснуйте употребление глагола «дерзаю».

2. Докажите, что содержание второй строфы определяет мотив движения времени. Мотивируйте повтор деепричастия несовершенного вида.
3. Какие сравнения встречаются в заключительной строфе? Прокомментируйте их употребление поэтом. Оцените следующее высказывание.

В финальном пятистишье перестраивается смысл поэтической адресации. К женщине, когда-то пылко любимой, теперь обращаются как к другу. В контексте этой строфы слова «друг», «подруга» становятся ключевыми словами, а семантика «дружбы» — мерою тех новых отношений, которые утверждаются взамен утраченных, пусть в предвиденье окончательной разлуки.

*В. А. Грехнев.
Мир пушкинской лирики, 1994*

4. Стихотворение представляет собой обращение лирического героя к «образу милому», «дальней подруге». Каков художественной эффект такой речевой установки поэта?

* * *

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

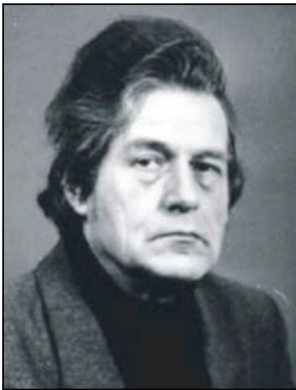
Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Раскройте душевное состояние лирического героя, каким оно показано в первой строфе. Отвечая на вопрос, обратите внимание на характер эпитетов, используемых автором.
2. В последней строфе возникает картина неба, сияющего в блеске голубом. Соответствует ли такая картина природе трагическому событию, о котором упоминается в ней?
3. Определите место мотива поцелуя в композиции стихотворения.
4. Сопоставьте стихотворения «Для берегов отчизны дальней...» и «Прощание». Можно ли применить к каждому из них приведенные в начале раздела высказывания В. А. Грехнева?

В. А. Грехнев

В. А. Грехнев — выдающийся нижегородский литературовед

В моем сознании возникла давняя картина: я сижу на кафедре русской классической литературы — и вдруг на ней появляется человек, внешность которого не может не вызвать ассоциацию с внешностью романтического героя. Проходит несколько минут — и в самой большой

аудитории факультета этот человек читает лекцию на тему «Преддверие русского романтизма». Нельзя забыть потрясение, испытанное во время этой лекции. Такой взгляд на литературу ранее мне был неведом! Серьезный разговор о поэтике, несводимый к перечню пресловутых художественных особенностей, разговор, опирающийся на философские категории и законы, не мог не стать событием. Лекция отличалась повышенным уровнем сложности. И это важно отметить, так как Всеволод Алексеевич Грехнев всегда стоял над аудиторией и вел ее за собой. Произвел сильнейшее впечатление и артистизм преподавателя, проявлявшийся не только в подаче аналитического и обобщающего материала, но и в чтении художественных текстов.

Интеллектуал, в совершенстве овладевший самыми изощренными приемами анализа и синтеза, и художественная натура — человек, стремящийся в научной работе отразить прежде всего сам мыслительный процесс и сделать это в образной форме, в связи с чем вспоминается разговор с Всеволодом Алексеевичем в середине 90-х годов, в котором он противопоставил друг другу стиливые манеры философов Бердяева и Шестова (естественно, манера последнего ему была намного ближе). Художественность натуры Всеволода Алексеевича проявлялась и в том, что он писал стихи (об этом мало кто знал) и переводил произведения Гофмана на русский язык.

Широчайший эстетический и литературный кругозор, прекрасно проявившийся и в его научных работах (они посвящены произведениям А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Сологуба, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, Л. Н. Толстого, а также теоретическим вопросам), способствовал более глубокому проникновению в мир пушкинского творчества и постижению философско-эстетических основ лирики как рода художественной литературы.

Диалектичность, одна из главнейших особенностей научного мышления В. А. Грехнева, проявляется, например, тогда, когда он осмысляет *Случай как философскую категорию*. Исследователю оказывается доступным пушкинский взгляд на нее: «Сердце, а не мысль всегда “выбирает” у Пушкина и в событиях частной судьбы (“Евгений Онегин”), и в событиях большой истории (“Капитанская дочка”). И этот-то выбор сердца (всегда безошибочный) и есть та стезя, по которой Случай предпочитает входить в мир истории благотворным вестником высшей воли и одновременно высшею силой, предохраняющей историю от окостенения в оковах необходимости».

В этой фразе точно схвачена диалектика художественного мира А. С. Пушкина. Во-первых, в раскрытой системе жизненных ценностей случайное определенным образом сочетается с необходимым, закономерным. Во-вторых, случайное реализуется через человеческую волю.

Содержание статьи В. А. Грехнева наводит и на мысли о поэтике пространства. Герой с прозорливым сердцем, ступая на стезю случайного, расширяет свое жизненное пространство, ибо он уничтожает границу, жесткую демаркационную линию, отделявшую его существование от существования других людей. Эта граница (а она была создана романтическим мироощущением) разрушается, когда Татьяна встречает Онегина — и знаком этого разрушения является письмо. В этом случае ситуация столкновения со Случайным и одновременно со своей Судьбой как бы раскалывает жизнь человека на два периода и знаменует собой не просто расширение пространства героя, а качественно иной уровень его мироощущения и поведения: это не просто жизнь — это бытие. Меняется и жизненный ритм: замедленное течение времени, часто циклического, сменяется его стремительным движением, полетом, что не удивляет, так как жизнь героя как бы сдвигается с мертвой точки.

Во внутреннем мире пушкинского героя возможен скачок, и Всеволод Алексеевич откликается на это, размышляя о судьбе Онегина: «Не помышляя ни о каком возрождении, отринув все обольщения бытия и безвольно погрузившись в безотраднo-тусклый сон воли, Онегин просыпается вдруг, в одно мгновение, как бы под ударом солнечного удара, того возрождающего света, который исходит от Татьяны, ибо именно этого света бессознательно ждала и искала его душа в холодном и суетном мире».

О диалектичности мышления ученого свидетельствует и анализ лирических произведений А. С. Пушкина.

Казалось бы, при анализе пушкинской элегии «К морю» только об одной эмоции — эмоции разочарования — и должна идти речь. О ней исследователь пишет глубоко: «К морю оно (разочарование. — М. III.) точно бы восходит по концентрическим кругам, поднимаясь от биографии к истории и взмывая в финале в надысторические выси, где безраздельно господствуют законы судьбы <...> Пушкинская эмоция сохраняет психологическую объемность в каждой точке своего композиционного движения». Но не забывает ученый и о заключительных строках элегии, в которых «оживают образы вольной стихии, уже готовые перевоплотиться в неизгладимые образы памяти». И вот сейчас можно было бы высказать мысль о пушкинском оптимизме, о вере поэта в светлые начала бытия, но далее перед нами раскрывается совсем иное видение пушкинского мироощущения: «Нет, разумеется, было бы непростительной наивностью заключить, что последние строки стирают трагический итог пушкинского разочарования. Они не столько нейтрализуют его, сколько уравнивают картину бытия, и на стыке их с этим итогом рождается образ особой пушкинской полноты жизнеощущения, которое с равной степенью глубины и силы восприятия объемлет “и блеск, и тень” жизни».

М. И. Шутан

Проза

Метель

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий.
.....
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Воздымая гривы...
Жуковский

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р *****. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поест, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестою, и многие прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и следственно была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию, и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нем и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя.

Наши любовники были в переписке, и всякий день

видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без нее? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания, но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые конечно будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: «Дети! придите в наши объятия».

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли, девушка ее была в заговоре; обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять верст от Ненарадова в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала белье и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, ее подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почитает она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам

дражайших ее родителей. Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головною болью. Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? — раздирали ее сердце. Она старалась их успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла ее сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, ее окружавшими.

Подали ужинать; сердце ее сильно забилося. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Пришед в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь... На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; все казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме все утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надела теплый капот, взяла в руки шкатулку свою и вышла на

заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу. Они насили дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями, удерживая ретивых. Он помог барышне и ее девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насилу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать и уверил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле, тотчас после обеда явились землемер Шмит в усах и шпорах, и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнью. Владимир обнял их с восторгом и поехал домой приготовляться.

Уже давно смеркалось. Он отправил своего надежного Терешку в Ненарадово с своею тройкою и с подробным, обстоятельным наказом, а для себя велел заложить маленькие сани в одну лошадь, и один без кучера отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приехать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую лете-

ли белые хлопья снегу; небо слилось с землею. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались. Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до Жадринской рощи. Прошло еще около десяти минут; рощи все было не видать. Владимир ехал полем, пересеченным глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать — и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашел он дорогу и въехал во мрак деревьев, обнаженных зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, устланная белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырех или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избушки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; верст десяток будет». При сем ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти.

«А отколе ты?» — продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик, — сказал он, — достать мне лошадей до Жадрина?» — «Каки у нас лошади», — отвечал мужик. «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно». — «Постой, — сказал старик, опуская ставень, — я те сына вышлю; он те проводит». Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сейчас выдет, обувается. Али ты прозяб? взойди погреться». — «Благодарю, высылай скорее сына».

Ворота заскрипели; парень вышел с дубиною и пошел вперед, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снеговыми сугробами. «Который час?» — спросил его Владимир. — «Да уж скоро рассвет», — отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи, и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадовским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке. Прасковья Петровна в шлафроке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково ее здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче и что она-де сейчас придет в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович». «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты верно, Маша, вчерась угорела», — сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша.

День прошел благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашел больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, накануне ею написанные, были сожжены; ее горничная никому ни о чем не говорила, опасаясь гнева господ. Священник, отставной корнет, усатый землемер и маленький улан были скромны, и недаром. Терешка кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю. Таким образом тайна была сохранена более, чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама в беспрестанном бреду высказывала свою тайну. Однако ж ее слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходившая от ее постели, могла понять из них только то, что дочь ее была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что вероятно любовь была причиною ее болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суже-

ного конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Он был напуган обыкновенным приемом. Положили послать за ним и объявить ему неожиданное счастье: согласие на брак. Но каково было изумление ненарадовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единю надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед его имя в числе отличившихся и тяжело раненых под Бородиным, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка ее не возвратилась. Однако, слава богу, обморок не имел последствия.

Другая печаль ее посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя ее наследницей всего имения. Но наследство не утешало ее; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненарадово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память его казалась священной для Маши; по крайней мере она берегла все, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки,

ноты и стихи, им переписанные для нее. Соседи, узнав обо всем, дивились ее постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемизы.

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоеванные песни: *Vive Henri-Quatre* [Да здравствует Генрих IV], тирольские вальсы и арии из *Жоконда*. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество*! Как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него, какая была минута!

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

И в воздух чепчики бросали.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был еще сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказывали, что, несмотря на ее холодность, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в ее замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с *интересной бледностью*, как говори-

ли тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нем обыкновенная задумчивость ее оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но поэт, заметя ее поведение, сказал бы:

Se amor non и, che dunque?.. [Если это не любовь, то что же?.. (франц.)]

Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало ее любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно и он, с своим умом и опытностью, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и еще не слыхала его признания? Что удерживало его? робость, неразлучная с истинною любовью, гордость ли кокетство хитрого волокиты? Это было для нее загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностью и, смотря по обстоятельствам, даже нежностью. Она приуготовля-

ла развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романического объяснения. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ее военные действия имели желаемый успех: по крайней мере Бурмин впал в такую задумчивость, и черные глаза его с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ее наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гранпасьянс, как Бурмин вошел в комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. «Она в саду, — отвечала старушка, — подите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошел, а старушка перекрестилась и подумала: авось дело сегодня же кончится!

Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только незапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей свое сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову еще ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux [Сен-Пре]). «Теперь уж поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей;

но мне еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, — прервала с живостию Марья Гавриловна, — я никогда не могла быть вашею женою...» — «Знаю, — отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать мое счастье, если бы... молчите, ради бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание... я женат!»

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

— Я женат, — продолжал Бурмин, — я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!

— Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна, — как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость.

— В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонек и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди.

«Сюда! сюда!» — закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то, — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в темном углу церкви; другая терла ей виски. «Слава богу, — сказала эта, — насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священник подошел ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле нее перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. «Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное свое лицо. Я хотел было ее поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: «Пошел!»

— Боже мой! — закричала Марья Гавриловна, — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашей женою?

— Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена.

— Боже мой, боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое настроение создает эпиграф к повести?
2. Прокомментируйте следующие цитаты, отражающие последовательность событий в повести А. С. Пушкина:

1) «Там они клялися друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения»;

2) «Дети! придите в наши объятия»;

3) «... все казалось ее угрозой и печальным предзнаменованием»;

4) «Отчаяние овладело им»;

5) «... и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой»;

6) «Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою»;

7) «Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды»;

8) «Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...»;

9) «Я молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами»;

10) «Боже мой! — закричала Марья Гавриловна, — и вы не знаете, что сделалось с бедню вашею женою?»

3. С точки зрения М. О. Гершензона, Пушкин своей «Метелью», как и «Бесами», утверждает:

Жизнь — метель, снежная буря, заметающая пред путником дороги, сбивающая его с пути: такова жизнь *всякого* человека. Он — безвольное игралище метели-стихии: думает действовать по личным целям, а в действительности движется ее прихотью.

*М. О. Гершензон.
Мудрость Пушкина, 1919*

Прав ли исследователь, таким образом формулирующий философскую идею пушкинской повести?

4. Прочитайте фрагмент из статьи о повести «Метель» современного литературоведа Г. М. Ребель. Согласны ли вы с противопоставлением в ней образов Владимира и Марьи Гавриловны? Противоречит ли содержание статьи суждениям М. О. Гершензона, ранее вами рассмотренным?

Да, метель спутала все карты, и в результате невероятного стечения обстоятельств Марья Гавриловна была обвенчана со случайным встречным, из метели вынырнувшим и в метели растворившимся, по-видимому, навсегда. Именно это известие «ожидало» опоздавшего к месту событий Владимира. И что же он? Оскорбленный до глубины души, бог весть что предполагая — измену, коварство, легкомыслие, он не делает даже попытки встретиться со вчерашней невестой, объясниться с ней, проститься наконец. Не приходит ему в голову и мысль написать новый сценарий собственной жизни — он видит для себя лишь одну возможность, один вариант, предписанный логикой сентиментального романа: если не счастливая любовь, то смерть. <...>

А у Марьи Гавриловны достало физических и нравственных сил, переболев, жить дальше, несмотря на всю безнадежность, безрадостность и бесперспективность положения тайной жены случайного встречного. Более того, ей хватило мужества и достоинства нести свой крест молча, не сетуя, не жалуясь и не ропща. Она сумела придать своей холодности по отношению к многочисленным искателям приличную оправдательную форму, облечь ее в достойные неброские одежды. Несомненно, есть некоторое лукавство в клятве Марьи Гавриловны никогда не расставаться со скорбящей об умершем Гавриле Гавриловиче матери (хотя скорбь Прасковьи Петровны, замечает рассказчик, она «разделяла искренно»), в несколько демонстративной верности памяти погибшего Владимира (ведь после своего выздоровления и до его гибели «она никогда не упоминала» о нем) — но это невинное вынужденное лукавство не противоречит истинным ее чувствам и вполне оправдано сложностью положения. К тому

же оно наглядно свидетельствует о том, что, в отличие от Владимира, Марья Гавриловна умеет применяться к реальным жизненным обстоятельствам, соотносить с ними свои романтические упования и выбирать оптимальный вариант поведения. Именно эта гибкость, артистизм (способность играть роль, не забывая о том, что это роль, и не теряя голову при неудаче), жизнелюбие и жажда счастья, не утраченная, несмотря на полное отсутствие шансов его обрести, приводят в конечном счете Марью Гавриловну к победе, на которую она и сама не рассчитывала. Может быть, именно потому и приводят, что — не рассчитывала. <...>

Нет, не Бурмину покровительствует метель — Бурмин всего лишь безвольное орудие судьбы. Метель покровительствует Марье Гавриловне. За жизненную стойкость, за чуткость женского инстинкта, за не утраченную, вопреки обстоятельствам и наперекор практическому смыслу, надежду судьба дарует Марье Гавриловне не просто встречу с таинственным супругом, что само по себе уже чудо, но — счастье воссоединения с тем, кого она успела «отличить» и полюбить. <...>

Вот почему не сводим к однозначно фаталистическому толкованию итоговый смысл повести.

Г. М. Ребель. «Метель».

Целостный анализ повести Пушкина, 2012

5. Сопоставьте эпизоды, в которых действует метель чуть ли не как персонаж, со стихотворением «Бесы», открывающим болдинский период творчества А. С. Пушкина.

6. Послушайте музыкальные иллюстрации выдающегося русского композитора Г. В. Свиридова к повести «Метель» (<http://www.bdn-steiner.ru/modules.php?go=page&name=Audio&pid=166>). Поделитесь с одноклассниками своими впечатлениями. Соотнесите отдельные музыкальные номера с теми или иными эпизодами пушкинского произведения и в каждом случае обоснуйте свой выбор.

Драматургия

Скупой рыцарь

Отец и сын не вступаются друг за друга, а поднимают один на другого руку. Государство — в лице Герцога — бессильно примирить их: ведь герцогский запрет не снимает обоюдной ненависти. И торжествует не рационализм, а абсурд. Не объединение, а распад.

С. Б. Рассадин.
Драматург Пушкин, 1977

СЦЕНА II

Подвал.

Барон

Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливым день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растут. Читал я где-то,
Что царь однажды воинам своим
Велел снести земли по горсти в кучу,
И гордый холм возвысился — и царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли.
Так я, по горсти бедной принося
Привычну дань мою сюда в подвал,
Вознес мой холм — и с высоты его
Могу взирать на все, что мне подвластно.
Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу;

Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...

(Смотрит на свое золото.)

Кажется, не много,
А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!
Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворщица не трогалась; я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме.
А этот? этот мне принес Тибо —
Где было взять ему, ленивцу, плуту?
Украл, конечно; или, может быть,
Там на большой дороге, ночью, в роще...
Да! если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,

То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
В моих подвалах верных. Но пора.

(Хочет отпереть сундук.)

Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, впадаю в жар и трепет.
Не страх (о нет! кого бояться мне?
При мне мой меч: за золото отвечает
Честной булат), но сердце мне теснит
Какое-то неведомое чувство...

Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.

(Отпирает сундук.)

Вот мое блаженство!

(Всыпает деньги.)

Ступайте, полно вам по свету рыскать,
Служа страстям и нуждам человека.
Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги спят в глубоких небесах...
Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блещущие груди.

*(Зажигает свечи и отпирает сундуки
один за другим.)*

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!
Я царствую... но кто вослед за мной
Приимет власть над нею? Мой наследник!
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды

С толпой ласкателей, придворных жадных.
Украва ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет.
И потекут сокровища мои
В атласные дыравые карманы.
Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит —
Он расточит... А по какому праву?
Мне разве даром это все досталось,
Или шутя, как игроку, который
Гремит костями да груды загребает?
Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Все это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают?..
Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел.
О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ныне!..

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Прокомментируйте следующие образы и детали, встречающиеся в монологе Барона: холм; демон; свист; старинный дублон; слезы, кровь и пот; ключ и нож; пир и свечи; украденные ключи; сердце

и совесть; сторожевая тень. Обнаруживается ли поэтическое начало во внутреннем мире пушкинского героя?

2. Прочитайте приведенный ниже литературоведческий текст. Сопоставьте Барона со Скупым из пьесы М. Метерлинка «Обручение». Согласны ли вы с тем, что «в пушкинском Бароне сознание живет всегда»?

Метерлинковский Скупой в подвале своего замка тоже любит золото, разговаривает с ним, наслаждается им. Но едва к нему в подвал с помощью феи Берилюны проникает Тильтиль, едва он направляет на Скупого свой волшебный сапфир, тот меняется. Согласно символике Метерлинка, в Скупом проступает его человеческая сущность, и вот он уже добровольно насыпает Тильтилю полную котомку золота.

Тильтиль спрашивает, не жалко ли ему золота. Тот спокойно отвечает: «... Ничуть я не скуп... Ради чего мне скупиться?.. Жить мне осталось меньше месяца, ничего мне больше не нужно... Я почти ничего не ем, пью одну воду...»

Вот как все просто! Если мерить земными удовольствиями (как здесь: еда, питье), то скупиться действительно глупо.

Много ли нужно старику?

В пьесе Метерлинка Скупой сперва одержим лишь инстинктом жадности, накопления. Потом — с помощью волшебства — в нем пробуждается ясное сознание, и инстинкт посрамлен.

В пушкинском Бароне сознание живет всегда.

С. Б. Рассадин.

Драматург Пушкин, 1977

3. Исследователь С. М. Бонди обращает наше внимание на то, что драматические произведения А. С. Пушкин создавал «с расчетом на их театральное, сценическое воплощение, и потому, читая их, мы должны для полного понимания их смысла представлять себе и действия, происходящие на сцене, но не названные Пушкиным (очень скупым на ремарки), и душевные переживания действующих лиц, которые... актер... должен выразить в интонациях,

мимике и движениях и которые в литературном произведении, предназначенном для чтения, описываются поэтом» (С. М. Бонди. *Драматические произведения Пушкина*).

Представьте себя режиссером спектакля и включите в монолог ремарки, которые помогли бы актеру, исполняющему роль Барона, полнее и ярче передать чувства и состояние героя.

4. Ознакомьтесь с содержанием всей трагедии. Можно ли назвать первоначальный образ Барона, данный через восприятие Альбера в первой сцене, банальным? Соотнесите его с образом, раскрывающимся во второй сцене.

5. Ознакомьтесь со средневековым представлением о рыцарской чести. Соответствует ли такое представление о чести пушкинскому представлению? Можно ли эту характеристику применить к Альберу? Можно ли назвать Барона невольником чести? Приведите аргументацию.

Его (средневекового рыцаря) благородное происхождение и высокий общественный статус налагали на него обязательства, которые оставляли ему немного простора для раскрытия собственного «я». Рыцарь именно исполняет свою роль, ни на минуту не забывая о зрителях, перед которыми он «играет», будь то король или его прямой сеньор, дама или такой же рыцарь, как и он сам. Представления о чести носили специфический характер: честь — не столько внутреннее сознание собственного достоинства, отличающее его от других, сколько слава, которой пользуется человек среди окружающих. Он видит себя глазами других, доблестью считается не особенностью, а одинаковостью, сходство данного рыцаря с остальными.

А. Я. Гуревич.

Категории средневековой культуры, 1972

6. Докажите, что во всех трех сценах пьесы встречается мотив ключа (ключей). Какие смыслы он приобретает? Согласны ли вы с приведенными ниже утверждениями С. Б. Рассадина?

Бесхитростное и, так сказать, профессиональное сравнение дворянского слова с ключом, употребленное ростовщиком в первой сцене, обернулось в финале мрачным и сбывшимся пророчеством.

Всего одно слово — «ключ» — взято на пробу, и оно уже показало нам структуру, плоть, «состав» «маленькой трагедии» Пушкина, как малая доля воды, добытая из океанских глубин, говорит о составе массы океана.

*С. Б. Рассадин.
Драматург Пушкин, 1977*

7. Чем вы объясните следующий факт: заключительную фразу «Ужасный век, ужасные сердца!» произносит Герцог? Определите место этого героя в пьесе.

Моцарт и Сальери

В «Моцарте и Сальери» художественное преступление приписано реальному человеку: Антонио Сальери, как уже говорилось, не был убийцей-отравителем. П. А. Катенин, связанный с Пушкиным сложными жизненными и литературными отношениями (его иногда называют прототипом Сальери), заметил после публикации *маленькой трагедии* и ее представления в Москве: «...Я еще недоволен важнейшим пороком: есть ли верное доказательство, что Сальери из зависти отравил Моцарта? Коли есть, следовало выставить его на показ в коротком предисловии или примечании уголовной прозою; если же нет, позволительно ли так чернить перед потомством память художника, даже посредственного?» (П. А. Катенин. «Воспоминания о Пушкине»).

Верных доказательств не было: поэт предпочел поверить легенде.

Трагедия (и горькая слава) Сальери еще и в том, что он оказался персонажем пушкинской *маленькой трагедии*. На этом парадоксе строится сонет литературоведа-пушкиниста Л. П. Гроссмана «Сальери» из цикла «На полях Пушкина». Его финальные терцеты таковы:

И тайный путь тебя к бессмертью вел:
Раз в пустырях нижегородских сел
Один поэт в чеканную оправу
Замкнул твои забытые черты, —
И блеском гениальной клеветы
Тебя возвел в немеркнущую славу.

*И. Н. Сухих. «Моцарт и Сальери»:
три «платоновских» диалога, 2010*

СЦЕНА I

Комната.

Сальери

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.
Родился я с любовью к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолею
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный
Предаться неге творческой мечты.
Я стал творить; но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять еще о славе.

Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слезы вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, с легким дымом исчезали.
Что говорю? Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны
(Глубокие, пленительные тайны),
Не бросил ли я все, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?
Усильным, напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! никогда я зависти не знал,
О, никогда! — ниже, когда Пиччини
Пленить умел слух диких парижан,
Ниже?, когда услышал в первый раз
Я Ифигении начальны звуки.
Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?
Никто!.. А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду

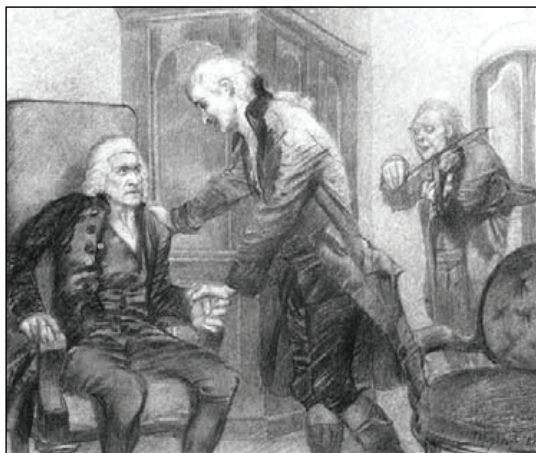

Иллюстрация М. А. Врубеля

Любви горячей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!
Входит Моцарт.

Моцарт

Ага! увидел ты! а мне хотелось
Тебя неожиданной шуткой угостить.

Сальери

Ты здесь! — Давно ль?

Моцарт

Сейчас. Я шел к тебе,

Нес кое-что тебе я показать;
Но, проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрипку... Нет, мой друг, Сальери!
Смешнее отроду ты ничего
Не слыхивал... Слепой скрипач в трактире
Разыгрывал *voichésapete*. Чудо!
Не вытерпел, привел я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искусством.
Войди!

Входит слепой старик со скрипкой.

Иллюстрация М. А. Врубеля

Из Моцарта нам что-нибудь!
*Старик играет арию из Дон-Жуана;
 Моцарт хохочет.*

С а л ь е р и

И ты смеяться можешь?

М о ц а р т

Ах, Сальери!

Ужель и сам ты не смеешься?

С а л ь е р и

Нет.

Мне не смешно, когда маляр негодный
 Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
 Мне не смешно, когда фигляр презренный
 Пародией бесчестит Алигьери.
 Пошел, старик.

М о ц а р т

Постой же: вот тебе,
 Пей за мое здоровье.

Старик уходит.

Ты, Сальери,

Не в духе нынче. Я приду к тебе
 В другое время.

С а л ь е р и

Что ты мне принес?

М о ц а р т

Нет — так; безделицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И в голову пришли мне две, три мысли.
Сегодня их я набросал. Хотелось
Твое мне слышать мненье; но теперь
Тебе не до меня.

С а л ь е р и

Ах, Моцарт, Моцарт!

Когда же мне не до тебя? Садись;
Я слушаю.

М о ц а р т

(за фортепиано)

Представь себе... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом — хоть с тобой,
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незапный мрак иль что-нибудь такое...
Ну, слушай же.

(Играет.)

С а л ь е р и

Ты с этим шел ко мне

И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! — Боже!
Ты, Моцарт, недостоин сам себя.

М о ц а р т

Что ж, хорошо?

С а л ь е р и

Какая глубина!

Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь;
Я знаю, я.

М о ц а р т

Ба! право? может быть...
Но божество мое проголодалось.

С а л ь е р и

Послушай: отобедаем мы вместе
В трактире Золотого Льва.

М о ц а р т

Пожалуй;
Я рад. Но дай схожу домой сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.

(Уходит.)

С а л ь е р и

Жду тебя; смотри ж.
Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить — не то мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой....
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падет опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше.
Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собою —
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой,
И никогда на шепот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,

Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлил я.
Как жажда смерти мучила меня,
Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
Мне принесет незапные дары;
Быть может, посетит меня восторг
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден сотворит
Великое — и наслажуся им...
Как пировал я с гостем ненавистным,
Быть может, мнил я, злейшего врага
Найду; быть может, злейшая обида
В меня с надменной грянет высоты —
Тогда не пропадешь ты, дар Изоры.
И я был прав! и наконец нашел
Я моего врага, и новый Гайден
Меня восторгом дивно упоил!
Теперь — пора! заветный дар любви,
Переходи сегодня в чашу дружбы.

СЦЕНА II

*Особая комната в трактире; фортепиано.
Моцарт и Сальери за столом.*

С а л ь е р и

Что ты сегодня пасмурен?

М о ц а р т

Я? Нет!

С а л ь е р и

Ты верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен?

Обед хороший, славное вино,

А ты молчишь и хмуришься.

М о ц а р т

Признаться,

Мой Requiem меня тревожит.

С а л ь е р и

А!

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

М о ц а р т

Давно, недели три. Но странный случай...
Не сказывал тебе я?

С а л ь е р и

Нет.

М о ц а р т

Так слушай.

Недели три тому, пришел я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего — не знаю,
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? На завтра тот же
Зашел и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать — и с той поры за мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem. Но между тем я...

С а л ь е р и

Что?

М о ц а р т

Мне совестно признаться в этом...

С а л ь е р и

В чем же?

М о ц а р т

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третей
Сидит.

Иллюстрация М. А. Врубеля

С а л ь е р и

И, полно! что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти “Женитьбу Фигаро”».

М о ц а р т

Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него «Тарара» сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив...
Я все твержу его, когда я счастлив...
Ла ла ла ла... Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?

С а л ь е р и

Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.

М о ц а р т

Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство —
Две вещи несовместные. Не правда ль?

С а л ь е р и

Ты думаешь?

Ну, пей же.

(Бросает яд в стакан Моцарта.)

М о ц а р т

За твое

Здоровье, друг, за искренний союз,

Связующий Моцарта и Сальери,

Двух сыновей гармонии.

(Пьет.)

С а л ь е р и

Постой,

Постой, постой!.. Ты выпил... без меня?

М о ц а р т

(Бросает салфетку на стол.)

Довольно, сыт я.

(Идет к фортепиано.)

Слушай же, Сальери,

Мой Requiem.

(Играет.)

Ты плачешь?

С а л ь е р и

Эти слезы

Впервые лью: и больно и приятно,

Как будто тяжкий совершил я долг,

Как будто нож целебный мне отсек

Страдавший член! Друг Моцарт, эти слезы...

Не замечай их. Продолжай, спеши

Еще наполнить звуками мне душу...

М о ц а р т

Когда бы все так чувствовали силу

Гармонии! Но нет: тогда б не мог

И мир существовать; никто б не стал

Заботиться о нуждах низкой жизни;

Все предались бы вольному искусству.

Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль? Но я нынче нездоров,
Мне что-то тяжело; пойду засну.
Прощай же!

С а л ь е р и

До свиданья.

(Один.)

Ты заснешь

Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,

И я не гений? Гений и злодейство

Две вещи несовместные. Неправда:

А Бонаротти? Или это сказка

Тупой, бессмысленной толпы — и не был

Убийцею создатель Ватикана?

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Можно ли понять чувства Сальери? Прав ли Сальери, говоря, что Бог несправедливо одарил талантом «безумца, гуляку праздного»?
2. Подберите цитаты, помогающие читателю ответить на вопрос: «Во что верят Моцарт и Сальери?»
3. Сколько раз звучит в пьесе музыка? Какова роль музыкальных фрагментов в сюжете?
4. Послушайте два произведения: концерт Моцарта для двух фортепиано с оркестром Ми-бемоль мажор, соч. 83, 1 часть в исполнении Эмиля Гилельса и Якова Зака (<https://hotplayer.ru/?s=моцарт>) и Реквием, часть *Lacrimosa* в исполнении хора и симфонического оркестра Вены (<https://www.youtube.com/watch?v=MIAuHoRXLes>). Какие фрагменты трагедии могли быть озвучены этими произведениями? Что есть в этой музыке такого, что вызывает у Сальери слезы восторга и одновременное желание уничтожить Моцарта?
5. Можно ли согласиться со следующим высказыванием С. М. Бонди: «Моцарт искренне считает

Сальери своим другом. И в то же время в глубине души, не сознавая этого, он прекрасно чувствует, что Сальери его злейший враг, что ему грозит от него гибель и что гибель эта неминуема»? Аргументируйте свою точку зрения, обратившись к тексту.

6. Как определить природу конфликта в этом произведении? В чем смысл противостояния героев? И есть ли тут противостояние? Как точнее назвать отношения между двумя композиторами: дуэтом (что вполне закономерно для искусства) или дуэлью? Почему большинство исследователей творчества А. С. Пушкина склоняются к «дуэли»?

7. В пьесе две сцены, два главных героя. Подтвердите или опровергните предположение о том, что в произведении А. С. Пушкина число «два» надделено особым значением. Число «два» — «случайность» или «закономерность»? В свой ответ включите цитатный материал.

8. Соотнесите иллюстрации М. А. Врубеля с текстом трагедии. Соответствуют ли они духу и деталям пушкинского произведения?

Три концепции трагедии «Моцарт и Сальери»

Прочитайте фрагменты из статей русского философа И. А. Ильина, современного писателя Д. А. Гранина и филолога и методиста В. Г. Маранцмана.

Трагедия Пушкина «Моцарт и Сальери» написана о земной встрече двух музыкантов, двух мастеров искусства: из них один — сын гармонии и вдохновения, чистый и благородный слугитель прекрасного искусства, верно видящий божественную ткань жизни, но не видящий зла, зависти и коварства; а другой?.. другой — это Сальери. Кто он? Что ему дано? Чего он хочет? Что он может? Как понимать его? <...>

Своим безошибочным художественным чутьем Пушкин постиг, что центр трагедии не в Моцарте, ибо если бы Моцарт был один, то и трагедии бы не было, а было бы пение

вдохновенного херувима. Трагедия в Сальери. В его душе. В его состояниях, муках и делах. <...>

Сальери принадлежит к той особенной группе эстетически способных людей, которым дана повышенная музыкальная впечатлительность, но не дано творческих и именно творчески-вдохновенных сил. Сальери в музыке — слушатель и мыслитель, но не созерцатель, не композитор и не творец; ему дана способность воспринимать чужое, разбираться в чужом, верно ценить чужое, но не дано — ни творческого таланта, ни гениального вдохновенного предметосозерцания. Здесь его предел, с которым он не хочет мириться; он хочет творить, не понимая того, что творец должен созерцать всякие предметы духа и должен иметь талант петь из испытанных и узренных предметов. <...>

Его музыкальная восприимчивость проявлялась еще в детстве, когда он слушал и заслушивался церковным органом; она не покидала его всю жизнь: так, он узнал и признал величие Гайдна; он преклонился перед Глюком и его «Ифигенией»; он узнал Моцарта — и тут же по ходу трагедии признает гениальность его «Дон-Жуана», его нового только что созданного наброска о гробовом видении, его реквиема, последнего предсмертно-смертного реквиема, написанного навстречу убийству. Но от этой музыкальной восприимчивости и от вызываемых ею впечатлений в душе Сальери идут нити не к самостоятельному созерцанию, не к творческому пению, а к мысли, к рефлексии, к анализу, к науке о музыке и к ремеслу. Сальери — натура рассудочная и трудовая, но не вдохновенная. Это натура «упрямая» и «надменная», волевая и усидчивая. <...>

Творческий Моцарт жил в звуках и дарил жизнь другим. Нетворческий Сальери убивал звуки; анатомировал музыку, как труп; считал такты; разлагал художество; математизировал мелодию и гармонию и добивался от самого себя сухой беглости и верности. <...>

Чем лучше чужая музыка, чем гениальнее полет соперника, тем сильнее восторг в его душе и тем сильнее в ней

ненависть. Величайший гений — величайший восторг — злейшая обида — злейший враг — сильнейшая ненависть. Отравить нужно именно гения — за то, что он гений. Убить следует божественное — за то, что оно от Бога, и за то, что оно дано не мне. В нем Божественность, а во мне ее нет. Вот что нестерпимо «чаду праха»; вот от чего завистник становится «змеей, людьми растоптанною, вживе песок и пыль грызущею бессильно...». И вот эти координаты — величайшего восторга и величайшей ненависти — сошлись на Моцарте. Для этой ненависти ничего не свято: пусть Херувим исчезнет — «так улетй же! чем скорей, тем лучше». И дружба, которой никогда не было, дает лишь повод подстеречь «беспечного врага».

Сальери из тех людей, которым сама любовь дарит яд, предназначая его для чаши дружбы; в которых божественное вызывает ненависть; которых свет повергает в неисцелимый мрак и самая дивная музыка не смягчает злодеяния души. Это душа дьявола и иуды Предателя. И, может быть, мы не ошибемся, если предположим, что вся идея трагедии концепирована Пушкиным при чтении Евангелия. <...>

Злодей ищет убить Бога и думает, что он от этого сам станет Богом. А на самом деле он превращается в дьявола.

Вот сокровенный смысл пушкинской трагедии. Вот ее замысел и истолкование.

И. А. Ильин. «Моцарт и Сальери» Пушкина (Гений и злодейство) // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX—XX век, 1999

Он не желает покоряться извечному закону случая, капризу свыше. Почему провидение одних наделяет чудесными способностями, а других обездоливает? За что? Чем заслужили счастливики этот подарок? Гениальность достается кому попало, отнюдь не достойным. Нет, не может быть оправданной такой несправедливости. Разве может быть справедливой потеря, которую устраивает Создатель? <...>

Он восстановит справедливость сам, своими силами, своим трудом. Он достигнет! <...>

Усилия его достойны восхищения, и результат их грандиозен. В глазах людей, для самого Моцарта Сальери — избранник счастливый, гений, как и Моцарт. Сам Моцарт твердит в счастливые минуты мотив Сальери из «Тарара». Моцарт вовсе не думает льстить: упоминание об этом вырывается непроизвольно. Для окружающих Сальери — один из посвященных. Если б они знали, что он сам сотворил себя, что он не самородок, не алмаз, а уж если алмаз, то искусственный, не чудо, а наука, не дар, а труд. Кто знает, может быть, и впрямь Сальери имеет право на большее уважение, чем Моцарт, которому гениальность досталась даром? <...>

Сальери ненавидит Моцарта. Но за что? Сальери убивает Моцарта. И опять же — за что?

Казалось бы, Сальери достиг того, о чем мечтал. Он добился славы, признания, он одолел Природу. Тайное тайных открылось ему — секрет создания прекрасного. Его убежденность победила. Он создал себя — осуществив то, что проповедовал Гельвеций еще в XVIII веке: «Тем, чем мы являемся, мы обязаны воспитанию: большинство людей должны приписывать посредственность своего разума не убедительной причине собственного несовершенства, но воспитанию и обстоятельствам» <...>

Итак, Моцарт в глазах Сальери — виновен.
Виновен в том, что священный дар, бессмертный,
...не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?..

Статья вторая обвинения. Что дал искусству Моцарт? Полезно ли его искусство? Может ли он, Сальери, великий музыкант, мастер, следовать Моцарту, использовать добытое им?

Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет...

Следовать Моцарту нельзя. Потому что он творит не по законам музыки, а в нарушение их. Раскрыть тайну своего гения он не в силах. Следовательно, он бесполезен <...>

Зов волшебной флейты музыканта вызывает у людей смутное и тягостное ощущение собственной бескрылости. Бескрылое желание — непосильное, мучительное — приводит лишь к страданию. Высоты, куда призывает моцартовский гений, заставляют острее чувствовать себя «чадом праха». Человек из земли вышел и в землю уйдет, чего ж искать смысл и какой может быть смысл. Да еще если бога нет. Искусство дано для наслаждения. Помочь человеку забыть-ся, утешить, сострадать. Зачем Моцарт возмущает души, растревляет — он искушает напрасно, как лермонтовский Демон, его музыка лишь бесплодно терзает, оставляя человека среди мерзостей жизни, измученного ненужными, бесполезными желаниями.

Виновен? Да.

Через полвека Великий Инквизитор Достоевского снова изгонит Христа, доказав необходимость изгнания. И, в частности, опять же соображениями пользы. Полезно то, что достижимо: «Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал! Может ли, может ли он исполнить то, что и ты? Столь уважая его, ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал...»

Великий Инквизитор еще раз вернется к той же мысли, вернее, продолжит ее: «Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров?»

*Д. А. Гранин.
Священный дар, 2006*

«Пушкинский Сальери несводим к одному свойству — ни к зависти, ни к гордости. Он многолик, но это не снимает с него преступления, а автора и читателя не избавляет от суда над героем. Сальери не придумывает себе оправданий, но истово верует в них. Фанатизм Сальери мешает ему услышать свой внутренний голос. Сальери подавил свой возторг перед Моцартом, заглушил в себе человечность:

Постой.

Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня

В этой реплике с настойчивостью трехкратного «постой», с растерянностью многоточий Сальери-Симонов оказывается на пороге раскаяния. Но оно так и не пришло. Сальери привык сдерживать свои страсти. Здесь эта привычка обернулась убийством Моцарта и доброго порыва своей души. Логика решений заслонила внутренний голос. Сальери — герой трагедии, а не сатиры, гнев и боль в отношении к нему неразделимы. Зло несовместимо не только с гениальностью, но с самим естеством человеческой природы. Сальери не смог преступлением освободиться от зла. Он еще больше унижен осторожностью убийцы. Моцарт, будто зная свою судьбу и с упреком прямооты глядя ей в глаза, говорит: «Прощай же!» Сальери фальшивит: «До свиданья». Он смят сомнением: «Но ужель он прав, / И я не гений?» Зло оказалось оружием самоубийцы. Даже если не принять последних реплик Сальери за шепот безумца неизбежный его удел — одиночество. У Моцарта есть союзники (музыка, слепой скрипач), есть преследователи («черный человек»), есть друг Сальери, который предает его, есть жена и сын, к которому он нежно привязан («играл я на полу с моим мальчишкой»). Сальери одинок. Да и были ли привязанности? «Последний дар» Изоры — яд, приятель Бомарше кажется смешным. Отравляя Моцарта, Сальери лишает себя последней радости. Ведь никто, кроме «гуляки праздного», не может «наполнить звуками» его душу. Так Сальери предает самого себя, обрекает себя на совершенное отъединение от мира. Спутав подвиг и преступление, Сальери разрушает себя.

Моцарт уходит из трагедии непобежденным, он остался верен своему вероисповеданию, не уступил «презренной пользе», не впустил подозрений. Оказалось, что он «достоин сам себя».

В. Г. Маранцман.

*Рецензия на телеспектакль
«Моцарт и Сальери» 1972-го года, 2004*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Проследите, как И. А. Ильин постепенно подходит к философско-религиозному выводу о «сокровенном смысле пушкинской трагедии».
2. Какую цель перед собой поставил Сальери, по мнению Д. А. Гранина? Каковы статьи обвинения? Обоснуйте ассоциацию с Великим Инквизитором.
3. Какая концепция образа Сальери представлена в рецензии В. Г. Маранцмана?
4. Сопоставьте три интерпретации пушкинской трагедии и оцените их.

Каменный гость

Традиционный Дон Жуан — обманщик и лицедей, вечно ряженный. У Мольера он переодевается в крестьянское платье — с целями отнюдь не благородными. <...>

Пушкинский Дон Гуан сперва словно бы идет по стопам своих презираемых предков. Чтобы заговорить с Донной Анной, он облачается в монашеское платье. Признаваясь ей в любви, он сбрасывает с себя это неподобающее случаю одеяние, но вновь принимает чужое имя: Дон Диего.

Однако, кажется, этот традиционный прием применен затем, чтобы подчеркнуть новизну.

В минуту решительного свидания Дон Гуан открывает Доне Анне, вдове убитого им Командора, свое подлинное имя. И подставляет ее кинжалу свою беззащитную грудь. <...> Он воздвигает преграду на пути к Доне Анне. Он сообщает ей причину, по какой она должна его возненавидеть. <...>

У Пушкина любовь хочет быть испытана ненавистью.
<...>

То, что произошло с Дон Гуаном, — несправедливое возмездие. Это беда, трагедия, это убийство — в тот самый момент, когда душа обнажила свою уязвимость, иначе говоря человечность.

*С. Б. Рассадин.
Драматург Пушкин, 1977*

СЦЕНА IV

Комната Доны Анны.

Дон Гуан и Дона Анна.

Д о н а А н н а

Я приняла вас, Дон Диего; только
Боюсь, моя печальная беседа
Скучна вам будет: бедная вдова,
Все помню я свою потерю. Слезы
С улыбкою мешаю, как апрель.
Что ж вы молчите?

Д о н Г у а н

Наслаждаюсь молча,
Глубоко мыслью быть наедине
С прелестной Доной Анной. Здесь — не там,
Не при гробнице мертвого счастливец —
И вижу вас уже не на коленях
Пред мраморным супругом.

Д о н а А н н а

Дон Диего,
Так вы ревнивы. — Муж мой и во гробе
Вас мучит?

Д о н Г у а н

Я не должен ревновать.
Он вами выбран был.

Д о н а А н н а

Нет, мать моя
Велела мне дать руку Дон Альвару,
Мы были бедны, Дон Альвар богат.

Д о н Г у а н

Счастливец! он сокровища пустые
Принес к ногам богини, вот за что
Вкусил он райское блаженство! Если б
Я прежде вас узнал, с каким восторгом
Мой сан, мои богатства, все бы отдал,
Все за единый благосклонный взгляд;

Я был бы раб священной вашей воли,
 Все ваши прихоти я б изучал,
 Чтоб их предупреждать; чтоб ваша жизнь
 Была одним волшебством непрерывным.
 Увы! — Судьба судила мне иное.

Д о н а А н н а

Диего, перестаньте: я грешу,
 Вас слушая, — мне вас любить нельзя,
 Вдова должна и гробу быть верна.
 Когда бы знали вы, как Дон Альвар
 Меня любил! о, Дон Альвар уж верно
 Не принял бы к себе влюбленной дамы,
 Когда б он овдовел. — Он был бы верн
 Супружеской любви.

Д о н Г у а н

Не мучьте сердца

Мне, Дона Анна, вечным поминаньем
 Супруга. Полно вам меня казнить,
 Хоть казнь я заслужил, быть может.

Д о н а А н н а

Чем же?

Вы узами не связаны святыми
 Ни с кем. — Не правда ль? Полюбив меня,
 Вы предо мной и перед небом правы.

Д о н Г у а н

Пред вами! Боже!

Д о н а А н н а

Разве вы виновны

Передо мной? Скажите, в чем же.

Д о н Г у а н

Нет!

Нет, никогда.

Д о н а А н н а

Диего, что такое?

Вы предо мной не правы? в чем, скажите.

Д о н Г у а н

Нет! ни за что!

Д о н а А н н а

Диего, это странно:

Я вас прошу, я требую.

Д о н Г у а н

Нет, нет.

Д о н а А н н а

А! Так-то вы моей послушны воле!

А что сейчас вы говорили мне?

Что вы б рабом моим желали быть.

Я рассержусь, Диего: отвечайте,

В чем предо мной виновны вы?

Д о н Г у а н

Не смею.

Вы ненавидеть станете меня.

Д о н а А н н а

Нет, нет. Я вас заранее прощаю,

Но знать желаю...

Д о н Г у а н

Не желайте знать

Ужасную, убийственную тайну.

Д о н а А н н а

Ужасную! вы мучите меня.

Я страх как любопытна — что такое?

И как меня могли вы оскорбить?

Я вас не знала — у меня врагов

И нет и не было. Убийца мужа

Один и есть.

Д о н Г у а н

(про себя)

Идет к развязке дело!

Скажите мне, несчастный Дон Гуан

Вам незнаком?

Д о н а А н н а

Нет, отроду его

Я не видала.

Д о н Г у а н

Вы в душе к нему

Питаете вражду?

Д о н а А н н а

По долгу чести.

Но вы отвлекь стараетесь меня

От моего вопроса. Дон Диего —

Я требую...

Д о н Г у а н

Что, если б Дон Гуана

Вы встретили?

Д о н а А н н а

Тогда бы я злодею

Кинжал вонзила в сердце.

Д о н Г у а н

Дона Анна,

Где твой кинжал? вот грудь моя.

Д о н а А н н а

Диего!

Что вы?

Д о н Г у а н

Я не Диего, я Гуан.

Д о н а А н н а

О боже! нет, не может быть, не верю.

Д о н Г у а н

Я Дон Гуан.

Д о н а А н н а

Неправда.

Д о н Г у а н

Я убил

Супруга твоего; и не жалею

О том — и нет раскаянья во мне.

Д о н а А н н а

Что слышу я? Нет, нет, не может быть.

Д о н Г у а н

Я Дон Гуан, и я тебя люблю.

Д о н а А н н а

(падая)

Где я?.. где я? мне дурно, дурно.

Д о н Г у а н

Небо!

Что с нею? что с тобою, Дона Анна?

Встань, встань, проснись, опомнись: твой Диего,
Твой раб у ног твоих.

Д о н а А н н а

Оставь меня!

(Слабо.)

О, ты мне враг — ты отнял у меня

Все, что я в жизни...

Д о н Г у а н

Милое создание!

Я всем готов удар мой искупить,

У ног твоих жду только приказанья,

Вели — умру; вели — дышать я буду

Лишь для тебя...

Д о н а А н н а

Так это Дон Гуан...

Д о н Г у а н

Не правда ли, он был описан вам

Злодеем, извергом. — О Дона Анна, —

Молва, быть может, не совсем неправа,

На совести усталой много зла,

Быть может, тяготееет. Так, разврата

Я долго был покорный ученик,

Но с той поры, как вас увидел я,

Мне кажется, я весь переродился.

Вас любя, люблю я добродетель

И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.

Д о н а А н н а

О, Дон Гуан красноречив — я знаю,
Слышала я; он хитрый искуситель.
Вы, говорят, безбожный развратитель,
Вы сущий демон. Сколько бедных женщин
Вы погубили?

Д о н Г у а н

Ни одной доньне

Из них я не любил.

Д о н а А н н а

И я поверю,

Чтоб Дон Гуан влюбился в первый раз,
Чтоб не искал во мне он жертвы новой!

Д о н Г у а н

Когда б я вас обманывать хотел,
Признался ль я, сказал ли я то имя,
Которого не можете вы слышать?
Где ж видно тут обдуманность, коварство?

Д о н а А н н а

Кто знает вас? — Но как могли прийти
Сюда вы; здесь узнать могли бы вас,
И ваша смерть была бы неизбежна.

Д о н Г у а н

Что значит смерть? за сладкий миг свиданья
Безропотно отдам я жизнь.

Д о н а А н н а

Но как же

Отсюда выйти вам, неосторожный!

Д о н Г у а н

(целуя ей руки)

И вы о жизни бедного Гуана
Заботитесь! Так ненависти нет
В душе твоей небесной, Дона Анна?

Д о н а А н н а

Ах если б вас могла я ненавидеть!
Однако ж надобно расстаться нам.

Д о н Г у а н

Когда ж опять увидимся?

Д о н а А н н а

Не знаю.
Когда-нибудь.

Д о н Г у а н

А завтра?

Д о н а А н н а

Где же?

Д о н Г у а н

Здесь.

Д о н а А н н а

О Дон Гуан, как сердцем я слаба.

Д о н Г у а н

В залог прощенья мирный поцелуй...

Д о н а А н н а

Пора, поди.

Д о н Г у а н

Один, холодный, мирный...

Д о н а А н н а

Какой ты неотвязчивый! на, вот он.
Что там за стук?... о скройся, Дон Гуан.

Д о н Г у а н

Прощай же, до свиданья, друг мой милый.
(Уходит и вбегает опять.)

А!..

Д о н а А н н а

Что с тобой? А!..

Входит статуя командора.

Дона Анна падает.

С т а т у я

Я на зов явился.

Д о н Г у а н

О боже! Дона Анна!

С т а т у я

Брось ее,

Все кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан.

Д о н Г у а н

Я? нет. Я звал тебя и рад, что вижу.

С т а т у я

Дай руку.

Д о н Г у а н

Вот она... о, тяжело

Пожатье каменной его десницы!

Оставь меня, пусти — пусти мне руку...

Я гибну — кончено — о Дона Анна!

Проваливаются.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой вы представляете обстановку четвертой сцены? Особое внимание обратите на световые характеристики.
2. Как Дон Гуан подходит к признанию? Какова роль в этом Доны Анны?
3. Как Дона Анна реагирует на признание героя?
4. Убеждают ли вас слова героя о перерождении? Отвечая на этот вопрос, исходите из содержания всей пушкинской трагедии. Оцените следующее высказывание.

Еще более наивно строить характеристику «профессионального» соблазителя Дон Гуана на его собственных уверениях, обращенных к обольщаемой им женщине. Мало того, если бы пушкинский Дон Гуан был способен навсегда полюбить одну женщину, он перестал бы тем самым быть Дон Гуаном; значит, отпадала бы и проблема психологического

анализа характера человека именно такого типа — а она-то и является непосредственной задачей маленькой трагедии Пушкина.

*Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина
(1826—1830), 1967*

5. Какими смыслами вы наполнили бы следующую фразу: «Лаура — прошлое Дон Гуана»?
6. Почему в пьесе не объяснена причина дуэли Дон Гуана с командором?
7. Можно ли утверждать, что причина приглашения статуи — ревность Дон Гуана? Проверьте на истинность эту версию, обратившись к тексту пушкинской трагедии.
8. Проверьте на истинность следующую концепцию А. А. Ахматовой.

Пушкин идет другим путем. Ему надо, с первых же строк и не прибегая к лобовому морализированию, убедить читателя в необходимости гибели его героя. Что и для Пушкина «Каменный гость» — трагедия возмездия, доказывает уже само выбранное им заглавие («Каменный гость», а не «Дон Жуан»). Поэтому все действующие лица — Лаура, Лепорелло, Дон Карлос и Дона Анна — только и делают, что готовят и торопят гибель Дон Гуана. О том же неустанно хлопочет и сам герой: «Все к лучшему: нечаянно убив / Дон Карлоса, отшельником смиренным / Я скрылся здесь...».

*А. А. Ахматова.
«Каменный гость» Пушкина, 1947*

9. Прочитайте стихотворение нижегородского поэта Игоря Чурдалева «Ночлег Дон Жуана». В чем вы видите сходство и отличие героя в интерпретации Пушкина и современного поэта?

По дороге в Севилью, страну серенад и рапир,
Дон Жуан, непогодой в случайных стенах остановлен,
отобедав обильно, вино андалузское пил
и пытался уснуть под шараханье ветра над кровлей.
...завтра надо спешить, доскакать, обгоняя молву.

Что минуло — забыто, а что впереди — неизвестно.
 Поединок решит. Или ласковый взор на балу...
 Только будут моими две ямочки этих прелестных!..
 О, блестящий повеса, скиталец, подлец из легенд —
 как вериги влачатся вослед за тобой прегрешенья.
 Столько было ненужных, не греющих сердца побед.
 Может быть, наконец, ты заслужишь свое поражение?
 До обидного просто — интрига почти удалась.

И легко отдавать забвению забубенное тело...

Но очнешься под утро, тоскою своею давясь,
 заорешь в темноту — и воды принесет Лепорелло.
 Предки бельма с портретов впирают в пустой коридор.
 Что ж ты, каменный враг, окошел на своем пьедестале?
 Где уж было тягаться тебе, истукан-командор,
 с одиночеством этим, прикрытым полоскою стали.
 Мир не хочет любви. Лишь фальшивая слава блеснит.
 И пока Дон Жуана не кончат разгульные ночи —
 не предвидится битв, где покой суждено обрести
 и прекрасная Анна случайна — как тысячи прочих.
 Горек путь на заре. Видно, с вечера все же простыл.
 Кружит голову дрема — и песня копыт монотонна.
 Выбивают они: «В монастырь. В монастырь. В монастырь...»
 Но — пришпорить коня! Не простит опоздания Донна.

Пир во время чумы

(Из вильсоновой трагедии: *The city of the plague*)

Пьеса «Пир во время чумы» представляет собой пушкинское переложение одной из сцен пьесы английского драматурга Джона Вильсона «Город чумы».

По мнению С. Б. Рассадина, «Пушкин вынул из пьесы Вильсона фрагмент, оборвал дальнейшее развитие сюжета и характера Вальсингама, — и получилось не фрагментарное, а совершенно законченное драматическое произведение. С поставленной и решенной проблемой. С определенными и проявившимися — насколько это нужно в данных обстоятельствах — характерами».

*Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих
мужчин и женщин.*

Молодой человек

Почтенный председатель! я напомним
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смешные,
Ответы острые и замечанья,
Столь едкие в их важности забавной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостя наша, насылает
На самые блестящие умы.
Тому два дня наш общий хохот славил
Его рассказы; невозможно быть,
Чтоб мы в своем веселом пиrowанье
Забыли Джаксона! Его здесь кресла
Стоят пустые, будто ожидая
Весельчака — но он ушел уже
В холодные подземные жилища...
Хотя красноречивейший язык
Не умолкал еще во прахе гроба;
Но много нас еще живых, и нам
Причины нет печалиться. Итак,
Я предлагаю выпить в его память
С веселым звоном рюмок, с восклицаньем,
Как будто б был он жив.

Председатель

Он выбыл первый
Из круга нашего. Пускай в молчанье
Мы выпьем в честь его.
Молодой человек
Да будет так!

(Все пьют молча.)

Председатель

Твой голос, милая, выводит звуки
Родимых песен с диким совершенством;

Спой, Мери, нам уныло и протяжно,
Чтоб мы потом к веселью обратились
Безумнее, как тот, кто от земли
Был отлучен каким-нибудь виденьем.

М е р и

(поэт)

Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресенье бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща темная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, —
Тихо все — одно кладбище
Не пустеет, не молчит.

Поминутно мертвых носят,
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их!
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой!
Если ранняя могила
Суждена моей весне —
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне, —
Я молю: не приближайся

К телу Дженни ты своей,
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.

И потом оставь селенье!
Уходи куда-нибудь,
Где б ты мог души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!

Председатель

Благодарим, задумчивая Мери,
Благодарим за жалобную песню!
В дни прежние чума такая ж, видно,
Холмы и доли ваши посетила,
И раздавались жалкие стенанья
По берегам потоков и ручьев,
Бегущих ныне весело и мирно
Сквозь дикий рай твоей земли родной;
И мрачный год, в который пало столько
Отважных, добрых и прекрасных жертв,
Едва оставил память о себе
В какой-нибудь простой пастушьей песне,
Унылой и приятной... Нет, ничто
Так не печалит нас среди веселий,
Как томный, сердцем повторенный звук!

Мери

О, если б никогда я не певала
Вне хижины родителей моих!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себе я, кажется, внимаю,
Поющей у родимого порога.
Мой голос слаще был в то время: он
Был голосом невинности...

Луиза

Не в моде
 Теперь такие песни! Но все ж есть
 Еще простые души: рады таять
 От женских слез и слепо верят им.
 Она уверена, что взор слезливый
 Ее неотразим — а если б то же
 О смехе думала своим, то, верно,
 Все б улыбалась. Вальсингам хвалил
 Крикливых северных красавиц: вот
 Она и расстоналась. Ненавижу
 Волос шотландских этих желтизну.

Председатель

Послушайте: я слышу стук колес!

*(Едет телега, наполненная
 мертвыми телами. Негр управляет ею.)*

Ага! Луизе дурно; в ней, я думал,
 По языку судя, мужское сердце.
 Но так-то — нежного слабей жестокий,
 И страх живет в душе, страстьми томимой!
 Брось, Мери, ей воды в лицо. Ей лучше.

Мери

Сестра моей печали и позора,
 Приляг на грудь мою.

Луиза

(приходя в чувство)

Ужасный демон
 Приснился мне: весь черный, белоглазый....
 Он звал меня в свою тележку. В ней
 Лежали мертвые — и лепетали
 Ужасную, неведомую речь...
 Скажите мне: во сне ли это было?
 Проехала ль телега?

Молодой человек

Ну, Луиза,
 Развеселись — хоть улица вся наша

Безмолвное убежище от смерти,
Приют пиров, ничем невозмутимых,
Но знаешь, эта черная телега
Имеет право всюду разъезжать.
Мы пропускать ее должны! Послушай,
Ты, Вальсингам: для пресечения споров
И следствий женских обмороков спой
Нам песню, вольную, живую песню,
Не грустию шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую песнь,
Рожденную за чашею кипящей.

Председатель

Такой не знаю, но спою вам гимн
Я в честь чумы, — я написал его
Прошедшей ночью, как расстались мы.
Мне странная нашла охота к рифмам
Впервые в жизни! Слушайте ж меня:
Охрипый голос мой приличен песне.

Многие

Гимн в честь чумы! послушаем его!
Гимн в честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

Председатель

(поет)

Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов, —
Навстречу ей трещат каминь,
И весел зимний жар пиров.

* * *

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой....
Что делать нам? и чем помочь?

* * *

Как от проказницы Зимы,
Запремся также от Чумы!
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

* * *

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

* * *

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

* * *

Итак, — хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы
И девы-розы пьем дыханье, —
Быть может... полное Чумы!
(Входит старый священник.)

Священник

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной!
Средь ужаса плачевных похорон,

Средь бледных лиц молюсь я на кладбище,
А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов — и землю
Над мертвыми телами потрясают!
Когда бы стариков и жен моления
Не освятили общей, смертной ямы, —
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.

Несколько голосов

Он мастерски об аде говорит!
Ступай, старик! ступай своей дорогой!

Священник

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души.
Ступайте по своим домам!

Председатель

Дома́
У нас печальны — юность любит радость.

Священник

Ты ль это, Вальсингам? ты ль самый тот,
Кто три тому недели, на коленях,
Труп матери, рыдая, обнимал
И с воплем бился над ее могилой?
Иль думаешь, она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына,
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющих бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких воздыханий?
Ступай за мной!

Председатель

Зачем приходишь ты

Меня тревожить? Не могу, не должен
 Я за тобой идти: я здесь удержан
 Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
 Сознанием беззаконья моего,
 И ужасом той мертвой пустоты,
 Которую в моем дому встречаю, —
 И новостью сих бешеных веселий,
 И благодатным ядом этой чаши,
 И ласками (прости меня, господь)
 Погибшего, но милого создання...
 Тень матери не вызовет меня
 Отселе — поздно — слышу голос твой,
 Меня зовущий, — признаю усилья
 Меня спасти... старик, иди же с миром;
 Но проклят будь, кто за тобой пойдет!

Многие

Bravo, bravo! достойный председатель!
 Вот проповедь тебе! пошел! пошел!
 Священник
 Матильды чистый дух тебя зовет!

Председатель

(встает)

Клянись же мне, с поднятой к небесам
 Увядшей, бледною рукой — оставить
 В гробу навек умолкнувшее имя!
 О, если б от очей ее бессмертных
 Скрыть это зрелище! Меня когда-то
 Она считала чистым, гордым, вольным —
 И знала рай в объятиях моих...
 Где я? Святое чадо света! вижу
 Тебя я там, куда мой падший дух
 Не достигнет уже...

Женский голос

Он сумасшедший, —
 Он бредит о жене похороненной!

Священник

Пойдем, пойдем...

Председатель

Отец мой, ради бога,

Оставь меня!

Священник

Спаси тебя господь!

Прости, мой сын.

(Уходит. Пир продолжается. Председатель остается погруженный в глубокую задумчивость.)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему А. С. Пушкин отбросил следующие характеристики героев: Вальсингам — капитан королевского флота, верующий человек; молодой человек — ирландец, к которому Вальсингам испытывает чувство национальной неприязни, и безбожник?
2. Представьте себе текст песни Мери без последних двух строф, сочиненных А. С. Пушкиным. Как меняется ваше представление о героине трагедии?
3. Вильсоновский Вальсингам поет хвалу чуме, которую воспринимает как справедливое наказание людям-лгунам и лицемерам. Причем она карает их вовремя, настигая на месте преступления: «Разишь законника во лжи, / Попа в усердии ханжи, / Скупца над полным сундуком, / Наследника над злым замком...» В каком направлении А. С. Пушкин изменяет текст песни Вальсингама о чуме? Почему он заменяет слово «песня» словом «гимн»?
4. У Вильсона к песне председателя присоединяется хор, повторяющий после каждой строфы рефрен — хвалу чуме. Почему А. С. Пушкин вводит рефрен в текст песни председателя, отказываясь от хора?
5. У Вильсона песни Мери и Вальсингама существуют каждая сама по себе. Можно ли утверждать, что в пушкинском произведении эти монологи как бы отражают друг друга?
6. У Вильсона напоминание священника о Матильде

ничего не меняет в душевном состоянии и поведении Вальсингама. Как и почему А. С. Пушкин изменяет нравственно-психологическое содержание ситуации?

7. Представьте себе текст вильсоновской трагедии без пушкинской «правки». Можно ли утверждать, что А. С. Пушкин, отталкиваясь от английского текста, создал новое произведение?

Образ Вальсингама

Более ужасной картины не придумать самой мрачной фантазии. Человеческий ум, по-видимому, должен со страхом и трепетом отступить перед всепобедоносным призраком всепобеждающей смерти. Кто дерзнет взглянуть прямо в лицо всепобедоносной стихии, вырывающей у нас все, наиболее нам дорогое. Пушкин дерзнул, ибо знал, что ему откроется великая тайна. Припомните эти дивные стихи председателя («Есть упоение в бою...»).

Эти стихи звучат для нас, точно откровение свыше. Они призывают к мужеству, к борьбе, к надежде — и в тот миг, когда люди обыкновенно теряют всякую надежду и в бессильном отчаянии опускают руки, Пушкин вдохновляется тем, что парализует всех других людей. Он смел и тверд в те мгновения, в которые мы обыкновенно в смятении и страхе спешим укрыться от грозного вида жизни, если нет у нас ничего лучшего, просто закрываем глаза, подобно страусу, прячущему под крыло голову, когда он видит, что опасность неминуема. И в этом мужестве перед жизнью — назначение поэта; в этом — источник его вдохновения, в этом тайна его творчества, которые мы, обыкновенные люди, справедливо называем божественным — так далеко он от нас, так недоступен нам. Там, где мы рыдаем, рвем на себе волосы, отчаиваемся — там поэт сохраняет твердость и спокойствие, в вечной надежде, что стучащемуся откроется и ищущий — найдет.

Л. И. Шестов. А. С. Пушкин, 1899

В свой безбоязненности Вальсингам, по мнению Пушкина, еще отнюдь не достиг человеческой вершины. Одной безбоязненности совсем недостаточно. Больше того: выделяясь из толпы своим бесстрашием («Есть упоение в бою...»), Вальсингам возвращается в толпу, отбрасывается назад, до ее уровня, когда готов воспевать смелость вне нравственности. Он — как все: «Но кто не смел в наш храбрый век? Все дерзко бьется...»

Заметим, что Пушкиным сказано не «все», а «всё», — это звучит уничижительно, а уничижительность подчеркнута тем, что «храбро бьется» стоит рядом с «лжет нахально».

«Всё» — это обезличенная масса, икра.

<...>

Вальсингам кажется себе и другим свободным от страха смерти, от человеческих связей, от морали Священника. Но что же оказывается? То, что свобода — мнимая, что он пытается найти радость и смысл жизни, подчиняясь Чуме как объективной внешней силе. Свобода оборачивается подчинением; частность, отдельность, самоценность личности — тем, что человек все более становится безликой частичкой толпы, икринкой. <...>

Его гимн — это еще поэзия без сердца. Сердце пробуждается в Вальсингаме лишь в самом финале драмы.

<...>

И стоит Священнику только одной фразой напомнить Вальсигаму о похороненной жене: «Матильды чистый дух тебя зовет!» — как в Председателе окончательно пробуждается сердце. Он резко меняет тон, он молит: «Отец мой, ради бога, оставь меня». И — ремарка: «Пир продолжается. Председатель остается погружен в глубокую задумчивость».

Перед Вальсингамом, который остался наедине с собой и своими воспоминаниями среди возобновившегося (после диспута) пира; перед Председателем, только что возгласившим хвалу Чуме, смерти, дисгармонии, — перед ним открывается путь к гармонии. Не к наивной и несбыточной гармонии

Мери, но к гармонии сложной и трудной, пробивающейся сквозь трагическую дисгармонию мира.

В этот миг Пушкин оставляет Вальсингама и заканчивает драму. Он может это сделать, ибо путь определен, решение найдено».

С. Б. Рассадин. Драматург Пушкин, 1977

В этом поединке с неизбежным, в противостоянии силам судьбы пушкинские герои действуют на пределе душевных возможностей, хотя бы на миг предстают в ореоле величия и мощи. В изображении Пушкина эти мгновения как бы равновелики всей жизни человека, а порой «перевешивают» ее. Но это именно мгновения, после них следует либо надлом («Медный всадник»), либо «остановка» души в преддверии кризиса («Пир во время чумы»), либо гибель («Каменный гость»). Абсолютизация же рискованной игры с судьбой, демоническое упоение опасностью как принцип отношения к миру, по Пушкину, чреват самоослеплением, утратой чувства реальности. Здесь Пушкину виделась крайность. Психологию этой крайности (в ее наиболее привлекательном, если не героическом варианте) в болдинскую пору он воплотил в «Пире во время чумы».

*В. А. Грехнев.
Мир пушкинской лирики, 1994*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как относится Л. И. Шестов к гимну Чуме? Воспринимает ли он этот гимн как монолог героя трагедии или как лирическое стихотворение, в открытой форме выражающее авторскую позицию?
2. Докажите, что Священник не сразу оказал моральное воздействие на Председателя. Как оценивает С. Б. Рассадин поступки и внутренний мир Председателя? В чем своеобразие позиции В. А. Грехнева?
3. Согласны ли вы с суждениями Л. И. Шестова, С. Б. Рассадина и В. А. Грехнева? Обоснуйте свою точку зрения.

Роман А. Камю «Чума»

Работая над романом «Чума», Альбер Камю записал в дневнике: «С помощью чумы я хочу передать обстановку удушья, от которого мы страдали, атмосферу опасности и изгнания, в которой мы жили тогда. Одновременно я хочу распространить это толкование на существование в целом».

Как утверждает С. Великовский, «хроника чумной напасти позволяла придать рассказанному, помимо переключки с недавним прошлым (оккупацией фашистской Германией Франции), еще и вневременной размах мифа. Катастрофа, потрясшая Францию, в глазах Камю была катализатором, заставшим бурлить и выплеснуться наружу мировое зло, от века бродящее в истории да и вообще в человеческой жизни».

Ниже приводятся фрагменты из романа, в которых раскрывается внутренний мир врача Риэ.

— Да, — проговорил Риэ, — вы, очевидно, хотите сказать, что тут нужна гордыня. Но у меня, поверьте, гордыни ровно столько, сколько нужно. Я не знаю, ни что меня ожидает, ни что будет после всего этого. Сейчас есть больные и их надо лечить. Размышлять они будут потом, и я с ними тоже. Но самое насущное — это их лечить <...> Так вот, раз порядок вещей определяется смертью, может быть, для Господа Бога вообще лучше, чтобы в него не верили и всеми силами боролись против смерти, не обращая взоры к небесам, где царит молчание.

— Да, — подтвердил Тарру, — понимаю. Но любые ваши победы всегда были и будут только преходящими, вот в чем дело.

Риэ помрачнел.

А. Камю

— Знаю, так всегда будет. Но это еще не довод, чтобы бросать борьбу.

— Верно, не довод. Но представляю себе, что же в таком случае для вас эта чума.

— Да, — сказал Риэ. — Нескончаемое поражение.

<...>

Чувства выходили из повиновения. Туго стянутые, зачерствевшие и иссохшие, они временами давали трещину, и он оказывался во власти эмоций, над которыми уже не был хозяином. Надежным способом защиты было укрыться за этой броней очерствелости и потуже стянуть этот давящий где-то внутри узел. Он отлично понимал, что это единственная возможность продолжать. А что касается всего прочего, то у него уже почти не оставалось иллюзий и усталость разрушала те, что еще сохранялись. Ибо он сознавал, что на данном этапе, границ которого и сам не сумел бы установить, он покончил с функцией целителя. Теперь его функцией стала диагностика.

Определять, видеть, описывать, регистрировать, потом обрекать на смерть — вот какое у него было сейчас занятие. Жены хватали его за руки, вопили: «Доктор, спасите его!» Но он приходил к больному не затем, чтобы спасти его жизнь, а чтобы распорядиться о его изоляции. И ненависть, которую он читал на лицах, ничего не могла изменить. «У вас нет сердца!» — однажды сказали ему. Да нет же, сердце у него как раз было. И билось оно затем, чтобы помогать ему в течение двадцати часов в сутки видеть, как умирают люди, созданные для жизни, и назавтра начинать все сначала. Отныне сердца только на это и хватало. Как же могло его хватить на спасение чьей-то жизни?

<...>

И в самом деле, вслушиваясь в радостные клики, идущие из центра города, Риэ вспомнил, что любая радость находится под угрозой. Ибо он знал то, чего не ведала эта

ликующая толпа и о чем можно прочесть в книжках, — что микроб чумы никогда не умирает, никогда не исчезает, что он может десятилетиями спать где-нибудь в завитушках мебели или в стопке белья, что он терпеливо ждет своего часа в спальне, в подвале, в чемодане, в носовых платках и в бумагах и что, возможно, придет на горе и в поучение людям такой день, когда чума пробудит крыс и пошлет их околевать на улицы счастливого города.

Перевод Н. Жарковой

«Чума» — прежде всего книга о сопротивляющихся, книга о смысле существования, отыскиваемом посреди бессмыслицы сущего.

Обретение этого смысла особенно прямо раскрывается в истории одного из сподвижников доктора Риэ, заезжего журналиста Рамбера. В зачумленном городе парижский репортер застрял случайно. А где-то за морем его ждет любимая женщина, покой, нежность. Выбраться, во что бы то ни стало выбраться из ловушки этих чужих стен — Рамбер одержим мыслью о побеге. Те, кто ввел карантинные меры, прибегли, как ему поначалу кажется, к отчуждающему личность «языку разума» и отвлеченного долга. И вот, когда почти все препятсивя позади, все готово к столь желанному побегу, журналист вдруг предпочитает остаться. Что это — мимолетная прихоть? Порыв жертвенности? Нет, исподволь зревшая потребность, пренебрегши которой потеряешь уважение к себе. Совесть замучает. «Стыдно быть счастливым в одиночку... Я всегда считал, что я посторонний в этом городе и что мне нечего делать вместе с вами. Но теперь... Я знаю, что я здешний, хочу я того или нет. Эта история касается равно нас всех». Посторонний осознает свою полную причастность. Счастье невозможно, когда все вокруг несчастны. Человек не вправе уклониться от происходящего рядом.

*С. Великовский. «Проклятые вопросы»
Камю, 1993*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Раскройте черты внутреннего мира врача Риэ. Близок ли к нему в нравственном отношении журналист Рамбер?
2. На основе трагедии А. Пушкина «Пир во время чумы» и романа А. Камю «Чума» сделайте вывод о вариантах поведения человека в экстремальной ситуации, грозящей смертью.

«Маленькие трагедии» как художественное целое

Все основные их герои — крупны. Крупны главным образом за счет какой-то одной своей черты. Это не значит, что они «мономаны» одной страсти, нет, они сложны, многомерны; просто в их характерах есть невероятная устремленность всех черт личности в одном направлении, которая превращает какое-либо качество личности в *сверхкачество*.

Барон — сверхрыцарь, культивирующий на своем «гордом холме» чувство независимости от всего на свете, и от времени, и от людских страданий.

Сальери — сверхлогик, сверхчеловек, надежнейшее обсновавший свое право быть судьей и палачом.

Дон Гуан — сверхсоблазнитель.

Вальсингам — сверхциник, отгородившийся от всеобщей беды.

И все они в финалах трагедий обнаруживают свою область уязвимости, все оказываются беззащитными.

Люди придумали множество оправданий своей разобщенности, оправданий блистательных, уверенных, умнейших.

Четыре из этих оправданий представлены Пушкиным в «маленьких трагедиях». Но изначальная человеческая близость, связи, которые, оказалось, никому не удастся порвать до конца, дают о себе знать.

Рыцарь, сумевший даже враждебный ему век поставить на службу собственной рыцарской независимости, абстрагировавшийся от всего на свете, вдруг осознает, что его абсолютная свобода стоила ему дорого: переродилась душа.

Неестественность преступления мстит тому, кто выработал в себе уверенность в праве сверхчеловека на него.

Любовь приходит к соблазнителю. И, принеся с собой ощущение неразрывности душевных связей, обнажает его сердце, прежде такое жизнеспособное.

Воспоминание о погибших жене и матери смущает душу циника, освободившегося от страха и сострадания, и он «задумывается».

Все это — торжество нормальных человеческих связей, преодоление человеческой разобщенности. Преодоление ценой трагедии.

*С. Б. Рассадин.
Драматург Пушкин, 1977*

Все четыре маленькие трагедии строятся в рамках поэтики, которую Ю. М. Лотман назвал *контрастно-динамической*. В основе сжатого сюжета — драматический парадокс, психологический оксюморон, который в двух из четырех трагедий отражен уже в заглавии.

В «Каменном госте» предстает в неожиданном свете вечный тип безудержного, ненасытного любовника: пушкинский Дон Гуан впервые по-настоящему влюбляется и гибнет с именем любимой женщины на устах.

В «Скупом рыцаре» главный герой тоже парадоксально совмещает черты двух сверхтипов — скупой оказывается не купцом-торгашом, а рыцарем, который традиционно представлялся фигурой возвышенно-поэтической (таким он изображен даже в пушкинской балладе «Жил на свете рыцарь бедный...»).

В «Пире во время чумы» парадоксальна ситуация: несколько героев бесстрашно устраивают празднество в охваченном эпидемией городе. И председатель пира, похоронивший мать и любимую жену, поет гимн чуме, прославляя гибельный восторг, наслаждение на краю смерти.

«Моцарт и Сальери» — единственная маленькая трагедия, в которой изображаются реальные исторические лица: австрийский композитор, один из самых знаменитых за всю исто-

рию музыкального искусства, Вольфганг Амадей Моцарт (1756—1791) и его современник и друг, итальянский композитор Антонио Сальери (1750—1825).

Историки утверждают: в основе пушкинского сюжета — недостоверная легенда. Сальери не убивал Моцарта. Обращаясь к легенде, Пушкин выстраивает свою художественную и психологическую логику. В этом опыте драматического изучения герои с реальными именами становятся такими же вечными образами, сверхтипами, как Дон Жуан или Фауст. Философ С. Н. Булгаков не случайно назвал «Моцарта и Сальери» *символической трагедией*.

И. Н. Сухих. «Моцарт и Сальери»: три «платоновских» диалога, 2010

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. На основе текстов С. Б. Рассадина и И. Н. Сухих сформулируйте принципы, позволяющие рассматривать «Маленькие трагедии» как художественное целое. Согласны ли вы с идеями литературоведов?
2. **Поэтика названий.** Перечитайте название каждой из «Маленьких трагедий». Какой основной принцип, по вашему мнению, лежит в названии пушкинских пьес? Сохраняется ли он во всех трагедиях? Познакомьтесь с первыми вариантами названий. Как вы думаете, почему А. С. Пушкин изменил первоначальный вариант? Можно ли по названию драматических сцен предположить или «определить» природу конфликта? Попробуйте проследить движение авторской мысли от первой к последней пьесе? Можно ли говорить о драматической логике цикла?
3. **«Едва ли есть высшее из наслаждений, как наслаждение творить».** Прочитайте текст и подкрепите мысли, сформулированные в нем, примерами из текста. Прокомментируйте свои примеры.

Отметим, что все герои имеют отношение к творчеству, хотя и далеки от образа «идеальных» героев: в «Скупом рыцаре» задатки творческой природы уничтожаются всезахва-

тывающей страстью к деньгам, разрушая нравственные основополагающие начала в человеке. В «Моцарте и Сальери» творчество — вершинное проявление жизни, делающее ее осмысленной и прекрасной, однако Сальери совершает преступление. В «Каменном госте» искусство связано с темой радости и наслаждения: любовь и театр, игра и искренность. Вместе с тем А. С. Пушкина изображает главного героя как человека, пережившего искушения и порок. В «Пире во время чумы» нельзя не отметить неуместность песенных исполнений. Но при более внимательном анализе текста читателю открывается авторская мысль, выраженная в песне Мери и гимне Председателя: самоотверженная любовь сильнее смерти, а человек, встав наперекор всем испытаниям и бедам, способен все преодолеть и обрести упоение в этом поединке.

Л. В. Дербенцева

4. Обоснуйте следующее утверждение, опираясь на текст произведений.

Параллельно с темой творчества от первой к четвертой трагедии, варьируясь, нарастает тема смерти. Однако набирает силу тема противостояния ей жизни.

Л. В. Дербенцева

5. **Вариации «Маленьких трагедий», или «Странные сближения...».** Предполагается поиск «образных созвучий», кочующих из одной трагедии в другую. К ним относятся ария Дон Жуана из оперы В. А. Моцарта, тема «черного человека», слово «поздно». Обоснуйте последнее утверждение. Есть ли у вас собственные открытия?

6. **Жанровое единство.** Докажите, что в цикле А. С. Пушкина ощутимо усиление лирического начала от первой пьесы к последней и, по мнению В. С. Соловьева, «...лирика завершает драму!!!...»

7. **Кинематографическая интерпретация.** Фильм М. Швейцера «Маленькие трагедии», созданный к 150-летию Болдинской осени, обладает необычайной притягательностью. Почему зритель, многократ-

но видевший этот фильм, продолжает получать эстетическое удовольствие от просмотра? В чем причины такого воздействия картины на наше восприятие? Подготовьте сопоставительный анализ фрагмента фильма и художественного текста (сцена, монолог, диалог и т. д.). Выявите взаимодействие визуальных и звуковых слоев «кинопартитуры» фильма.

Юрий Адрианов и пушкинское Болдино

От Поэта — к Поэту

Ю. А. Адрианов

Втором первой книги из серии «Болдинская библиотека» стал нижегородский поэт и прозаик Юрий Андреевич Адрианов (1939—2005).

Ю. А. Адрианов — автор более 30 книг, почти четыре десятка лет участник пушкинских праздников в Болдине. На пушкинской земле сделал несколько телевизионных передач, писал живописные этюды в болдинском ополье. Он был председателем Нижегородского фонда культуры, заслуженным работником культуры РФ, лауреатом премии города Нижнего Новгорода и литературной премии имени А. А. Фета Союза писателей России.

«Болдинские этюды» — книга Юрия Адрианова, вобравшая в себя стихотворения и прозу, размышления и признания автора в любви к нижегородскому краю, к друзьям, к Болдину, к Пушкину.

Познакомьтесь с фрагментом этой книги.

...Часам к трем ночи луна опускается к волнистым вершинам невысоких холмов...

Именно в одну из таких болдинских ночей, после поэтического вечера, бродя по темному парку, я вспомнил старое определение, оброненное исследователями, — «Литературное гнездо».

Это определение как нельзя точнее подходит к культурной истории нашего края.

Он не только воспитал свои яркие таланты или становился временным пристанищем, но постоянно, живя в русле общего процесса, имел свою незаурядную судьбу для всей России.

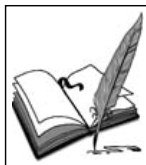
...Болдино. Здесь нет широкой полноводной реки. Лишь чуть приметная в травах широкого лугового дола прожилка речонки Азанки. Она больше похожа на ручей.

Здесь не налюбуйешься эффектным пейзажем. Здесь внутреннее, освещенное гением чувство русской природы, русской земли.

Как знать? Может, именно отсутствие внешних красот, здешняя естественная простота помогли пушкинскому творческому взлету?

Контраст между воображаемым, великими страстями и глубинной житейской заурядностью окружающего?

Здесь мало пищи для невнимательных глаз, но много для осмысления бытия.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы понимаете рассуждение Ю. Адрианова в книге «Болдинские этюды» о связи болдинского пейзажа с пушкинским творческим взлетом? Как раскрывается для вас смысл заключительного предложения из прочитанного фрагмента?

Любовь к природе среднерусской полосы Юрий Адрианов проявлял не только в стихах, но и в живописи. Окончив художественную школу, а затем историко-филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, он никогда не оставлял кисти и мольберта. Точный взгляд живописца, сердцем откликающегося на тонкую красоту российской природы, и чувство слова профессионального филолога ощутимы в его поэтических строчках. Ему чужд какой-либо пафос, строки его наполнены искренностью, теплотой, иногда — шуткой, самоиронией.

Болдинское братство

Дмитрию Арсенину

...Души сокрытое богатство
Под стаей листопадных дней:
В России существует братство
Влюбленных в Болдино людей.
Как лес осенний, разнолико,
Едино лишь в любви к Творцу,
Едино в поклоненьи к книгам
И поклонении певцу.
Средь светлой пушкинской печали
Для встречи с русской строкой,
Есть души, что давно познали
Просторный болдинский покой.
Здесь мир общения с друзьями
Нам уготовила судьба,
Здесь вновь озябшими полями
Зовет знакомая тропа.
Зовет за робкую Азанку
На взгорья по седой росе,
Сентябрьским утром, спозаранку,
Спеша поодаль от шоссе,
Зовет в обитель вдохновенья
И оборвется у крыльца...
И странные времен смещенья
Тревожат памятью сердца.

Болдинские рисунки Пушкина

Если резко,
На мгновенье,
Зарождалась вдохновенно
Удивительная вязь!
И перо чертило тонко,
Смело,
Праздно,
На лету, —

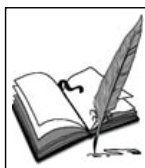
Боязливого чертенка
И смышленного Балду.
Вольнодумца и тирана —
Современников стиха.
То фигуру Дон Гуана,
То приют гробовщика.
...Листопадали опушки,
Тлели Болдина огни.
Чем еще терзался Пушкин
В эти ночи,
В эти дни?
Мимолетно,
Как бы всуе,
Возле строчечной тропы,
Мысли тайные рисуя
На полях своей судьбы!

* * *

Я — рифмоплет и графоман!
Поэтов истинных немного!
Мои стихи — самообман
И упражнения со слогом.

...Но — может быть, когда-нибудь
Меня оценят по заслугам...
Венок возложат мне на грудь.
А на груди всплакнет подруга.

...И я воскресну! «Бог, ты мой!
Какое чудное мгновенье!
Перо! Бумагу!... Я домой,
Запечатлеть там вдохновенье!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. О каком единении людей говорится в стихотворении «Болдинское братство»?
2. Раскройте смысл эпитетов и метафор в стихотворениях Ю. Адрианова: «среди светлой пушкинской

печали», «озябшими полями», «тропка строчки осеклась». Какие еще средства выразительности обратили на себя ваше внимание? Поясните.

3. Какие пушкинские образы, цитаты и аллюзии (намекы) встречаются в стихотворениях Ю. Адрианова?

4. Обратите внимание на одну из характерных черт адриановской поэзии: «сильными местами» его текстов всегда являются финальные строчки. Предложите свое толкование заключительных четверостиший стихотворений.

Из краеведческой повести «...эта тихая-тихая улица»

...«Странные сближения»: начала болдинских осеней Пушкина совпадают с последними высочайшими прозрениями Серафима Саровского!

Болдино и Саров по прямой линии разделяют несколько десятков верст. Это жалкое расстояние (день пути) среди многотысячного размаха Российской империи.

Озаренная земля!..

Что же это: совпадение? Рядом два великих крова! В одночасье поодаль друг от друга горели две свечи, определившие суть России: пламень духовной святости и огонь духовного гения национальной культуры.

Может, это особенность земли нижегородской? Не ведаю ответа...

Помолчим...

1987, 1997

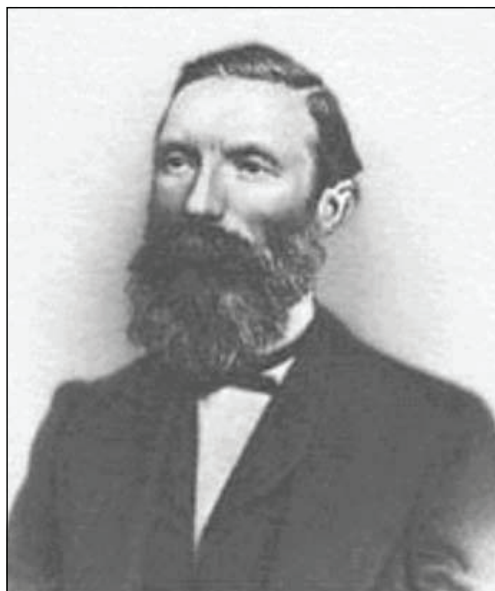

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Удалось ли вам побывать в местах земли Нижегородской, о которых говорится в отрывке «Странные сближения»? Поделитесь своими впечатлениями.

МИХАИЛ
ВАСИЛЬЕВИЧ
АВДЕЕВ
(1821—1876)

Современник Печорина

Сегодня в литературе практически забыто имя Михаила Васильевича Авдеева, но для своего времени это был значительный писатель.

М. В. Авдеев родился 28 сентября (10 октября) 1821 года в Оренбурге. Его дед, Никита Васильевич, был казачьим атаманом в небольшом яицком городке. Во время восстания

Емельяна Пугачева в 1773 году он и его гарнизон сохраняли верность императрице Екатерине II, но после окончания крестьянской войны попали в опалу. У предка Авдеева был крутой нрав. Он осердился на государыню за бесцеремонное обращение с вольными казаками и демонстративно вышел вместе со своим родом из казачьего сословия.

В Оренбурге Михаил Авдеев провел только раннее детство. Как и во всех дворянских семьях того времени, для маленького барчонка был нанят воспитатель. Им стал сосланный в Россию польский поэт-романтик Томаш Занд, близкий друг Адама Мицкевича. Занд оказал огромное влияние на формирование личности мальчика, его эстетических и философских взглядов. Гувернер сумел привить своему ученику любовь к литературе и литературному творчеству. Ко времени учебы Миши семья переехала в Уфу, и он поступил в первый класс уфимской гимназии.

Гимназия давала хорошую подготовку по естественно-математическим дисциплинам, и юноша, уверенный в своих знаниях, едет поступать в Петербургский институт путей сообщения. Там царил казарменный дух, часто в ходу были телесные наказания. Студенты по команде просыпались, по команде отдыхали, по команде ели и молились. По часам был расписан весь день. Классы, где готовили задания, были со стеклянными дверями, для того чтобы «бдительное око» наблюдало за воспитанниками. Особое значение в институте придавалось занятиям гимнастикой, фехтованию и еще большее — танцам. Щеголяние вымуштрованными рядами на парадах, броская форменная одежда, светские рауты — все очень нравилась Авдееву. Он и в дальнейшем придавал огромное значение умению одеваться и держаться в обществе.

В 1842 году Михаил Авдеев с отличием окончил институт и в качестве начальника дорожной дистанции был направлен в Нижний Новгород. Там намечалось большое строительство центральной железной дороги, но планы правительства изменились, было решено строить магистраль Санкт-Петербург — Москва. Тогда Авдеев сосредоточил свое внимание

на общественной жизни города и собственной литературной карьере. Эти годы, по мнению писателя, были «самыми светлыми годами в жизни». М. П. Веселовский, сослуживец Михаила Васильевича Авдеева, отмечал, что молодого путейского офицера в Нижнем Новгороде считали «сердцеедом» и даже изображали в газетных шаржах: «Молодой человек в форменной одежде пьет чай и заедает его вместо сухарей женскими сердцами, которых перед ним стоит целая корзина».

Но литературная слава сыграла с Авдеевым злую шутку. Один из рассказов, напечатанных в «Отечественных записках», прочитал граф Петр Андреевич Клейнмихель, который был в те годы главным управляющим путями сообщения. Ярость его была беспредельна:

— Это что это? Это тот самый Авдеев? — стучал пальцем по журналу любимец Аракчеева.

— Инженер-путеец? И это самое? Сочиняет? Я этого не потерплю! Мне нужны инженеры, а не бумагомаратели!

После бурной вспышки гнева никаких начальственных распоряжений не последовало, но Авдееву передали об этом, и он незамедлительно подал в отставку. Так писатель повторил поступок своего деда и очень гордился этим: «Как я благодарен предку за его дерзкую выходку! И как я рад, что я из той же породы, что и я происхожу из давней казачьей вольницы».

Михаил Васильевич довольно легко пережил внезапный, ничем кроме самодурства П. А. Клейнмихеля не оправданный удар. Расставшись с деятельностью путейца, он практически не переживал, потому что к этому времени его знали как популярного литератора, автора рассказов и повестей.

В столичной и нижегородской печати все чаще стали появляться его сочинения. Успех пришел сразу. Его заметили критики. В середине 1840-х годов он встретился с В. Г. Белинским, который лестно отозвался о его ранних рассказах и предложил написать роман, основанный на богатых нижегородских впечатлениях.

В то время читающая публика была очень сильно увлечена романом М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Он был воспринят читателями как повесть о гибели незаурядного человека в тисках серой и убогой действительности. Такой же отзвук пробудил роман М. Ю. Лермонтова и в писателях. М. В. Авдеев, создавая свое произведение, попытался воплотить мысль, которую ему высказал В. Г. Белинский при личной встрече: «Характер Печорина есть тот же характер Онегина, изменившийся при последовательном развитии». Автор понимал, что духовное формирование дворянской молодежи в 1840-е годы происходило под сильным влиянием лермонтовского Печорина, и видел, как в реальной жизни ориентация на литературного героя породила класс «действительных Печориных»: «... люди с умом сильным, с душой, жаждущей деятельности, увлеклись печоринством: оно успокаивало их неугомное самолюбие, давало пищу их бесильной энергии. Оно помогало им обманывать самих себя». Это явление в жизни общества было с успехом отражено в романе.

В конце 1840-х — начале 1850-х годов в журнале «Современник» были напечатаны повести «Варинька», «Записки Тамарина», «Иванов», составившие впоследствии роман «Тамарин». Произведение было написано по личным впечатлениям о жизни губернского города. «Все действующие лица были расписаны с натуры, начиная с самой героини», — отмечал П. Д. Боборыкин. Яркое и точное описание русской провинции, узнаваемость героев стали причинами исключительного успеха, которым пользовался роман в России, а особенно в Нижнем Новгороде.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте этапы жизни М. В. Авдеева.
2. Какой поступок деда повторил М. В. Авдеев? Как это его характеризует?
3. Какие впечатления М. В. Авдеева повлияли на содержание его романа «Тамарин»?

Литературный двойник Печорина

Как считали многие критики и литературоведы XIX и XX веков (Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, С. Н. Дурылин, В. В. Харчев и др.), у Авдеева получилась лишь «бледная копия» романа Лермонтова, но отмечали, что у автора есть «несомненный талант, а еще более ум и такт» (Н. А. Некрасов). Современные исследователи его творчества склоняются к мнению, что «Тамарин» — это попытка стилизации под лермонтовский роман.

М. В. Авдеев построил свое произведение по аналогии с лермонтовским романом и объединил несколько повестей с разными рассказчиками в единое целое. Роман состоит из нескольких частей: первая — «Варинька. Рассказ Ивана Васильевича» — соответствует повести «Бэла», вторая — «Записки Тамарина» — напоминает дневник Печорина. В романе «Тамарин» представлены практически все основные персонажи М. Ю. Лермонтова: судьба баронессы напоминает историю жизни Веры; нежная, трепетная, но вместе с тем гордая и сильная духом Варинька — княжну Мери, Федор Федорович своим скептицизмом, порой доходящим до цинизма, напоминает доктора Вернера, Иван Васильевич простотой и открытостью чувств — Максима Максимыча, Володя Имшин — облагороженного Грушницкого.

Чтобы главный герой был узнаваем читателями, М. В. Авдеев постарался сохранить в своем романе особенности портрета Печорина, поэтому внешне Тамарин очень похож на лермонтовского героя.

Сопоставьте портреты Тамарина и Печорина, приведенные ниже.

Портрет Тамарина

Сергей Петрович был среднего роста, тонок и чрезвычайно строен; ноги и руки крошечные, но мускулистые, черты лица правильные, умные и чрезвычайно спокойные; волосы светлые, мягкие, шелковистые; глаза боль-

шие, карие, прекрасные глаза, но странные. Обыкновенно они, как и все лицо его были очень холодны и покойны; но, казалось, в глубине их таилась какая-то особенная сила. Если он одушевлялся, что, впрочем, было довольно редко, то они начинали светиться более и более. То в них одних проявлялось столько воли, твердой, непреклонной, такая сила характера, какую мне никогда не случалось видеть в самых резких и выразительных физиономиях, а в нем и подозревать даже нельзя.

Портрет Печорина

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртук его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен худобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить верить в них слепо. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость: он сидел, как сидит бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющие-

ся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные — признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади. Чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! — Вам не случилось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак — или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его — непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен. Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвел бы совершенно различное впечатление; но так как вы о нем не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением. Скажу в заключение, что он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским.

Очень интересно наблюдение о происхождении фамилии главного героя. Тамарин — это производная от имени героини лермонтовского «Демона». В характере героя автор совмещает две противоположные ипостаси: демоническую

и человеческую. С одной стороны, это независимая манера поведения, способность к обольщению и прекрасное владение словом, с другой стороны, — попытки самоанализа, склонность к ведению дневника, возможность отдаваться сиюминутным чувствам. В романе М. В. Авдеева герой добровольно надевает маску «демонической» личности, старается изображать холодного, расчетливого, остроумного человека, но бурное течение жизни, любовь, которая приходит помимо всех расчетов, открывают перед читателем человека совсем иного психологического склада, чем Печорин. В основной части романа, в «Записках Тамирина», перед нами открывается исповедь способного, но слабого, не нашедшего своего места в жизни человека. Особой чертой внутреннего мира героя является постоянное колебание его мыслей, чувств между полюсами «игры» и «искренности», борьба между книжными началами и естественной, живой жизнью.

Герой лермонтовского романа — Печорин — не верит, что на земле возможно сильное и всепоглощающее чувство любви: оно в дворянском обществе давно измельчало, трансформировалось в игру страстей в рамках светских приличий. Поэтому свою тоску об идеале он прячет глубоко в душе, а на поверхности — донжуанское обращение с женщинами, холодный расчет в чувствах и отношениях. Тамирин же, рассуждая о любви, говорит о ней как о высшем духовном стремлении, верит в это, подчиняется чувству и предстает перед читателем романтическим, сентиментальным, тоскующим по красоте и гармонии человеком. «Женская любовь должна быть чиста и невинна, как сама женщина; она только имеет цену раз в жизни — в первый раз!... Разве можно купить истинную любовь, разве может существовать любовь, когда есть обязанность любить? Может быть, покажется смешно, что человек, испытавший жизнь, сохранил еще детскую веру в возможность чистого, свободного чувства». Это момент, когда герой освобождается от «демонической» маски, но избавиться от нее окончательно ему так и не удается. Маска

порабощает его, но в то же время дает возможность возвыситься над местным провинциальным обществом.

Но, стараясь соблюдать композиционную и стилистическую близость с романом М. Ю. Лермонтова, М. В. Авдеев все же не учел внутренней специфики романа. В. М. Маркович отмечает: «М. Ю. Лермонтов построил роман таким образом, что в нем невозможно найти опору для идущей извне, «окончательной» оценке героя в точках зрения других персонажей». В романе вокруг главного героя образована своеобразная «резонирующая среда», главными фигурами которой стали любящие Печорина женщины (Вера, Мери). Их отзывы о Печорине перекликаются между собой скорее в эмоциональном плане, чем в буквальном смысле и создают такое представление о нем, которое вполне соответствует желаниям героя. М. В. Авдеев разводит точки зрения Вариньки и баронессы, тем самым, создавая завершенное, взаимодополняющее и абсолютно одноплановое мнение о Тамарине. Это мнение поддерживается и развивается другими персонажами романа, поэтому характер главного героя получился одноплановым, а поступки предсказуемы.

М. Ю. Лермонтов, стараясь изобразить яркий многогранный характер Печорина, показывает в романе разные точки зрения на его поступки. Он как бы оценивает героя «глазами» других персонажей, например, доктора Вернера, Грушницкого; они несут в себе осуждение героя или ставят под сомнение ценность каких-то свойств его личности. «Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства,— а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тягость ответственности». Но после такого высказывания Печорина мнение доктора Вернера, несущее в себе осуждение героя, не может стать ценностной опорой для нравственного суда над ним. В конечном итоге герой оценен так, как он сам хотел бы быть оцененным.

В романе М. В. Авдеева Тамарин лишается романтиче-

ского ореола, которым окружен Печорин. Он не так тверд и решителен, как герой лермонтовского романа, не раз уходит от ответственности за свои поступки, и за это становится предметом осуждения многих персонажей, что дает повод для формирования в обществе устойчивого мнения о нем.

Жизненные обстоятельства, описанные в романе, ставят Тамарина в ситуации, когда неизбежен нравственный выбор. Но в самый напряженный момент он трусит, проявляет слабость, скрывается там, где нет «душевных бурь», где можно находиться в состоянии покоя. Герой покидает Санкт-Петербург с надеждой на то, что в деревне забудется сильное столичное увлечение, но даже вдалеке от столицы он опять оказывается в подобной ситуации: чистая любовь провинциальной барышни не могла не тронуть его сердца.

Испугавшись большого искреннего чувства Вариньки, Тамарин бежит из деревни в уездный город Н. Н. Через некоторое время он встречается в городе Вариньку: она готовится к свадьбе с другом детства Володей Имшиным. Любовь вдруг вспыхивает в сердце Сергея Петровича с новой силой. Он пытается вернуть ее прежнее расположение, но получает от Вариньки решительный отказ: «Сознаюсь вам, та мечта, которую создало и полюбило в вас мое детское воображение, давно исчезла. Но я любила в вас измученную противоречиями натуру. Когда же я увидела, что вы боитесь света, бегаєте от всякого чувства, которое может нарушить ваше спокойствие, потревожить лень вашего сердца, тогда у меня явилось сомнение в ваших силах, тогда я невольно подумала, что вы бегаєте от борьбы с собой потому, что не в состоянии выдержать ее, и мое очарование исчезло».

Герой терпит поражение, сдается, в очередной раз проявляет слабость духа: он не добивается любви, как это делал бы Печорин, а, сказавшись больным, бежит из города. «Я болен весь, решительно весь; мне нужно лечение, которое восстановило бы весь организм, я думаю ехать на кумыс». По остроумному наблюдению Н. Г. Чернышевского, Тамарин — это Грушницкий, явившийся Авдееву в образе Печорина.

В романах М. В. Авдеева и М. Ю. Лермонтова мы встречаемся с текстами писем женщин, в которых раскрывается нравственно-психологический мир главных героев — Тамарина и Печорина. Это письмо баронессы к Тамарину и письмо Веры Печорину, которые приводятся ниже.

Сопоставьте письма героинь М. В. Авдеева и М. Ю. Лермонтова по следующему плану: а) построение писем; б) отношение баронессы к Тамарину, а Веры к Печорину; в) черты внутреннего мира баронессы и Веры; г) нравственно-психологический облик Тамарина и Печорина.

Письмо баронессы

«Мои предчувствия сбылись! Любовь этой девочки принесла мне несчастье. Я погибла, Тамарин, погибла, потому что рассталась с тобою, быть может, навсегда! Муж мой узнал все; он везет меня. Вокруг меня увязывают вещи, готовят экипаж, люди не понимают причины отъезда и ходят, как растрепанные, барон бранит их, но какое мне до них дело! Я сказала, что лягу спать, заперлась на ключ и пишу к тебе. Голова моя кружится, а мне надо сказать тебе многое, многое; это быть может, мое последнее письмо; Бог знает, увидимся ли мы еще?

Тяжело припомнить то, что лежит пятном на совести, что хотелось бы забыть навек, но я все припомню перед долгой, а, может быть, и вечной разлукой.

Помнишь, когда сошлись мы в первый раз? Я была невестой с громким именем и хорошеньким личиком, ты был только что выпущен в офицеры; тебя тогда уже товарищи называли демоном: они не знали, сколько было верного в этом имени, а дали тебе его потому, что видели твой ум, но они не видели твоего сердца, а у тебя было чудное сердце, нежное и раздражительное до болезненности. Я сама тогда не знала и не понимала его. Ты любил меня за что, не знаю, но ты меня любил так, как никогда не любил прежде и как теперь не в состоянии больше любить. После, гораздо позднее, в долгие дни раз-

луки с тобой я поняла эту любовь. Ты мне нравился, мне нравилось твое спокойное благородное лицо, невольно обвораживала твоя страстная, увлекательная речь, которая составляет твою главную прелесть, но я любила той внутренней любовью, которая ни к чему не обязывает, и у женщин начинается за мазуркой, а кончается вместе с зимою, а у мужчин называется волокитством. В это время барон сделал мне предложение, он был богат, у моих родных не было ничего, кроме долгов и громкого имени; он был стар, но мне улыбалась молодость, свобода и весь заманчивый блеск света. Я вышла за него. Это была первая рана, которую я нанесла твоему самолюбивому, болезненно-раздражительному сердцу. Отчего это? Чем оскорбил твое самолюбие этот брак? Ты на мне жениться не думал, ты знал, что вдвоем, почти без состояния, с нашими привычками, мы были бы несчастливы. Отчего же этот брак так ударил в твое сердце? Или тебе было бессознательно досадно, что другому достается за богатство то, на что тебе давала права любовь? Говорят, мужчины всегда завидуют, когда хорошенькая девочка выходит замуж. Если так, то мое замужество должно было тебе быть больно. Но рассудок говорил тебе, что этот брак по необходимости, что не я предпочла тебе другого, а мои родные обвенчали меня с чужим богатством. И ты продолжал любить меня, но любовь твоя сделалась притязательнее, капризнее, лихорадочнее. Мне это не понравилось. Вокруг меня вилась веселая, красивая молодежь, которая любила так легко, так мило, так нетребовательно, особенно в обществе, на балах. Твоя любовь была тяжела, она дурно шла к лядовской кадрили и кружевам и тяготила меня.

Тогда я променяла тебя...

Простишь ли ты мне, Тамарин, это слово? Мне кажется, одного его напоминания достаточно для твоего самолюбия, чтобы снова восстановить тебя на несколько лет. Что я тогда сделала с собой, мой добрый друг, мой злой демон! Какое оскорбление я нанесла твоему страшному само-

люблю! Как беспощадно попала твое мягкое, детское сердце!

Несколько месяцев тебя нигде не было видно... Что ты пережил в эти месяцы? Потом, когда я тебя встретила в свете, для меня ты был неузнаваем. Ты был весел и мил, чудно увлекателен, ты имел все достоинства светского человека и облек ими свою прежнюю мощную, высокую натуру. Но ты страшно облек себя светскими условностями и приличиями. Из-за них не прорывалось ни одно свободное чувство, ни один сильный порыв, который бы не подходил под устав света. Ты стал типом умного, высококо *discommeilfaut*: как это слово странно звучит с твоей смелой, свободной натурой! И вот, изменившись, преобразясь, ты снова стал в толпе моих поклонников. Зачем ты это сделал? С досады, из любви или мщенья? Тогда я увидела разницу между тобой и другими: ты на голову был выше всех. Я прозрела, я полюбила, но было уже поздно.

Ты от меня взял все и ничего мне не дал. Тогда, как и теперь, твоя чудная двойственная натура, заманчивая странным столкновением противоположностей, влекла к себе, невольно обещала что-то высокое, прекрасное — и давала только холодную, мертвую любовь. Боже мой, что я с тех пор вынесла! Но я не ропщу, я не виню тебя: я одна, я всему причина. Это я все сделала. Мне только хочется припомнить все, что пережили мы вместе.

И мы расстались. Я помню это прощание; я плакала, я не понимала себя... стыд, угрызение совести, любовь, жгучая любовь. Ты был скучен, зол и равнодушен, а между тем ты хотел быть ласков! Твой последний поцелуй был холоден, как первый поцелуй нашего свидания.

И вот мы опять свиделись, чтобы снова расстаться и, может быть, уже навсегда. Ты мало изменился, только еще более охладел, изленился жить и чувствовать.

Боже мой! Стучатся. Пора! Пора! А мне хотелось еще так много сказать тебе. Что ждет меня? Впрочем, я рада,

что муж все знает. Мне легче, что я перед ним могу сбросить тяжелую маску. Бога ради, не поминай меня дурно! Неужели я еще не выкупила своей вины? Да я и не виновата...

Люби Вариньку, если можешь любить, позволь и ей любить себя. Быть может, она даст твоему сердцу ту жизнь, которую я отняла у него. Тогда я первая благословлю ее. Если же нет, что же, ведь надобно и ей когда-нибудь страдать. Ведь страдали же и ты и я.

Опять стучатся! Это голос барона... прости, прости твою Лидию».

Письмо Веры

«Я пишу к тебе в полной уверенности, что мы никогда более не увидимся. Несколько лет тому назад, расставаясь с тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично; я не вынесла этого испытания, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это, не правда ли? Это письмо будет вместе прощаньем и исповедью: я обязана сказать тебе все, что накопилось на моем сердце с тех пор, как оно тебя любит.

Я не стану обвинять тебя — ты поступил со мною, как поступил бы всякий другой мужчина: ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты был несчастлив, и я пожертвовала собою, надеясь, что когда-нибудь ты оценишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нежность, не зависящую ни от каких условий. Прошло с тех пор много времени: я проникла во все тайны души твоей... и убедилась, что то была надежда напрасная. Горько мне было! Но моя любовь срослась с душой моей: она потемнела, но не угасла.

Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уве-

рен, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя все свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно; ничей взор не обещает столько блаженства; никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном.

Теперь я должна тебе объяснить причину моего поспешного отъезда; она тебе покажется маловажна, потому что касается до одной меня.

Нынче поутру мой муж вошел ко мне и рассказал про твою ссору с Грушницким. Видно, я очень переменялась в лице, потому что он долго и пристально смотрел мне в глаза; я едва не упала без памяти при мысли, что ты нынче должен драться и что я этому причиной; мне казалось, что я сойду с ума... но теперь, когда я могу рассуждать, я уверена, что ты останешься жив: невозможно, чтоб ты умер без меня, невозможно! Мой муж долго ходил по комнате; я не знаю, что он мне говорил, не помню, что я ему отвечала... верно, я ему сказала, что я тебя люблю... Помню только, что под конец нашего разговора он оскорбил меня ужасным словом и вышел. Я слышала, как он велел закладывать карету... Вот уж три часа, как я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты жив, ты не можешь умереть!.. Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла, — но что за нужда?.. Если б я могла быть уверена, что ты всегда меня будешь помнить, — не говорю уж любить, — нет, только помнить... Прощай; идут... я должна спрятать письмо...

Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней? Послушай, ты должен мне принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свете...»

В реальной жизни М. В. Авдееву такого яркого, сильного, дерзкого и привлекательного характера, как у Печорина, встретить не пришлось, поэтому его произведение «Тамарин» воспринимается и сегодня иными как «бледная», неудачная копия, а другими — как пародийная стилизация лермонтовского оригинала. Прав оказался И. Н. Розанов, еще в начале XX века отметивший эту особенность романа: «Не верится, заявлению Авдеева, что в своем романе он исходил из наблюдений над жизнью: почти в каждой строке видишь знакомство автора с лермонтовским произведением».

НИКОЛАЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ДОБРОЛЮБОВ
(1836—1861)

История Нижнего Новгорода XIX века связана еще с одним литературным именем. Николай Александрович Добролюбов — выдающийся критик, публицист и поэт. Родился в Нижнем Новгороде в семье известного в городе священника Никольской Верхнепосадской церкви Александра Ивановича Добролюбова, который тайно обвенчал писателя П. И. Мельникова-Печерского). С детства Николай много читал, писал стихи. Получив хорошую домашнюю подготовку, был принят

сразу на последний курс духовного училища. Затем учился в Нижегородской духовной семинарии. Среди характеристик, даваемых ему тогдашними наставниками, находим следующие: «Отличается тихостью, скромностью и послушанием», «усерден к богослужению и вел себя примерно хорошо», «отличается неутомимостью в занятиях».

Осенью 1853 года с рекомендацией для поступления в духовную академию Николай Добролюбов поехал в Санкт-Петербург, но поступил в Главный педагогический институт. С 1854 года (после смерти родителей) у него произошел духовный перелом, который он назвал «подвигом переделывания себя». Молодой человек начал разделять радикальные антимонархические, антирелигиозные и антикрепостнические воззрения, что нашло отражение в рукописных студенческих журналах, в его многочисленных «крамольных» сочинениях того времени в стихах и прозе. В 1857 году Добролюбов блестяще окончил институт, но за вольнодумство его лишили золотой медали.

Н. А. Добролюбов о русской поэзии

В истории нашей поэзии, начиная с Пушкина, есть один грустный факт, который еще ждет себе полного объяснения в будущем. Все, что было замечательного в нашей поэтической литературе последних сорока лет, подверглось влиянию этого грустного факта. Он состоит в том, что конец деятельности каждого, сколько-нибудь замечательного поэта ознаменовывается сознанием собственного расслабления и сожаления о напрасно растраченных силах молодости. Такое сознание сообщает какой-то мрачный, безотрадный колорит всей деятельности поэта, и мрак этой безотрадности с каждым годом все более сгущается. И тем безотраднее действует он на душу внимательного читателя, что в начальной деятельности поэта всегда заметны смелые порывы, широкие мечты, благородней-

шие сильные стремления. Нас невольно увлекает поэт силою своего вдохновения, особенно если талант его имеет сколько-нибудь приметные размеры; нам самим хочется, чтобы эти мечты сбылись, эти порывы нашли возможность осуществиться в практической деятельности. И когда поэт начинает свое безотрадное признание, свою тоскливую похоронную песнь о невозвратно потерянных надеждах и напрасно растраченных силах, у нас самих холод пробегает по телу и будто что-то отрывается от сердца. А между тем нет ни одного замечательного русского поэта последнего времени, который бы остался совершенно свободен от этого мрачного настроения, который бы не принялся заживо хоронить себя. С какими смелыми и гордыми надеждами Пушкин выступал на литературное поприще! Как много горячего, молодого увлечения было в нем в те годы, когда еще душу его волновали —

Негодованье, сожаленье,
Кю благу чистая любовь...

И все пропало. В один из последних годов своей жизни он с грустью признавался, что в сердце его, смиренном бурями, настала лень и тишина. А сколько тяжелого уныния, какого-то сдавленного, покорного горя, например, в этих стихах, также относящихся к поздней поре пушкинской деятельности:

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокий,
И жду, придет ли мой конец...

Правда, что Пушкин, при всей громадности своего поэтического таланта, не был человеком, серьезно проникнутым убеждениями, которые проявлялись в нем в ту пору, «когда ему были новы все впечатленья бытия». Бурям судьбы жестокой немудрено было сломить этот характер, не отличавшийся глубиной и силою. Но вот

другой пример — Лермонтов. Этого уж нельзя упрекнуть в недостатке энергии и твердости; а между тем и он писал под конец жизни почти то же, что Пушкин:

И тьмой, и холодом объята
Душа усталая моя.
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока,
Под знойным солнцем бытия.

Тем же кончил и Кольцов, эта здоровая, могучая личность, силою своего ума и таланта сама открывшая для себя новый мир знаний и поэтических дум. Еще не окрепший в своем поэтическом таланте, но гордый молодой силою воли, он говорил о злой судьбе при начале своего поприща:

Пред ней душою не унижусь,
В мечтах не разуверюсь я...
Могильной тенью в прах низринусь,
Но скорби не отдать себя...

Но и его сломила судьба, и незадолго до своей смерти он грустно сознавался:

В душе страсти огонь
Разгорался не раз,
Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас...
Только тешилась мной
Злая ведьма судьба,
Только силу мою
Сокрушила борьба...

Судьба, рок, судьба!.. Вот слова, в безвыходной тоске повторяемые каждым из наших замечательных поэтов. Что это? Бессилие ли отдельных личностей пред силою враждебной им судьбы? Но если оно так неизбежно и так велико даже в людях, которые так щедро наделены от природы, которых мы считаем лучшими между нами, то

в каком виде это бессилие должно представляться во всей остальной массе?.. Или, напротив, это вопль энергической, действительно сильной натуры, подавляемой гнетом враждебных обстоятельств? В таком случае каковы же должны быть эти обстоятельства, когда они так необходимо, фатально, так безобразно сламывают самые благородные и сильные личности?.. Тяжело становится на душе, когда припомнишь историю этих личностей. Зачем боролись и страдали бедные труженики? Зачем их борьба была так бесплодна и зачем эти тысячи и миллионы людей, окружавших их, так холодно, безучастно смотрели на их внутренние страдания, так легко дали им пасть под гнетом судьбы?

*Н. А. Добролюбов.
Стихотворения А. Н. Плещеева.*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. О какой особенности русских поэтов пишет Н. А. Добролюбов? Как он относится к этой особенности?
2. Точно ли оценивает Н. А. Добролюбов позднюю лирику А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова? Обоснуйте свою позицию.

Поэтическое творчество

Жалоба ребенка

Для чего вы связали мне руки?
Для чего спеленали меня?
Для чего на житейские муки
Обрекли меня с первого дня?

Еще много носить мне придется
На душе и на теле цепей;
Вкруг кипучей груди обовьется
Много, много губительных змей.

Стариной освященный обычай,
 Человека пристрастный закон,
 Предписания модных приличий...
 Ими буду всю жизнь я стеснен.
 Дайте ж мне хотя в детстве свободу,
 Дайте вольно всей грудью вздохнуть!
 Чтоб я после, в тяжелые годы,
 Мог хоть детство добром помянуть!

1856

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие образы символизируют отсутствие свободы? Приведите необходимые пояснения.
2. Определите место последней строфы в стихотворении.

Соловей

Тебя средь простора лесного
 Охотник в силок изловил.
 Чтоб песнь твою сделать звучнее,
 Хозяин тебя ослепил.

И тянешь ты звонкую песню,
 И звучные трели ты льешь.
 В восторге твой толстый хозяин,
 Что ты неумолчно поешь.

Но я твой язык разумею,
 И чуткой душою моей
 Я слышу рыданья и стоны
 В мелодии песен твоей.

1857

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите в стихотворении контраст и раскройте его смысл.
2. Сопоставьте это стихотворение со стихотворением «Жалоба ребенка».

* * *

Испытанный судьбой, в тревожном сне моем
Не убаюкан я роскошными мечтами,
Все буря снится мне, все молния и гром,
Какой-то темный свод, да изверги с цепями...
Бывает изредка, что грезится и мне
Картина мирная довольства и покоя.
Мне отчий дом рисуется во сне...
Я вновь дитя с доверчивой душою...
Под отческим надзором я расту,
Не ведая ни страсти, ни сомнений;
Заботливой рукой лелеемый, цвету
Вдали от горя и людских волнений.
Душа моя радушна и тепла,
Полна любви и веры благодатной.
Природа вокруг меня спокойна и светла
И дышит прелестью какой-то непонятной.
Тут все со мной, что в свете мило мне, —
И кажется, в душе нет места для желанья...
Но в глубине душевной — и во сне
Шевелится тревожное сознание,
Что это все мечта, не истина, а сон...
И часто у меня, среди чудного виденья.
Вдруг вырывается из груди тяжкий стон,
Душа тоскливо жаждет пробужденья.

1857

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте картину грезы, противопоставленной картине тревожного сна. Найдите эпитеты и определите их роль в создании идиллической картины детства.
2. Что означает для лирического героя пробуждение? Можно ли назвать стихотворение романтическим?
3. Обоснуйте употребление поэтом такого знака препинания, как многоточие.

Бедняку

Горькой жалобой, речью тоскливой
 Ты минуту отрады мне дал:
 Я в отчизне моей терпеливой
 Уж и жалоб давно не слыхал.

Точно в ночь средь кладбища глухого,
 Я могильною тишью объят,
 Только тени страдальцев, без слова,
 Предо мной на могилах стоят...

Ропот твой безотрадно-унылый
 Был воскресная песнь для меня;
 Точно, плача над свежей могилой,
 Жизни вопль в ней услышал вдруг я.

1858

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

Что объединяет стихотворение «Бедняку» со стихотворением Н. А. Некрасова «Вчерашний день, часу в шестом...»? Почему жалоба в стихотворении Добролюбова и молчание в некрасовском стихотворении наполняются символическим смыслом?

Вчерашний день, часу в шестом,
 Зашел я на Сенную;
 Там били женщину кнутом,
 Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
 Лишь бич свистал, играя...
 И Музе я сказал: «Гляди!
 Сестра твоя родная!»

1848

Добролюбов умер от туберкулеза в 25 лет, за год до смерти лечился за границей и много ездил по Европе. До самой последней минуты он был в сознании. В соседней комнате безвыходно сидел Н. Г. Чернышевский. По воспоминаниям А. Я. Панаевой, за несколько дней до смерти Н. А. Добро-

любов произнес: «Умирать с сознанием, что не успел ничего сделать... ничего! Как зло насмеялась надо мной судьба!.. Хоть бы еще года два продлилась моя жизнь, я успел бы сделать хоть что-нибудь полезное... теперь ничего, ничего!»

Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен;
Но зато родному краю
Верно, буду я известен.
Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

1861

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как можно объяснить сочетание сожаления поэта о скорой смерти (воспоминания Панаевой) и его мысли о спокойствии души в стихотворении «Милый друг, я умираю...»?
2. Прочитайте фрагмент стихотворения Н. А. Некрасова «Памяти Добролюбова» (1864). Как вы понимаете три заключительные строки стихотворения?

...Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,
Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...
Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

3. На основе рассмотренных стихотворений создайте характеристику лирического героя Н. А. Добролюбова (жизненная позиция, особенности психологии).

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ
МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ
(1818—1882)

Личность писателя, краеведа, чиновника

К тридцати годам он знает все. Он — главный российский «расколовед». В глазах староверов он — «зоритель» и Антихрист; в глазах власти — специалист, без которого не обойтись в решении какого бы то ни было конкретного дела по расколу.

Один эпизод. С конца 1854 года со следствием по староверческим делам объезжает округу молодой чиновник из Вятки, советник губернского правления Салтыков. Нити следствия приводят его в Нижегородскую и Казанскую губернии. Министр внутренних дел предписывает Салтыкову непременно скоординировать действия с главным специалистом по расколу Мельниковым. Оба чиновника съезжаются в Казани, знакомятся и вместе едут дальше. Приезжают к семидесятичетырехлетнему раскольнику Трофиму Щедрину. Во время обыска Мельников затевает со стариком спор о вере: возможно, он хочет продемонстрировать своему спутнику искусство завоевания умов. Трудно сказать, что думает и чувствует молодой коллега Мельникова при виде того, как насаждает на старика главный расколовед и как с умною и спокойною непреклонностью держится под этим напором раскольник. Может быть, молодой вятский чиновник краснеет от стыда, а может, копит тихую ярость, — во время этой сцены он, судя по всему, молчит. Известно только, что фамилия старика: «Щедрин» — становится отныне литературным именем Салтыкова.

Так происходит встреча двух литераторов, которым на доброе десятилетие предстоит в сознании литературной общности ходить неразлучной парой: «что Щедрина, то и Печерскому...».

*Л. А. Аннинский.
Три еретика, 1988*

«Многоликость» Мельникова (историк, писатель, работавший в разных жанрах, этнограф, знаток языка, исследователь вероучений и современных религиозных сект, отлично представлявший себе фонды частных и государственных архивов, наконец, по своей работе сначала чиновником особых поручений, а затем по возложенным на него обязанностям в Министерстве внутренних дел дотошный «практик», хорошо знакомый с состоянием раскола в конкретном регионе, в Нижегородской губернии, тогда оплоте старообрядче-

ства), — именно подобного рода «разброс» интересов, когда он шел одновременно несколькими путями, вместо того чтобы идти одним, и особенные, свойственные ему творческие приемы работы — все это привело к тому, что Мельников оставил образцы той научной дисциплины, которая сейчас определяется как *краеведение*. Яркий мастер, он и здесь проторил новые исследовательские маршруты, так что его вполне можно назвать патриархом отечественного краеведения. <...>

Подлинная же слава пришла к Мельникову совершенно неожиданно и необычно: ведь своей широкой известностью он обязан двум последним своим произведениям — роману-дилогии «В лесах» и «На горах». Причем первая часть вышла в свет (1875), когда жизнь стала уже стремительно катиться к закату, а работа над второй (1881) была прервана тяжелейшим недугом, и писательская смерть наступила раньше физической. Слово оправдались зловещие пророчества старообрядцев, видевших в нем жестокого преследователя древней веры. Ему отказывала хорошо тренированная писательская память и речь (он был прекрасным импровизатором), его разбил паралич, у него отнялись ноги, рука не в силах была держать перо, и текст приходилось с трудом диктовать, немногие могли понимать его слова. <...>

Доживая последние мучительные годы, не бросая литературного труда, он словно вернулся, работая над своим романом, в свою молодость — в леса Заволжья, в раскольничьи скиты и тайные молельни, где бывал еще расторопным, педантичным и суровым чиновником. Непосредственные наблюдения, жизнь среди природы, многолетние исследования старообрядчества, писательский опыт — все слилось в его знаменитой дилогии, дав великолепный художественный результат.

*Н. М. Фортунатов. П. И. Мельников
(Андрей Печерский) //
История русской литературы XIX века,
2012*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как Л. А. Аннинский интерпретирует встречу двух литераторов? Можете ли вы предложить свою интерпретацию этого события?
2. На основе предложенных материалов сделайте выводы об особенностях личности П. И. Мельникова-Печерского.

Художественная проза

Диалогия «На горах» и «В лесах»

Мельников-Печерский описывает этот мир с неспешностью сказителя и дотошностью этнографа. Эпос! Причем не столько слепой Гомер возникает в вашем сознании — аналогии с Гомером в критике не пройдут, — сколько зоркий Гоголь, русский аналог Гомера; Гоголь — мастер чарующих перечней и инвентарных описей, полных лукавства, в том же ритме, в каком Гомер перечислял корабли, перечисляющий плюшки и пампушки. Когда-то юный Мельников начинал с ученических подражаний Гоголю — не получилось. Опытный Печерский справился с хитроумной задачей, он овладел тончайшей художественной материей: поэтикой перечня.

Эти перечни — те же колдовские «вадьи», «окна» и «чарусы» его прозы: вязко, густо, волшебно, бездонно — и цветет яркими красками.

Богатый заволжский купец Патап Чапурин задает гостям обед на пасху. Вслед за автором мы пробуем все: пироги, юху курячью с шафраном, солонину с гусиными полотками под чабром, индюшку россольную, рябчиков под лимоном... Совсем другое — стол поминальный, когда отмечает Патап Максимович сорочины по безвременно умершей старшей дочери Насте. Трапеза по старине, как от дедов и прадедов заповедано: мирским рыбье, келейным сухоядное. Кутья на всех — из пшена сорочинского с изюмом да с сахаром. Блины в почетные столы — на ореховом масле, в уличные — на

маковом, мирским с икрой да со сметками, скитским — с луком да с солеными груздями. Стерляжья уха... растегаи... ботвинье борщевое... похлебка из тебеки... борщ с ушками... дыни в патоке... хворосты... олады... Ничего не забыть, ничего не упустить... не перепутать порядок...

Жена Патапа Чапурина размышляет, как бы помочь заболевшей золовке Матрене Максимовне; речь, конечно, не о лекарствах, от лекарств только порча; речь о том, какому именно святому молиться. И тут тоже ошибиться нельзя: от зубов — Антонию, от глаз — Лаврентию, от оспы — преподобному Конону Исаврийскому, от винного запойства — мученику Вонифатию...

Золовка же, Матрена Максимовна, она же в иночестве величаявая мать Манефа, в лесном своем скиту читает отпуст, а середь часовни, перечисляет автор: столик, крытый белоснежной скатертью, на скатерти осмиконечные кресты из алой шелковой ленты, а на столике: икона воскресения, воздвизальный крест, канун, блюдо с кутьей, блюдо с крашеными яйцами...

А пока купчиха и монахиня врачуют души, сидя каждая в крепком своем чертоге, — тихая деревенская колдунья в овражке собирает в пестерь коренья и приговаривает: адамова глава от порчи, плакун-трава от притки, чертогон — трава от бесов... И под строкой, дублирующим перечнем, — идут по-латыни профессорские названья этих трав.

Растут — шумят травы: перелет-трава, прыг-трава, разрыв-трава... Поют-гомонят птицы: вяхири, ветютни, желны, иволги, сойки, свиристели, малиновки (а под строкой — латынь, латынь). Идут по Волге лодки рыбацьи: кусовые, ловецкие, живодные, реюшки, бударки, косные (без латыни уже, но тоже с подробными в сносках пояснениями).

Л. А. Аннинский. Три еретика, 1988

Выявите особенности характеристики произведения.

От устья Оки до Саратова и дальше вниз правая сторона Волги «Горами» зовется. Начинаются горы еще над

Окой, выше Мурома, тянутся до Нижнего, а потом вниз по Волге. И чем дальше, тем выше они. Редко горы перемежаются — там только, где с правого бока река в Волгу пала. А таких рек немного.

Места на «Горах» ни дать ни взять окаменелые волны бурного моря: горки, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядами и кряжами тянутся во все стороны меж долов, логов, оврагов и суходолов; реки и речки колесят во все стороны, пробираясь меж угорий и на каждом изгибе встречая возвышенности. По иным местам нашей Руси редко такие реки найдутся, как Пьяна (Пьяна упоминается в летописях. Русские поселились на ней в половине XIV века, и тогда еще по поводу поражения нижегородской великокняжеской рати ордынским царевичем Арапшой сложилась пословица: «За Пьяной люди пьяны».), Свяга да Кудьма. Еще первыми русскими насельниками Пьяной река за то прозвана, что шатается, мотается она во все стороны, ровно хмельная баба, и, пройдя верст пятьсот закрутасами да изворотами, подбегает к своему истоку и чуть не возле него в Суру выливается. Свяга — та еще лучше куролесит: подошла к Симбирску, версты полторы до Волги остается, — нет, повернула-таки в сторону и пошла с Волгой рядом: Волга на полдень, она на полночь, и верст триста реки друг дружке навстречу текут, а слиться не могут. Кудьма, та совсем к Оке подошла, только бы влиться в нее, так нет, вильнула в сторону да верст за сотню оттуда в Волгу ушла. Не захотелось сестрицей ей быть, а дочерью Волгиной.

Так говорят... И другие реки и речки на Горах все до единой извилисты.

Издравле та сторона была крыта лесами дремучими, сидели в них мордва, черемиса, болгары, буртасы и другие языки чужеродные; лет за пятьсот и поболее того русские люди стали селиться в той стороне. Константин Васильевич, великий князь Суздальский, в половине XIV века перенес свой стол из Суздаля в Нижний Новгород, назвал

из чужих княжений русских людей и расселил их по Волге, по Оке и по Кудьме. Так летопись говорит, а народные преданья вот что сказывают:

«На горах то было, на горах на Дятловых (В «Книге Большого Чертежа»: «А Нижний Новгород стоит на Дятловых горах».): мордва своему богу молится, к земле-матушке на восток поклоняется... Едет белый царь по Волге реке, плывет государь по Воложке на камешке. Как возговорит белый царь людям своим: “Ой вы гой еси, мои слуги верные, слуги верные, неизменные, вы подите-ка, поглядите-ка на те ли на горы на Дятловы, что там за березник мотается, мотается-шатается, к земле-матушке преклоняется?”...»

Слуги пошли, поглядели, назад воротились, белому царю поклонились, великому государю таку речь держат: “Не березник то мотается-шатается, мордва в белых балахонах богу своему молится, к земле-матушке на восток преклоняется”. Вопросил своих слуг белый русский царь: “А зачем мордва кругом стоит и с чем она богу своему молится?” Ответ держат слуги верные: “Стоят у них в кругу бадьи могучие, в руках держит мордва ковши заветные, заветные ковши больши-набольшие, хлеб да соль на земле лежат, каша, яичница на рычагах висят, вода в чанах кипит, в ней говядину янбед (Один из прислужников “возати” — мордовского жреца.) варит”».

Верховое Заволжье — край привольный. Там народ досужий, бойкий, смышленный и ловкий. Таково Заволжье сверху от Рыбинска вниз до устья Керженца. Ниже не то: пойдет лесная глушь, луговая черемиса, чуваша, татары. А еще ниже, за Камой, степи раскинулись, народ там другой: хоть русский, но не таков, как в Верховье. Там новое заселение, а в заволжском Верховье Русь истари уселась по лесам и болотам. Судя по людскому наречному говору — новгородцы в давние Рюриковы времена там поселились. Преданья о Батыевом разгроме

там свежи. Укажут и «тропу Батыеву» и место невидимого града Китежа на озере Светлом Яре. Цел тот город до сих пор — с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, с княженецкими узорчатыми теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового, негниющего леса домами. Цел град, но невидим. Не видать грешным людям славного Китежа. Скрылся он чудесно, божьим повеленьем, когда безбожный царь Батый, разорив Русь Суздальскую, пошел воевать Русь Китежскую. Подошел татарский царь ко граду Великому Китежу, восхотел дома огнем спалить, мужей избить либо в полон угнать, жен и девиц в наложницы взять. Не допустил господь басурманского поруганья над святыней христианскою. Десять дней, десять ночей Батыевы полчища искали града Китежа и не могли сыскать, ослепленные. И досель тот град невидим стоит, — откроется перед страшным Христовым судилищем. А на озере Светлом Яре, тихим летним вечером, виднеются отраженные в воде стены, церкви, монастыри, терема княженецкие, хоромы боярские, дворы посадских людей. И слышится по ночам глухой, заунывный звон колоколов китежских.

Так говорят за Волгой. Старая там Русь, исконная, кондовая. С той поры как зачиналась земля Русская, там чуждых насельников не бывало. Там Русь сьсстари на чистоте стоит, — какова была при прадедах, такова хранится до наших дней. Добрая сторона, хоть и смотрит сердито на чужанина.

В лесистом Верховом Заволжье деревни малые, зато частые, одна от другой на версту, на две. Земля холодна, неродима, своего хлеба мужику разве до масленой хватит, и то в урожайный год. Как ни бейся на надельной полосе, сколько страды над ней ни принимай, круглый год трудовым хлебом себя не прокормишь. Такова сторона!

Другой на месте заволжанина давно бы с голода помер, но он не лежебок, человек досужий. Чего земля не

дала, уменьем за дело взаться берет. Не побрел заволжский мужик на заработки в чужу-дальнюю сторону, как сосед его вязниковец, что с пуговками, с тесемочками и другим товаром кустарного промысла шагает на край света семье хлеб добывать. Не побрел заволжанин по белу свету плотничать, как другой сосед его галка (Крестьяне Галицкого и других уездов Костромской губернии.). Нет. И дома сумел он приняться за выгодный промысел. Вареги зачал вязать, поярок валять, шляпы да сапоги из него делать, шапки шить, топоры да гвозди ковать, весовые коромысла чуть не на всю Россию делать. А коромысла-то какие! Хоть в аптеку бери — сделано верно.

Леса заволжанина кормят. Ложки, плошки, чашки, блюда заволжанин точит да красит; гребни, донца, веретена и другой щепной товар работает, ведра, ушаты, кадки, лопаты, коробья, весла, лейки, ковши — все, что из лесу можно добыть, рук его не минует. И смолу с дегтем сидит, а заплотив попенные, рубит лес в казенных дачах и сгоняет по Волге до Астрахани бревна, брусья, шесты, дрючки, слег и всякий другой лесной товар.

Волга под боком, но заволжанин в бурлаки не хаживал.

Последнее дело в бурлаки идти! По Заволжью так думают: «Честней под оконьем Христовым именем кормиться, чем бурлацкую лямку тянуть». И правда.

Живет заволжанин хоть в труде, да в достатке. Сысстари за Волгой мужики в сапогах, бабы в котях. Лаптей видом не видано, хоть слыхом про них и слыхано. Лесу вдоволь, лыко нипочем, а в редком доме кочедык найдешь. Разве где такой дедушка есть, что с печки уж лет пяток не слезает, так он, скуки ради, лапотки иной раз ковыряет, нищей братье подать, либо самому обуться, как станут его в домовину обряжать. Таков обычай: летом в сапогах, зимой в валенках, на тот свет в лапотках...

Заволжанин без горячего спать не ложится, по воскресным дням хлебает мясное, изба у него пятистенная,

печь с трубой; о черных избах да соломенных крышах он только слышал, что есть такие где-то на «Горах» («Горами» зовут правую сторону Волги.).

А чистота какая в заволжских домах!.. Славят немцев за чистоту, русского корят за грязь и неряшество. Побывать бы за Волгой тем славильщикам, не то бы сказали. Кто знаком только с нашими степными да черноземными деревнями, в голову тому не придет, как чисто, опрятно живут заволжане.

Волга рукой подать. Что мужик в неделю наработает, тотчас на пристань везет, а поленился — на соседний базар. Больших барышей ему не нажить; и за Волгой не всяк в «тысячники» вылезет, зато, как ни плоха работа, как работников в семье ни мало, заволжанин век свой сыт, одет, обут, и податные за ним не стоят. Чего ж еще?.. И за то слава те, господи!.. Не всем же в золоте ходить, в руках серебро носить, хоть и каждому русскому человеку такую судьбу мамки да няньки напевают, когда еще он в колыбели лежит.

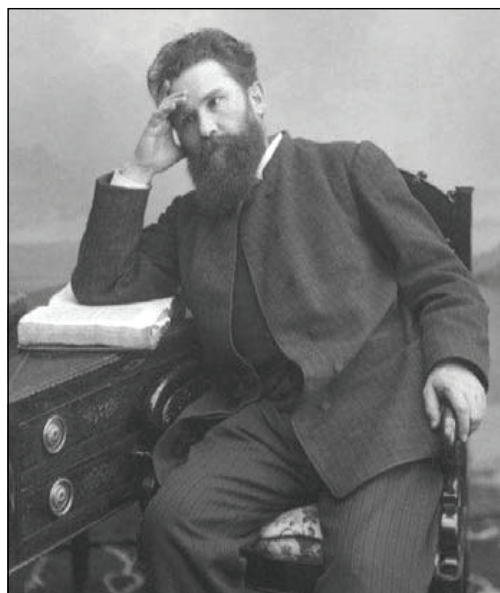

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой показана природа в приведенных выше фрагментах?
2. Охарактеризуйте жизнь «заволжан».
3. Докажите, что в диалогию входит мир преданий и легенд. Представлена ли поэтической легенда о граде Китеже?
4. Можно ли утверждать, что в диалогию входит очерковый элемент? Обоснуйте свою точку зрения.
5. Выявите особенности художественной речи писателя.

ВЛАДИМИР
ГАЛАКТИОНОВИЧ
КОРОЛЕНКО
(1853—1921)

В книге «Короленко в кругу друзей» К. И. Чуковский представил писателя как энергичного, сосредоточенного на своем деле человека: «...этот коренастый, кудрявый, седобородый человек в люстриновом потертом пиджачке, торопливо шагающий с набитым портфелем, ... есть знаменитый писатель, имя которого с давнего времени окружено величайшим почетом».

Целые дни он работал, во время вечернего чаепития, в кругу самых близких друзей, Короленко был особенно ожив-

лен, разговорчив и рассказывал самые интересные вещи. Чаепитие продолжалось часа два или три, и, когда он бывал в ударе, его голос звучал неумолчно, он становился благодушен и радостен... К. И. Чуковский отмечает, что «у Владимира Галактионовича была особая манера разговаривать: всякая его беседа с другими людьми сводилась к сюжетному повествованию, к рассказу. Правда, он не завладевал разговором, как это свойственно многим даровитым рассказчикам. Напротив, он склонен был терпеливо и долго слушать рассказы других... и давая своим собеседникам полную волю говорить, что им вздумается, а сам вставлял только редкие реплики. Но чуть только собеседники его умолкали, он принимался рассказывать им. Вообще, его разговор почти никогда не дробился на мелкие вопросы и ответы. Любимая форма речи была у него именно рассказ, просторный, свободный, богатый людьми, приключениями».

В. Г. Короленко в Нижегородской губернии

После окончания ссылки Короленко, которому было запрещено жить в Москве и Петербурге, обосновался в Нижнем Новгороде. Древний город на Волге (с января 1885 по январь 1896 г.) дал ему самую плодотворную пору в его творческой жизни. Здесь был создан основной корпус его беллетристических произведений, очерков и очерковых циклов, рассказов, повестей. <...>

«Павловские очерки» (1890) — результат нескольких посещений писателем села кустарей Павлово, расположенного недалеко от Нижнего Новгорода над Окой. Они насыщены конкретными фактами, являются результатом тщательного изучения автором жизни кустарного села, попыткой понять противоречия, встречающиеся на каждом шагу, тяжелейшие условия существования кустарей на грани голода и вымирания, уловить путь, по которому пойдет развитие «города мастеров». <...>

«В пустынных местах» — это уже классический очерковый путевой цикл, отразивший поездку Короленко с 5 по 15 июля 1890 г. : сначала по реке Ветлуге, затем пешим путем к озеру Светлояр и по Керженцу к Волге на лодке. <...>

Первая половина очерков, начиная со «Светлояра» (глава 2), все более устремляет читательский интерес к отживающей старине раскольничьего быта. Только главы 3 и 4 нарушают этот сумрачный колорит историей любящей человеческой души и просветленного страдания (потеряв сына, женщина завоевывает себе новое чувство материнства сердечной привязанностью к чужому ребенку, самоотверженной борьбой за жизнь. «Приемыш» имел громадный успех уже при жизни автора и несколько раз переиздавался отдельным фрагментом-новеллой). Автор в результате своих наблюдений приводит к выводу о том, что старообрядчество стоит перед печальным исходом: «Умирает исконная, старая Русь... Русь древнего благочестия, Русь потемневших ликов, Русь старых неправильных книг, Русь скитов и пустынного жития, Русь старой буквы и старого обряда, полная отращения к новшествам и басурманской науке... Теперь на умирает тихую смертью, под широким веянием иного духа... Гонения она выдержала. Не может выдержать равнодушия». <...>

«Я беллетрист только наполовину», — говорил Короленко. Дело в том, что львиная доля времени и сил была отдана им публицистике. Она давала ему возможность вмешаться прямо, энергично, с практическими целями в те области жизни, которые требовали внимания общества к себе. Задача публицистики, по мнению Короленко, заключается в том, чтобы «стоять на страже законного порядка повсюду». В статье «Текущая жизнь», опубликованной во второй книжке журнала «Русская мысль» за 1893 г., он дал определение этой задачи как «предупредительной, нравственно-санитарной». <...>

Он был инициатором нашумевшей истории с нижегородским дворянским банком, которая вызвала большой резо-

нанс: доказал с фактами в руках тайное воровство, злоупотребления и взаимное укрывательство. Назначенной, наконец, ревизией в банке открылись громадные хищения. Несколько его директоров попали под суд, а сам банк был изъят из рук нижегородского дворянства и перешел в казну. Корреспонденции Короленко были выпущены отдельной брошюрой «В нижегородском дворянском банке» и значительно продвинули вперед самосознание общество, основательно поколебав «устой дворянства». <...>

В 1892 г. сначала в газете «Русские ведомости», а затем в журнале «Русское богатство» стали появляться его очерки о голоде в деревнях Нижегородской губернии. Он вновь воспользовался пером журналиста как «средством общественного воздействия». Материальная помощь на устройство столовых для голодающих, чем он занимался, стекалась к нему не только из русских, но и зарубежных частных источников, но ее катастрофически не хватало, так как государство открыто демонстрировало антинародную, «мужиконенавистническую» политику, и крестьянство погибало от голода «на лучших землях». Обличительный резонанс и общественная значимость очерков были исключительно велики: с картинами вымирающей русской деревни и с практическими предложениями противостоять этой страшной беде с Короленко мог соперничать только Лев Толстой с его статьями о голоде, а в организации столовых для голодающих крестьян — Чехов, зимой оказавшийся в «глубинке» Нижегородской губернии, используя собранные им с этой целью частные пожертвования.

Здесь же, в Нижнем Новгороде, Короленко начал распутывать тайну так называемого «мултанского дела»: попытку царского суда обвинить целую народность (удмуртов) в человеческих жертвоприношениях, — и доказал абсурдность этих наветов (имеющих цель столкнуть разные народы между собой) и невиновность людей, дважды (!) осужденных перед тем на каторгу. На последнем суде в мае 1896 г. Короленко выступил в качестве одного из защитников, речь

его произвела потрясающее впечатление, люди плакали, слушая его. Несмотря на все попытки судебного ведомства усилить обвинение: пытки, подкупы, лжесвидетельства, подбор присяжных заседателей, отказ о вызове свидетелей и т. п., — был вынесен оправдательный приговор. В серии статей «Мултанское жертвоприношение» перед читателями развернулась драма забитой, темной деревни, воплотившаяся, как в символе, в растерзанном мертвом теле крестьянина-нищего, брошенном на непроезжей тропе, с отсеченной головой, вынутым сердцем и легкими. Эта корреспондентская работа, начатая в Нижнем Новгороде, а законченная, когда он был жителем Петербурга, стоила писателю, по собственному признанию, несколько лет жизни.

*Н. М. Фортунатов. В. Г. Короленко //
История русской литературы
XIX века, 2012*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Покажите интерес В. Г. Короленко-очеркиста к Нижегородскому краю. В статье приведен фрагмент из очеркового путевого цикла «В пустынных местах». Какие средства языка делают его эмоциональным?
2. На основе прочитанного текста сформулируйте социально-нравственную позицию В. Г. Короленко-публициста. Для подтверждения своих формулировок используйте следующий фрагмент из статьи В. Г. Короленко «Текущая жизнь», опубликованной в 1993 году в журнале «Русская мысль».

Печать преследует «возможности», исправляет условия, способствующие зарождению, благоприятствующие развитию микробов хищения. А эти условия — халатность, домашность, кумовство, смешение своего кармана с общественным, наконец, отсутствие ответственности и контроля. Вот почему истинная роль прессы — преследовать не столько самое хищение, сколько эту бесконтрольность и халатность.

3. В каких поступках писателя и публициста проявилась его социально-нравственная позиция?
4. Какие качества помогали В. Г. Короленко добиваться своих целей в решении острых социальных проблем?
5. Покажите на примере приведенного ниже фрагмента статьи из цикла «Мултанское жертвоприношение» аналитический подход В. Г. Короленко к осмысливаемой им проблеме.

Мне кажется, что здесь есть крупное смешение понятий. Да, суеверия очень сильны, — и убийство ведьмы произошло еще лет пятнадцать-двадцать назад даже в бельгийской деревне. Что же? Вы не удивитесь поэтому, если бы в бельгийской деревне было доказано существование каннибальского культа? В наши деревни летают огненные змеи... Слыхали ли вы, однако, чтобы целое общество, хотя бы подлиповцев, решило на общественном сходе принести огненному змею торжественную каннибальскую жертву? У нас приколачивают колдунов осиновыми колами! Значит ли это, что наша культура равна культуре антропофагов и каннибалов?

Нет, не значит. Оставим формальную принадлежность к той или другой религии, оставим также и церковно-приходскую или иную школу. Я полагаю, что даже между полным язычником, живущим общею жизнью с земледельческим христианским населением, и язычником-каннибалом — расстояние огромное. Язычник, ограничивающийся принесением в жертву гуся, и язычник-каннибал — это представители двух совершенно различных антропологических или, по крайней мере, культурных напластований, отделенных целыми столетиями. <...>

Далее, я полагаю, что между язычником, сохранившим где-нибудь в глубине лесов в пустынной тундре всю чистоту своего языческого культа, и язычником-земледельцем, вкрапленным в течение столетий в самую среду рус-

ского народа, опять должна быть значительная разница. Дело тут даже не в культурной миссии официальных миссионеров, а в простом вековом близком общении на почве общего труда и общих интересов с земледельческим и христианским народом.

6. Прочитайте два очерка из сборника «Павловские очерки», которые называются «Человек, соблюдающий свое звание» и «Человек, который срамит свое звание», а также рассказ «Река играет». Назовите, какие черты русского национального характера выделяет В. Г. Короленко, описывая жителей Нижегородского края.

Две встречи М. Горького с В. Г. Короленко

Прочитайте фрагменты из очерка А. М. Горького «Время Короленко» (1922).

Однажды в тяжелый день, я решил, наконец, показать мою поэму В. Г. Короленко. Трое суток играла снежная буря, улицы были загромождены сугробами, крыши домов — в пышных шапках снега, скворешни — в серебряных чепчиках, стекла окон затянуты кружевами, а в белесом небе сияло, ослепляя, жгуче холодное солнце.

Владимир Галактионович жил на окраине города во втором этаже деревянного дома. На панели, перед крыльцом, умело работал широкой лопатой коренастый человек в меховой шапке странной формы, с наушниками, в коротком, — по колени — плохо сшитом тулупчике, в тяжелых вятских валенках.

Я полез сквозь сугроб на крыльцо.

— Вам кого?

— Короленко.

— Это я.

Из густой, курчавой бороды, богато украшенной инеем, на меня смотрели карие хорошие глаза. Я не узнал его; встре-

тив на улице, я не видел его лица. Опираясь на лопату, он молча выслушал мои объяснения, причины визита, потом прищурился, вспоминая.

— Знакомая фамилия. Это не о вас ли писал мне, года два тому назад, некто Ромась, Михайло Антонов? Так!

Входя на лестницу, он спросил:

— Не холодно вам? Очень легко одеты.

И — не громко, как будто беседуя сам с собою:

— Упрямый мужик Ромась! Умный хохол. Где он теперь? В Вятке? Ага...

В маленькой, угловой комнатке, окнами в сад, тесно заставленной двумя рабочими конторками, шкафами книг и тремя стульями, он, отирая платком мокрую бороду и перелистывая мою толстую рукопись, говорил:

— Почитаем! Станный у вас почерк, с виду — простой, четкий, а читается трудно.

Рукопись лежала на коленях у него, он искоса поглядывал на ее страницы, на меня — мне было неловко.

— Тут у вас написано — зизгаг, это... очевидно, описка, такого слова нет, есть — зигзаг...

Маленькая пауза перед словом «описка» дала мне понять, что В. Г. Короленко — человек, умеющий щадить самолюбие ближнего.

— Ромась писал мне, что мужики пытались порохом взорвать его, а потом подожгли, — да? Вы жили с ним в это время?

Он говорил и перелистывал рукопись.

— Иностранные слова надо употреблять только в случаях совершенной неизбежности, вообще же лучше избегать их. Русский язык достаточно богат, он обладает всеми средствами для выражения самых тонких ощущений и оттенков мысли.

Это он говорил, между прочим, все расспрашивая о Ромасе, о деревне.

— Какое суровое лицо у вас! — неожиданно сказал он и, улыбаясь, спросил: — Трудно живется?

Его мягкая речь значительно отличалась от грубоватого окающего волжского говора, но я видел в нем странное сходство с волжским лоцманом, оно было не только в его плотной, широкогрудой фигуре и зорком взгляде умных глаз, но и в благодушном спокойствии, которое так свойственно людям, наблюдающим жизнь, как движение по извилистому руслу реки среди скрытых мелей и камней.

— Вы часто допускаете грубые слова, — должно быть, потому, что они кажутся вам сильными? Это — бывает.

Я сказал, что — знаю: грубость свойственна мне, но у меня не было ни времени обогатить себя мягкими словами и чувствами, ни места, где бы я мог сделать это.

Внимательно взглянув на меня, он продолжал ласково:

— Вы пишете: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться. Раз это так»... Раз — так, не годится. Это — неловкий, некрасивый оборот речи. Раз так, раз этак, вы слышите?

Я впервые слышал все это и хорошо чувствовал правду его замечаний.

Далее оказалось, что в моей поэме кто-то сидит «орлом» на развалинах храма.

— Место мало подходящее для такой позы и она не столько величественна, как неприлична, — сказал Короленко улыбаясь. Вот он нашел еще «описку», еще и еще. Я был раздавлен обилием их и, должно быть, покраснел, как раскаленный уголь. Заметив мое состояние, Короленко, смеясь, рассказал мне о каких-то ошибках Глеба Успенского; это было великодушно, а я уже ничего не слушал и не понимал, желая только одного — бежать от срама... Известно, что литераторы и актеры самолюбивы, как пуделя.

Я ушел и несколько дней прожил в мрачном угнетении духа.

<...>

В. Г., смеясь, выслушал мой рассказ, помолчал, посмотрел на реку, прищурил глаза и негромко, дружески заговорил:

— Не спешите выбрать верования, я говорю — выбрать,

потому что мне кажется теперь их не вырабатывают, а именно — выбирают. Вот быстро входит в моду материализм, соблазняя своей простотой... Он особенно привлекает тех, кому лень самостоятельно думать. Его охотно принимают франты, которым нравится все новое, хотя бы оно и не отвечало их натурам, вкусам, стремлениям...

Он говорил задумчиво, точно беседуя сам с собою, порою прерывал речь и слушал, как где-то внизу, на берегу, фыркает пароотводная трубка, гудят сигналы на реке.

Говорил он о том, что всякая разумная попытка объяснить явления жизни заслуживает внимания и уважения, но следует помнить, что «жизнь слагается из бесчисленных, странно спутанных кривых» и что «крайне трудно заключить ее в квадраты логических построений».

— Трудно привести даже в относительный порядок эти кривые, взаимно пересекающиеся линии человеческих действий и отношений, — сказал он, вздохнув и махая шляпой в лицо себе.

Мне нравилась простота его речи и мягкий вдумчивый тон. Но — по существу, все, что он говорил о марксизме, было уже — в других словах знакомо мне. Когда он прервал речь, я торопливо спросил его: почему он такой ровный, спокойный?

Он надел шляпу, взглянул в лицо мне и, улыбаясь, ответил:

— Я знаю, что мне нужно делать, и убежден в полезности того, что делаю. А — почему вы спросили об этом?

Тогда я начал рассказывать ему о моих недоумениях и тревогах. Он отодвинулся от меня, наклонился — так ему было удобнее смотреть в лицо мне и молча внимательно слушал.

Потом тихо сказал:

— В этом не мало верного. Вы наблюдаете хорошо.

И — усмехнулся, положив руку на плечо мне.

— Не ожидал, что вас волнуют эти вопросы. Мне гово-

рили о вас, как о человеке иного характера... веселом, грубоватом и враждебном интеллигенции...

И, как-то особенно крепко, он стал говорить об интеллигенции: она всегда и везде была оторвана от народа, но это потому, что она идет впереди, таково ее историческое значение.

— Это — дрожжи всякого народного брожения и первый камень в фундаменте каждого нового строительства. Сократ, Джордано Бруно, Галилей, Робеспьер, наши декабристы, Перовская и Желябов, все, кто сейчас голодают в ссылке, с теми, кто в эту ночь сидит за книгой, готовя себя к борьбе за справедливость, — а прежде всего, конечно, в тюрьму, — все это — самая живая сила жизни, самое чуткое и острое орудие ее.

Он взволнованно поднялся на ноги и, шагая перед скамьей взад и вперед, продолжал:

— Человечество начало творить свою историю с того дня, когда появился первый интеллигент; миф о Прометее — это рассказ о человеке, который нашел способ добывать огонь и этим сразу отделил людей от зверей. Вы правильно заметили недостатки интеллигенции, книжность, отрыв от жизни, — но еще вопрос: недостатки ли это? Иногда, для того чтобы хорошо видеть, необходимо именно отойти, а не приблизиться. — А главное, что я вам дружески советую, считая себя более опытным, чем вы, — обращайтесь больше внимания на достоинства. Подсчет недостатков увлекают всех нас, — это очень простое и не безвыгодное дело для каждого. Но Вольтер, несмотря на его гениальность, был плохой человек, — однако он сделал великое дело — выступил защитником несправедливо осужденного. Я не говорю о том, сколько мрачных предрассудков разрушено им, но вот эта его упрямая защита безнадежного, казалось, дела, это великий подвиг. Он понимал, что человек прежде всего должен быть гуманным человеком. Необходима — справедливость. Когда она, накапливаясь понемногу маленькими искорками, об-

разует большой огонь, он сожжет всю ложь и грязь земли, и только тогда жизнь изменит свои тяжелые, печальные формы. Упрямо, не щадя себя, никого и ничего не щадя — вносите в жизнь справедливость, — вот как я думаю.

Он, видимо, устал, — он говорил очень долго, — сел на скамью, но, взглянув в небо, сказал:

— А ведь уже поздно или — рано, — светло! И, кажется, будет дождь. Пора домой!

Я жил в двух шагах, он — версты за две. Я вызвался проводить его, и мы пошли по улицам сонного города, под небом в темных тучах.

— Что же, пишете вы?

— Нет.

— Почему?

— Времени не имею...

— Жаль и напрасно. Если б вы хотели, время нашлось бы. Я серьезно думаю — кажется, у вас есть способности... Плохо вы настроены, сударь...

Он стал рассказывать о непоседливом Глебе Успенском, но — вдруг хлынул обильный летний дождь, покрыв город серой сетью. Мы постояли под воротами несколько минут и, видя, что дождь надолго, — разошлись...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Поделитесь с одноклассниками первыми впечатлениями, вызванными чтением очерка М. Горького.
2. Сопоставьте эпизоды двух встреч молодого Максима Горького с В. Г. Короленко. Согласны ли вы с рассуждениями В. Г. Короленко об интеллигенции?
3. На какие особенности речи В. Г. Короленко указывает автор очерка? Как эти особенности характеризуют писателя и общественного деятеля?
4. Сделайте вывод о человеческих качествах В. Г. Короленко, раскрывшихся в очерке А. М. Горького. Противоречат ли ваши выводы содержанию главы «В. Г. Короленко в Нижегородской губернии»?

Художественная проза

Лес шумит

Полесская легенда

Мелодия лесного шума, которой проникнут весь рассказ, впервые поразила Короленко в годы его раннего детства. В «Истории моего современника» он передает воспоминание о своей первой прогулке в сосновом бору в раннем детстве: «Здесь меня положительно заворожил протяжный шум лесных верхушек, ия остановился как вкопанный на дорожке... Я, кажется, чувствовал, что «один в лесу» — это, в сущности, страшно, но, как заколдованный, не мог ни двинуться, ни произнести звука, и только слушал то тихий свист, то звон, то смутный говор и вздохи леса, сливавшиеся в протяжную, глубокую, нескончаемую и осмысленную гармонию, в которой улавливались одновременно и общий гул, и отдельные голоса живых гигантов, и колыхания, и тихие поскрипывания красных стволов... Все это как бы проникало в меня захватывающей могучей волной... Я переставал чувствовать себя отдельно от этого моря жизни, и это было так сильно, что когда меня хватились и брат матери вернулся за мной, то я стоял на том же месте и не откликался... Впоследствии эта минута часто вставала в моей душе, особенно в часы усталости, как первообраз глубокого, но живого покоя...»

Прочитайте первую главу рассказа.

Лес шумел...

В этом лесу всегда стоял шум — ровный, протяжный, как отголосок дальнего звона, спокойный и смутный, как тихая песня без слов, как неясное воспоминание о прошедшем. В нем всегда стоял шум, потому что это был старый, дремучий бор, которого не касались еще пила и топор лесного барышника. Высокие столетние сосны с красными могучими стволами стояли хмурою ратью, плотно сомкнувшись вверху зелеными вершинами. Внизу

было тихо, пахло смолой; сквозь полог сосновых иголок, которыми была усыпана почва, пробились яркие папоротники, пышно раскинувшиеся причудливою бахромой и стоявшие недвижимо, не шелохнув листом. В сырых уголках тянулись высокими стеблями зеленые травы; белая кашка склонялась отяжелевшими головками, как будто в тихой истоме. А вверху, без конца и перерыва, тянул лесной шум, точно смутные вздохи старого бора.

Но теперь эти вздохи становились все глубже, сильнее. Я ехал лесною тропой, и, хотя неба мне не было видно, но по тому, как хмурился лес, я чувствовал, что над ним тихо подымается тяжелая туча. Время было не раннее. Между стволов кое-где пробивался еще косой луч заката, но в чащах расплзались уже мгlistые сумерки. К вечеру собиралась гроза.

На сегодня нужно было уже отложить всякую мысль об охоте; впору было только добраться перед грозой до ночлега. Мой конь постукивал копытом в обнажившиеся корни, храпел и настораживал уши, прислушиваясь к гулко щелкающему лесному эхо. Он сам прибавлял шаг к знакомой лесной сторожке.

Залаяла собака. Между поредевшими стволами мелькают мазаные стены. Синяя струйка дыма вьется под нависшею зеленью; покосившаяся изба с лохматою крышей приютилась под стеной красных стволов; она как будто врастает в землю, между тем как стройные и гордые сосны высоко покачивают над ней своими головами. Посредине поляны, плотно примкнувшись друг к другу, стоит кучка молодых дубов.

Здесь живут обычные спутники моих охотничьих экскурсий — лесники Захар и Максим. Но теперь, по-видимому, обоих нет дома, так как никто не выходит на лай громадной овчарки. Только старый дед, с лысою головою и седыми усами, сидит на завалинке и ковыряет лапоть. Усы у деда болтаются чуть не до пояса, глаза гля-

дят тускло, точно дед все вспоминает что-то и не может припомнить.

— Здравствуй, дед! Есть кто-нибудь дома?

— Эге! — мотает дед головой. — Нет ни Захара, ни Максима, да и Мотря побрела в лес за коровой... Корова куда-то ушла, — пожалуй, медведи... задрали... Вот оно как, нет никого!

— Ну, ничего. Я с тобой посижу, обожду.

— Обожди, обожди, — кивает дед, и, пока я подвязываю лошадь к ветви дуба, он всматривается в меня слабыми и мутными глазами. Плох уж старый дед: глаза не видят и руки трясутся.

— А кто ж ты такой, хлопче? — спрашивает он, когда я подсаживаюсь на завалинке.

Этот вопрос я слышу в каждое свое посещение.

— Эге, знаю теперь, знаю, — говорит старик, принимаясь опять за лапоть. — Вот старая голова, как решето, ничего не держит. Тех, что давно умерли, помню, — ой, хорошо помню! А новых людей все забываю... Зажился на свете.

— А давно ли ты, дед, живешь в этом лесу? — Эге, давненько! Француз приходил в царскую землю, я уже был.

— Много же ты на своем веку видел. Чай, есть чего рассказать.

Дед смотрит на меня с удивлением.

— А что же мне видеть, хлопче? Лес видел... Шумит лес, шумит и днем, и ночью, зимою шумит и летом... И я, как та деревина, век прожил в лесу и не заметил... Вот и в могилу пора, а подумаю иной раз, хлопче, то и сам смекнуть не могу: жил я на свете или нет... Эге, вот как! Может, и вовсе не жил...

Край темной тучи выдвинулся из-за густых вершин над лесною поляной; ветви замыкавших поляну сосен закачались под дуновением ветра, и лесной шум пронесся глубоким усилившимся аккордом. Дед поднял голову и прислушался.

— Буря идет, — сказал он через минуту. — Это вот я знаю. Ой-ой, заревет ночью буря, сосны будет ломать, с корнем выворачивать станет!.. Заиграет лесной хозяин... — добавил он тише.

— Почему же ты знаешь, дед?

— Эге, это я знаю! Хорошо знаю, как дерево говорит... Дерево, хлопче, тоже боится... Вот осина, проклятое дерево, все что-то лопочет, — и ветру нет, а она трясется. Сосна на бору в ясный день играет-звенит, а чуть подыметесь ветер, она загудит и застонет. Это еще ничего... А ты вот слушай теперь. Я хоть глазами плохо вижу, а ухом слышу: дуб зашумел, ду?ба уже трогает на поляне... Это к буре.

Действительно, кучка невысоких коряжистых дубов, стоявших посредине поляны и защищенных высокою стеною бора, помахивала крепкими ветвями, и от них неслась глухой шум, легко отличаемый от гулко-го звона сосен.

— Эге! слышишь ли, хлопче? — говорит дед с детски-лукавою улыбкой. — Я уже знаю: тронуло этак вот дуба, значит *хозяин* ночью пойдет, ломать будет... Да нет, не ломает! Дуб — дерево крепкое, не под силу даже хозяину... вот как!

— Какой же хозяин, деду? Сам же ты говоришь: буря ломает.

Дед закивал головой с лукавым видом.

— Эге, я ж это знаю!.. Нынче говорят, такие люди пошли, что уже ничему и не верят. Вот оно как! А я же его видел, вот как тебя теперь, а то еще лучше, потому что теперь у меня глаза старые, а тогда были молодые. Ой-ой, как еще видели мои глаза смолоду!..

— Как же ты его видел, деду, скажи-ка?

— А вот, все равно, как и теперь: сначала сосна застонет на бору... То звенит, а то стонать начнет: о?-ох-хо-о?... о?-хо-о?! — и затихнет, а потом опять, потом опять, да чаще, да жалостнее. Эге, потому что много ее повалит хозяин ночью. А потом дуб заговорит. А к вечеру все

больше, а ночью и пойдет крутить: бегают по лесу, смеются и плачет, вертится, пляшет и все на дуба? налегает, все хочется вырвать... А я раз осенью и посмотрел в оконце: вот *ему* это и не по сердцу: подбежал к окну, тар-рах в него сосновою корягой; чуть мне все лицо не искалечил, чтоб ему было пусто; да я не дурак — отскочил. Эге, хлопче, вот он какой сердитый!..

— А каков же он с виду?

— А с виду он все равно, как старая верба, что стоит на болоте. Очень похож!.. И волосы — как сухая омела, что вырастает на деревьях, и борода тоже, а нос — как здоровенный сук, а морда корявая, точно поросла лишаями... Тьфу, какой некрасивый! Не дай же бог ни одному крещеному на него походить... Ей-богу! Я таки в другой раз на болоте его видел, близко... А хочешь, приходи зимой, так и сам увидишь *его*. Взойди туда, на гору, — лесом та гора поросла, — и полезай на самое высокое дерево, на верхушку. Вот оттуда иной день и можно его увидеть: идет он белым столбом поперек лесу, так и вертится сам, с горы в долину спускается... Побежит, побежит, а потом в лесу и пропадет. Эге!.. А где пройдет, там след белым снегом устилает... Не веришь старому человеку, так когда-нибудь сам посмотри.

Разболтался старик. Казалось, оживленный и тревожный говор леса и нависшая в воздухе гроза возбуждали старую кровь. Дед кивал головой, усмехался, моргал выцветшими глазами.

Но вдруг будто какая-то тень пробежала по высокому, изборожденному морщинами лбу. Он толкнул меня локтем и сказал с таинственным видом:

— А знаешь, хлопче, что я тебе скажу?.. Он, конечно, лесной хозяин — мерзенная тварюка, это правда. Крещеному человеку обидно увидеть такую некрасивую харю... Ну, только надо о нем правду сказать: он зла не делает... Пошутить с человеком пошутит, а чтоб лихо делать, этого не бывает.

— Да как же, дед, ты сам говорил, что он тебя хотел ударить корягой?

— Эге, хотел-таки! Так то ж он рассердился, зачем я в окно на него смотрю, вот оно что! А если в его дела носа не совать, так и он такому человеку никакой пакости не сделает. Вот он какой, лесовик!.. А знаешь, в лесу от людей страшнее дела бывали... Эге, ей-богу!

Дед наклонил голову и с минуту сидел в молчании. Потом, когда он посмотрел на меня, в его глазах, сквозь застлавшую их тусклую оболочку, блеснула как будто искорка проснувшейся памяти.

— Вот я тебе расскажу, хлопче, лесную нашу бывальщину. Было тут раз, на самом этом месте, давно... Помню я... ровно сон, а как зашумит лес погромче, то и все вспоминаю... Хочешь, расскажу тебе, а?

— Хочу, хочу, деду! Рассказывай!

— Так и расскажу же, эге! Слушай вот!

1886

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как воспринимает природу повествователь, который едет лесной тропой?
2. Докажите, что у старого деда мифологическое сознание. Сопоставьте описание «лесного хозяина», приведенное в отрывке, с описанием, представленным в балладе Иоганна Вольфганга фон Гете «Лесной царь» в переводе В. А. Жуковского.

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?

Ездок запоздалый, с ним сын молодой.

К отцу, весь издрогнув, малютка приник;

Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?» —

«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:

Он в темной короне, с густой бородой». —

«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит». —
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей». —
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой». —
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

3. В тексте рассказа автор словами изобразил звуки леса, сопоставьте словесную картину с музыкальной, созданной Францем Шубертом (интерпретация баллады Гете).

Парадокс

Очерк

Рассказ написан в 1894 году, по-видимому, в течение одного дня. В записной книжке Короленко под 11 апреля этого года записано: «Написал рассказ». Та же дата поставлена в

конце черновой рукописи рассказа. Рукопись написана почти без помарок. «Парадокс» впервые появился в печати в том же году в майской книжке журнала «Русское богатство».

В сентябре 1894 года Короленко писал сестре своей жены, П. С. Ивановской: «Вы меня немного пожурили за знак вопроса в "Парадоксе". В отдельном издании — выскажу свою мысль яснее, а пока Вам лично скажу, что этот рассказ явился для меня самого неожиданным результатом всего, что пришлось пережить в последнее время. Я вообще человек не унылый и не пессимист. Но смерть моей Лели (маленькой дочери Короленко, умершей во время его путешествия в Америку, в 1893 году) так меня пришибла, что я никогда, в самые тяжелые минуты моей жизни, не чувствовал себя до такой степени изломанным, разбитым и ничтожным. Жизнь вообще, в самых мелких и самых крупных своих явлениях, кажется мне проявлением общего великого закона, главные основные черты которого — добро и счастье. А если нет счастья? Ну что ж, исключение не опровергает правила. Нет своего — есть чужое, а все-таки общий закон жизни есть стремление к счастью и все более широкое его осуществление. Только это я и пытался сказать своим парадоксом, но собственная моя душа в это время была еще так же изломана, как мой несчастный философ. И потому эта, сама по себе простая и не пессимистическая мысль оказалась как-то произвольно с такими пессимистическими придатками, что в общем выводе рождает недоумение и вопрос. Повторяю, — впоследствии я скажу все это яснее, и впечатление, думаю, выйдет более цельным».

Но существенной переработке при повторных изданиях «Парадокс» не подвергался, изменено было только окончание рассказа. Первоначально он заканчивался так: «И много раз еще мы сидели над этой бадьей и путешествовали в старом кузове, и много раз впоследствии случалось нам предаваться таким же неумным занятиям в течение жизни и чувствовать себя такими же дураками, как в ту минуту, когда Петр застал нас с удочками на заборе. И не раз мне каза-

лось, что за плечами у меня вырастают крылья, а потом я чувствовал себя беспомощным, разбитым и бессильным, как червяк, раздавленный в дорожной пыли. Бывали безумные удачи и постыдные поражения, сердце не раз трепетало от восторга и сжималось смертельной тоской, мир раскрывался навстречу моим надеждам и замыкался четырьмя стенами душной тюрьмы... Но никогда с тех пор я не забывал странного афоризма, написанного ногами парадоксального счастливецца, которого голос и до сих пор упрямо звучит в памяти с такою же ясностью, как и в первую минуту.

— Человек создан для счастья, как птица для полета...».

*С. Л. Короленко
и Н. В. Короленко-Ляхович*

I

Для чего собственно создан человек, об этом мы с братом получили некоторое понятие довольно рано. Мне, если не ошибаюсь, было лет десять, брату около восьми. Сведение это было преподано нам в виде краткого афоризма, или, по обстоятельствам, его сопровождавшим, скорее парадокса. Итак, кроме назначения жизни, мы одновременно обогатили свой лексикон этими двумя греческими словами.

Было это приблизительно около полудня знойного и тихого июньского дня. В глубоком молчании сидели мы с братом на заборе под тенью густого серебристого тополя и держали в руках удочки, крючки которых были опущены в огромную бадью с загнившей водой. О назначении жизни, в то время, мы не имели еще даже отдаленного понятия, и, вероятно, по этой причине, вот уже около недели любимым нашим занятием было — сидеть на заборе, над бадьей, с опущенными в нее крючками из простых медных булавок и ждать, что вот-вот, по особой к нам милости судьбы, в этой бадье и на эти удочки клюнет у нас «настоящая», живая рыба.

Правда, уголок двора, где помещалась эта волшебная

бадья, и сам по себе, даже и без живой рыбы, представлял много привлекательного и заманчивого. Среди садов, огородов, сараев, двориков, домов и флигелей, составлявших совокупность близко известного нам места, этот уголок вырезался как-то так удобно, что никому и ни на что не был нужен; поэтому мы чувствовали себя полными его обладателями, и никто не нарушал здесь нашего одиночества.

Середину этого пространства, ограниченного с двух сторон палисадником и деревьями сада, а с двух других пустыми стенами сараев, оставлявшими узкий проход, занимала большая мусорная куча. Стоптаный лапоть, кем-то перекинутый через крышу сарая, изломанное топориче, побелевший кожаный башмак с отогнувшимся кверху каблуком и безличная масса каких-то истлевших предметов, потерявших уже всякую индивидуальность, — нашли в тихом углу вечный покой после более или менее бурной жизни за его пределами... На вершине мусорной кучи валялся старый-престарый кузов какого-то фантастического экипажа, каких давно уже не бывало в действительности, то есть в каретниках, на дворах и на улицах. Это был какой-то призрачный обломок минувших времен, попавший сюда, быть может, еще до постройки окружающих зданий и теперь лежавший на боку с приподнятой кверху осью, точно рука без кисти, которую калека показывает на паперти, чтобы разжалобить добрых людей. На единственной половинке единственной дверки сохранились еще остатки красок какого-то герба, и единственная рука, закованная в стальные нарамники и державшая меч, высывалась непонятным образом из тусклого пятна, в котором чуть рисовалось подобие короны. Остальное все распалось, растрескалось, облупилось и облезло в такой степени, что уже не ставило воображению никаких прочных преград; вероятно, поэтому старый скелет легко принимал в наших глазах все формы, всю роскошь и все великолепие настоящей золотой кареты.

Когда нам приедались впечатления реальной жизни на больших дворах и в переулке, то мы с братом удалялись в этот уединенный уголок, садились в кузов, — и тогда начинались здесь чудеснейшие приключения, какие только могут постигнуть людей, безрассудно пускающихся в неведомый путь, далекий и опасный, в такой чудесной и такой фантастической карете. Мой брат, по большей части, предпочитал более деятельную роль кучера. Он брал в руки кнут из ременного обрезка, найденного в мусорной куче, затем серьезно и молча вынимал из кузова два деревянных пистолета, перекидывал через плечо деревянное ружье и втыкал за пояс огромную саблю, изготовленную моими руками из кровельного тесу. Вид его, вооруженного таким образом с головы до ног, настраивал тотчас же и меня на соответствующий лад, и затем, усевшись каждый на свое место, мы отдавались течению нашей судьбы, не обмениваясь ни словом!.. Это не мешало нам с той же минуты испытывать общие опасности, приключения и победы. Очень может быть, конечно, что события не всегда совпадали с точки зрения кузова и козел, и я предавался упоению победы в то самое время, как кучер чувствовал себя на краю гибели... Но это ничему, в сущности, не мешало. Разве изредка я принимался неистово палить из окон, когда кучер внезапно натягивал вожжи, привязанные к обломку дышла, — и тогда брат говорил с досадой:

— Что ты это, ей-богу!.. Ведь это гостиница... Тогда я приостанавливал пальбу, выходил из кузова и извинялся перед гостеприимным трактирщиком в причиненном беспокойстве, между тем как кучер распрягал лошадей, поил их у бадьи, и мы предавались мирному, хотя и короткому отдыху в одинокой гостинице. Однако случаи подобных разногласий бывали тем реже, что я скоро отдавался полету чистой фантазии, не требовавшей от меня внешних проявлений. Должно быть, в щелях старого ку-

зова засели с незапамятных времен, — выражаясь понынешнему, — какие-то флюиды старинных происшествий, которые и захватывали нас сразу в такой степени, что мы могли молча, почти не двигаясь и сохраняя созерцательный вид, просидеть на своих местах от утреннего чая до самого обеда. И в этот промежуток от завтрака и до обеда вмещались для нас целые недели путешествий, с остановками в одиноких гостиницах, с ночлегами в поле, с длинными просеками в черном лесу, с дальними огоньками, с угасающим закатом, с ночными грозами в горах, с утренней зарей в открытой степи, с нападениями свирепых бандитов и, наконец, с туманными женскими фигурами, еще ни разу не открывавшими лица из-под густого покрывала, которых мы, с неопределенным замиранием души, спасали из рук мучителей на радость или на горе в будущем...

И все это вмещалось в тихом уголке, между садом и сараями, где, кроме бадьи, кузова и мусорной кучи, не было ничего... Впрочем, были еще лучи солнца, пригревавшие зелень сада и расцветивавшие палисадник яркими, золотистыми пятнами; были еще две доски около бадьи и широкая лужа под ними. Затем, чуткая тишина, невнятный шопот листьев, сонное чирикание какой-то птицы в кустах и... странные фантазии, которые, вероятно, росли здесь сами по себе, как грибы в тенистом месте, — потому что нигде больше мы не находили их с такой легкостью, в такой полноте и изобилии... Когда, через узкий переулочек и через крыши сараев, долетал до нас досадный призыв к обеду или к вечернему чаю, — мы оставляли здесь, вместе с пистолетами и саблями, наше фантастическое настроение, точно скинутое с плеч верхнее платье, в которое наряжались опять тотчас по возвращении.

Однако с тех пор как брату пришла оригинальная мысль вырезать кривые и узловатые ветки тополя, навязать на них белые нитки, навесить медные крючки и по-

пробовать запустить удочки в таинственную глубину огромной бадьи, стоявшей в углу дворика, для нас на целую неделю померкли все прелести золотой кареты. Во-первых, мы садились оба, в самых удивительных позах, на верхней перекладине палисадника, углом охватывавшего бадью и у которого мы предварительно обломали верхушки балясин. Во-вторых, над нами качался серебристо-зеленый шатер тополя, переполнявший окружающий воздух зеленоватыми тенями и бродячими солнечными пятнами. В-третьих, от бадьи отделялся какой-то особенный запах, свойственный загнившей воде, в которой уже завелась своя особенная жизнь, в виде множества каких-то странных существ, вроде головастиков, только гораздо меньше... Как ни покажется это странно, но запах этот казался нам, в сущности, приятным и прибавлял, с своей стороны, нечто к прелестям этого угла над бадьей...

В то время как мы сидели по целым часам на заборе, вглядываясь в зеленоватую воду, из глубины бадьи то и дело подымались стайками эти странные существа, напоминавшие собой гибкие медные булавки, головки которых так тихо шевелили поверхность воды, между тем как хвостики извивались под ними, точно крошечные змейки. Это был целый особый мирок, под этою зеленою тенью, и, если сказать правду, в нас не было полной уверенности в том, что в один прекрасный миг поплавок нашей удочки не вздрогнет, не пойдет ко дну и что после этого который-нибудь из нас не вытащит на крючке серебристую, трепещущую живую рыбку. Разумеется, рассуждая трезво, мы не могли бы не придти к заключению, что событие это выходит за пределы возможного. Но мы вовсе не рассуждали трезво в те минуты, а просто сидели на заборе, над бадьей, под колыхавшимся и шептавшим зеленым шатром, в соседстве с чудесной каретой, среди зеленоватых теней, в атмосфере полусна и полусказки...

Вдобавок мы не имели тогда ни малейшего понятия о назначении жизни...

II

Однажды, когда мы сидели таким образом, погруженные в созерцание неподвижных поплавков, с глазами, прикованными к зеленой глубине бадьи, — из действительного мира, то есть со стороны нашего дома, проник в наш фантастический уголок неприятный и резкий голос лакея Павла. Он, очевидно, приближался к нам и кричал:

— Панычи, панычи, э-эй! Идти бо до покою!

«Идти до покою», — значило идти в комнаты, что нас на этот раз несколько озадачило. Во-первых, почему это просто «до покою», а не к обеду, который в этот день действительно должен был происходить ранее обыкновенного, так как отец не уезжал на службу. Во-вторых, почему зовет именно Павел, которого посылал только отец в экстренных случаях, — тогда как обыкновенно от имени матери звала нас служанка Килимка. В-третьих, все это было нам очень неприятно, как будто именно этот несвоевременный призыв должен вспугнуть волшебную рыбу, которая как раз в эту минуту, казалось, уже плывет в невидимой глубине к нашим удочкам. Наконец Павел и вообще был человек слишком трезвый, отчасти даже насмешливый, и его излишне серьезные замечания разрушили не одну нашу иллюзию.

Через полминуты этот Павел стоял, несколько даже удивленный, на нашем дворике и смотрел на нас, сильно сконфуженных, своими серьезно выпученными и слегка глуповатыми глазами. Мы оставались в прежних позах, но это только потому, что нам было слишком совестно, да и некогда уже скрывать от него свой образ действий. В сущности же, с первой минуты появления этой фигуры в нашем мире, мы оба почувствовали с особенной ясностью, что наше занятие кажется Павлу очень глупым, что рыбу в бадьях никто не ловит, что в руках у нас даже и не удочки, а простые ветки тополя, с медными булавками, и что перед нами только старая бадья с загнившей водой.

— Э? — протянул Павел, приходя в себя от первоначального удивления. — А що се вы робите?

— Так... — ответил брат угрюмо. Павел взял из моих рук удочку, осмотрел ее и сказал:

— Разве ж это удилице? Удилища надо делать из орешника.

Потом пощупал нитку и сообщил, что нужен тут конский волос, да его еще нужно заплести умеючи; потом обратил внимание на булавочные крючки и объяснил, что над таким крючком, без зазубрины, даже и в пруду рыба только смеется. Стащит червяка и уйдет. Наконец, подойдя к бадье, он потрянул ее слегка своей сильной рукой. Неизмеримая глубина нашего зеленого омута колыхнулась, помутнела, фантастические существа жалобно заматались и исчезли, как бы сознавая, что их мир колеблется в самых устоях. Обнажилась часть дна, — простые доски, облипшие какой-то зеленой мутью, — а снизу поднялись пузыри и сильный запах, который на этот раз и нам показался уже не особенно приятным.

— Воняет, — сказал Павел презрительно. — От, идить до покою, пан кличе.

— Зачем?

— Идить, то и побачите.

Я и до сих пор очень ясно помню эту минуту столкновения наших иллюзий с трезвою действительностью в лице Павла. Мы чувствовали себя совершенными дураками, нам было совестно оставаться на верхушке забора, в позах рыбаков, но совестно также и слезать под серьезным взглядом Павла. Однако делать было нечего. Мы спустились с забора, бросив удочки как попало, и тихо побрели к дому. Павел еще раз посмотрел удочки, пощупал пальцами размокшие нитки, повел носом около бадьи, в которой вода все еще продолжала бродить и пускать пузыри, и, в довершение всего, толкнул ногой старый кузов. Кузов как-то жалко и беспомощно крякнул, ше-

вельнулся, и еще одна доска вывалилась из него в мусорную кучу...

Таковы были обстоятельства, предшествовавшие той минуте, когда нашему юному вниманию предложен был афоризм о назначении жизни и о том, для чего, в сущности, создан человек...

III

У крыльца нашей квартиры, на мощеном дворе, толпилась куча народа. На нашем дворе было целых три дома, один большой и два флигеля. В каждом жила особая семья, с соответствующим количеством дворни и прислуги, не считая еще одиноких жильцов, вроде старого холостяка пана Уляницкого, нанимавшего две комнаты в подвальном этаже большого дома. Теперь почти все это население высыпало на двор и стояло на солнопеке, у нашего крыльца. Мы испуганно переглянулись с братом, разыскивая в своем прошлом какой-нибудь проступок, который подлежал бы такому громкому и публично-му разбирательству. Однако отец, сидевший на верхних ступеньках, среди привилегированной публики, повидимому, находился в самом благодушном настроении. Рядом с отцом вилась струйка синего дыма, что означало, что тут же находится полковник Дударев, военный доктор. Немолодой, расположенный к полноте, очень молчаливый, он пользовался во дворе репутацией человека необыкновенно ученого, а его молчаливость и бескорыстие снискали ему общее уважение, к которому примешивалась доля страха, как к явлению, для среднего обывателя не вполне понятному...

Иногда, среди других фантазий, мы любили вообразить себя доктором Дударовым, и если я замечал, что брат сидит на крыльце или на скамейке, с вишневой палочкой в зубах, медленно раздувает щеки и тихо выпускает воображаемый дым, — я знал, что его не следует тревожить. Кроме вишневой палочки, требовалось еще

особенным образом наморщить лоб, отчего глаза сами собой немного тускнели, становились задумчивы и как будто печальны. А затея уже можно было сидеть на солнце, затягиваться воображаемым дымом из вишневой ветки и думать что-то такое особенное, что, вероятно, думал про себя добрый и умный доктор, молча подававший помощь больным и молча сидевший с трубкой в свободное время. Какие это собственно были мысли, сказать трудно; прежде всего они были важны и печальны, а затем, вероятно, все-таки довольно приятны, судя по тому, что им можно было предаваться подолгу...

Кроме отца и доктора, среди других лиц, мне бросилось в глаза красивое и выразительное лицо моей матери. Она стояла в белом переднике, с навернутыми рукавами, очевидно, только что оторванная от вечных забот по хозяйству. Нас у нее было шестеро, и на ее лице ясно виднелось сомнение: стоило ли выходить сюда в самый разгар хлопотливого дня. Однако скептическая улыбка видимо сплывала с ее красивого лица, и в синих глазах уже мелькало какое-то испуганное сожаление, обращенное к предмету, стоявшему среди толпы, у крыльца...

Это была небольшая, почти игрушечная телега, в которой как-то странно, странно почти до болезненного ощущения от этого зрелища, помещался человек. Голова его была большая, лицо бледно, с подвижными, острыми чертами и большими, пронизательными бегающими глазами. Туловище было совсем маленькое, плечи узкие, груди и живота не было видно из-под широкой, с сильной проседью бороды, а руки я напрасно разыскивал испуганными глазами, которые, вероятно, были открыты так же широко, как и у моего брага. Ноги странного существа, длинные и тонкие, как будто не уместались в тележке и стояли на земле, точно длинные лапки паука. Казалось, они принадлежали одинаково этому человеку, как и тележке, и все вместе каким-то беспокойным, раздражающим пятном рисовалось под ярким солнцем, точно в

самом деле какое-то паукообразное чудовище, готовое внезапно кинуться на окружившую его толпу.

— Идите, идите, молодые люди, скорее. Вы имеете случай увидеть интересную игру природы, — фальшиво-ласкающим-голосом сказал нам пан Уляницкий, проталкиваясь за нами через толпу.

Пан Уляницкий был старый холостяк, появившийся на нашем дворе бог весть откуда. Каждое утро, в известный час и даже в известную минуту, его окно открывалось, и из него появлялась сначала красная ермолка с кисточкой, потом вся фигура в халате... Кинув беспокойный взгляд на соседние окна (нет ли где барышень), — он быстро выходил из окна, прикрывая что-то полой халата, и исчезал за углом. В это время мы стремглав кидались к окну, чтобы заглянуть в его таинственную квартиру. Но это почти никогда не удавалось, так как Уляницкий быстро, как-то крадучись, появлялся из-за угла, мы кидались врассыпную, а он швырял в нас камнем, палкой, что попадало под руку. В полдень он появлялся одетым с иголочки и очень любезно, как ни в чем не бывало, заговаривал с нами, стараясь навести разговор на живших во дворе невест. В это время в голосе его звучала фальшивая ласковость, которая всегда как-то резала нам уши...

— Уважаемые господа, обыватели и добрые люди! — заговорил вдруг каким-то носовым голосом высокий субъект с длинными усами и беспокойными, впалыми глазами, стоявший рядом с тележкой. — Так как, повидимому, с прибытием этих двух молодых людей, дай им бог здоровья на радость почтенным родителям... все теперь в сборе, то я могу объяснить уважаемой публике, что перед нею находится феномен, или, другими словами, чудо природы, шляхтич из Заславского повета, Ян Криштоф Залуский. Как видите, у него совершенно нет рук и не было от рождения.

Он скинул с феномена курточку, в которую легко было

бы одеть ребенка, потом расстегнул ворот рубахи. Я зажмурился, — так резко и болезненно ударило мне в глаза обнаженное уродство этих узких плеч, совершенно лишенных даже признаков рук.

— Видели? — повернулся долгоусый к толпе, отступая от тележки, с курткой в руках. — Без обману... — добавил он, — без всякого ошуканьства... — И его беспокойные глаза обежали публику с таким видом, как будто он не особенно привык к доверию со стороны своих ближних.

— И, однако, уважаемые господа, сказанный феномен, родственник мой, Ян Залуский — человек очень просвещенный. Голова у него лучше, чем у многих людей с руками. Кроме того, он может исполнять все, что обыкновенные люди делают с помощью рук. Ян, прошу тебя покорно: поклонись уважаемым господам.

Ноги феномена пришли в движение, причем толпа шарахнулась от неожиданности. Не прошло и нескольких секунд, как с правой ноги, при помощи левой, был снят сапог. Затем нога поднялась, захватила с головы феномена большой порыжелый картуз, и он с насмешливой галантностью приподнял картуз над головой. Два черных внимательных глаза остро и насмешливо впились в уважаемую публику.

— Господи боже!.. Иисус-Мария... Да будет похвалено имя господне, пронеслось на разных языках в толпе, охваченной брезгливым испугом, и только один лакей Павел заготовил в заднем ряду так нелепо и громко, что кто-то из дворни счел нужным толкнуть его локтем в бок. После этого все стихло. Черные глаза опять внимательно и медленно прошли по нашим лицам, и феномен произнес среди тишины ясным, хотя слегка дребезжавшим голосом:

— Обойди!

Долгоусый субъект как-то замялся, точно считал при-

каз преждевременным. Он кинул на феномена нерешительный взгляд, но тот, уже раздраженно, повторил:

— Ты глуп... обойди!..

Полковник Дударев пустил клуб дыма и сказал:

— Однако, почтенный феномен, вы, кажется, начинаете с того, чем надо кончать.

Феномен быстро взглянул на него, как будто с удивлением, и затем еще настойчивее повторил долгоусому:

— Обойди, обойди!

Мне казалось, что феномен посылает долгоусого на какие-то враждебные действия. Но тот только снял с себя шляпу и подошел к лестнице, низко кланяясь и глядя как-то вопросительно, как бы сомневаясь. На лестнице более всего подавали женщины; на лице матери я увидел при этом такое выражение, как будто она все еще испытывает нервную дрожь; доктор тоже бросил монету. Уляницкий смерил долгоусого негодующим взглядом и затем стал беспечно смотреть по сторонам. Среди дворни и прислуги не подал почти никто. Феномен внимательно следил за сбором, потом тщательно пересчитал ногами монеты и поднял одну из них кверху, иронически поклонившись Дударову.

— Пан доктор... Очень хорошо... благодарю вас. Дударев равнодушно выпустил очень длинную струйку дыма, которая распустилась султаном на некотором расстоянии, но мне почему-то показалось, что ему досадно или он чего-то слегка застыдился.

— А! то есть удивительное дело,-сказал своим фальшивым голосом пан Уляницкий, — удивительно, как он узнал, что вы — доктор (Дударев был в штатском пиджаке и белом жилете с медными пуговицами).

— О! Он знает прошедшее, настоящее и будущее, а человека видит насквозь,сказал с убеждением долгоусый, почерпнувший, повидимому, значительную долю этой уверенности в удачном первом сборе.

— Да, я знаю прошедшее, настоящее и будущее, — ска-

зал феномен, поглядев на Уляницкого, и затем сказал долгоусому: — Подойди к этому пану... Он хочет положить монету бедному феномену, который знает прошедшее каждого человека лучше, чем пять пальцев своей правой руки...

И все мы с удивлением увидели, как пан Уляницкий с замешательством стал шарить у себя в боковом кармане. Он вынул медную монету, подержал ее в тонких, слегка дрожавших пальцах с огромными ногтями и... все-таки опустил ее в шляпу.

— Теперь продолжай, — сказал феномен своему провожатому. Долгоусый занял свое место и продолжал:

— Я вожу моего бедного родственника в тележке потому, что ходить ему очень трудно. Бедный Ян, дай я тебя подыму...

Он помог феномену подняться. Калека стоял с трудом, — огромная голова подавляла это тело карлика. На лице виднелось страдание, тонкие ноги дрожали. Он быстро опустил себя опять в свою тележку.

— Однако он может передвигаться и сам. Колеса тележки вдруг пришли в движение, дворня с криком расступилась; странное существо, перебирая по земле ногами и еще более походя на паука, сделало большой круг и опять остановилось против крыльца. Феномен побледнел от усилия, и я видел теперь только два огромных глаза, глядевших на меня с тележки...

— Ногами он чешет у себя за спиной и даже совершает свой туалет. Он подал феномену гребенку. Тот взял ее ногой, проворно расчесал широкую бороду и, опять поискавши глазами в толпе, послал ногой воздушный поцелуй экономке домовладелицы, сидевшей у окна большого дома с несколькими «комнатными барышнями». Из окна слышался визг, Павел фыркнул и опять получил тумака.

— Наконец, господа, ногою он крестится. Он сам скинул с феномена фуражку. Толпа затихла. Калека поднял глаза к небу, на мгновение лицо его застыло в странном выражении. Напряженная тишина еще усилилась, пока

феномен с видимым трудом поднимал ногу ко лбу, потом к плечам и груди. В задних рядах послышался почти истерический женский плач. Между тем феномен кончил, глаза его еще злее прежнего обежали по лицам публики, и в тишине резко прозвучал усталый голос:

— Обойди!

На этот раз долгоусый обратился прямо к рядам простой публики. Вздыхая, порой крестясь, кой-где со слезами, простые люди подавали свои крохи, кучера заворачивали полы кафтанов, кухарки наскоро сбегали по кухням и, проталкиваясь к тележке, совали туда свои подаяния. На лестнице преобладало тяжелое, не совсем одобрительное молчание. Впоследствии я замечал много раз, что простые сердца менее чутки к кощунству, хотя бы только слегка прикрытому обрядом.

— Пан доктор?.. — вопросительно протянул феномен, но, видя, что Дударев только насупился, он направил долгоусого к Уляницкому и напряженно, с какой-то злостью следил за тем, как Уляницкий, видимо, против воли, — положил еще монету.

— Извините, — повернулся вдруг феномен к моей матери... — Человек кормится, как может.

В его голосе была какая-то особенная, жалкая нота. Доктор вдруг выпустил бесконечную струйку синего дыма и, вынув серебряную монету, кинул ее на мостовую. Феномен поднял ее, поднес ко рту и сказал:

— Пан доктор, я отдам это первому бедняку, которого встречу... Поверьте слову Яна Залуского. Ну, что же ты стал, продолжай, — накинулся он вдруг на своего долгоусого провожатого.

Впечатление этой сцены еще некоторое время держалось в толпе, пока феномен принимал ногами пищу, снимал с себя куртку и вдевал нитку в иглу.

— Наконец, уважаемые господа, — провозгласил долгоусый торжественно, ногами он подписывает свое имя и фамилию.

— И пишу поучительные афоризмы, — живо подхватил феномен. — Пишу поучительные афоризмы всем вообще или каждому желающему порознь, ногами, за особую плату, для душевной пользы и утешения. Если угодно, уважаемые господа. Ну, Матвей, доставай канцелярию. Долгоусый достал из сумки небольшую папку, феномен взял ногой перо и легко написал на бумаге свою фамилию:

«Ян Кристоф Залуский, шляхтич-феномен из Заславского повета».

— А теперь, — сказал он, насмешливо поворачивая голову, — кому угодно получить афоризм!?!.. Поучительный афоризм, уважаемые господа, от человека, знающего настоящее, прошедшее и будущее.

Острый взгляд феномена пробежал по всем лицам, останавливаясь то на одном, то на другом, точно гвоздь, который он собирался забить глубоко в того, на ком остановится его выбор. Я никогда не забуду этой немой сцены. Урод сидел в своей тележке, держа гусиное перо в приподнятой правой ноге, как человек, ожидающий вдохновения. Было что-то цинически карикатурное во всей его фигуре и позе, в саркастическом взгляде, как будто искавшем в толпе свою жертву. Среди простой публики взгляд этот вызывал тупое смятение, женщины прятались друг за друга, то смеясь, то как будто плача. Пан Уляницкий, когда очередь дошла до него, растерянно улыбнулся и выразил готовность достать из кармана еще монету. Долгоусый проворно подставил шляпу... Феномен обменялся взглядом с моим отцом, скользнул мимо Дударова, почтительно поклонился матери, и внезапно я почувствовал этот взгляд на себе...

— Подойди сюда, малец, — сказал он, — и ты тоже, — позвал он также брата.

Все взгляды обратились на нас с любопытством или сожалением. Мы рады были бы провалиться сквозь землю, но уйти было некуда; феномен пронизывал нас черными глазами, а отец смеялся.

— Ну, что ж, ступайте, — сказал он таким тоном, каким порой приказывал идти в темную комнату, чтобы отучить от суеверного страха. И мы оба вышли с тем же чувством содрогания, с каким, исполняя приказ, входили в темную комнату...

Маленькие и смущенные, мы остановились против тележки, под взглядом странного существа, смеявшимся нам навстречу. Мне казалось, что он сделает над нами что-то такое от чего нам будет после стыдно всю жизнь, стыдно в гораздо большей степени, чем в ту минуту, когда мы слезали с забора под насмешливым взглядом Павла... Может быть, он расскажет... но что же? Что-нибудь такое, что я сделаю в будущем, и все будут смотреть на меня с таким же содроганием, как несколько минут назад при виде его уродливой наготы... Глаза мои застилались слезами, и, точно сквозь туман, мне казалось, что лицо странного человека в тележке меняется, что он смотрит на меня умным, задумчивым и смягченным взглядом, который становится все мягче и все страннее. Потом он быстро заскрипел пером, и его нога протянулась ко мне с белым листком, на котором чернела ровная, красивая строчка. Я взял листок и беспомощно оглянулся кругом.

— Прочитай, — сказал, улыбаясь, отец.

Я взглянул на отца, потом на мать, на лице которой виднелось несколько тревожное участие, и механически произнес следующую фразу: «Человек создан для счастья, как птица для полета»...

Я не сразу понял значение афоризма и только по благодарному взгляду, который мать кинула на феномена, понял, что все кончилось для нас благополучно. И тотчас же опять раздался еще более прежнего резкий голос феномена:

— Обойди!

Долгоусый грациозно кланялся и подставлял шляпу. На этот раз, я уверен, больше всех дала моя мать. Уляницкий эмансипировался и только величественно повел

рукой, показывая, что он и без того был слишком великодушен. Последним кинул монету в шляпу мой отец.

— Хорошо сказано, — засмеялся он при этом, — только, кажется, это скорее парадокс, чем поучительный афоризм, который вы нам обещали.

— Счастливая мысль, — насмешливо подхватил феномен. — Это афоризм, но и парадокс вместе. Афоризм сам по себе, парадокс в устах феномена... Ха-ха! Это правда... Феномен тоже человек, и он менее всего создан для полета...

Он остановился, в глазах его мелькнуло что-то странное, — они как будто затуманились...

— И для счастья тоже... — прибавил он тише, как будто про себя. Но тотчас же взгляд его сверкнул опять холодным открытым цинизмом. — Га!-сказал он громко, обращаясь к долгоусому. — Делать нечего, Матвей, обойди почтенную публику еще раз.

Долгоусый, успевший надеть свою шляпу и считавший, по-видимому, представление законченным, опять замаялся. Повидимому, несмотря на сильно помятую фигуру и физиономию, не внушавшую ни симпатии, ни уважения, в этом человеке сохранялась доля застенчивости. Он нерешительно смотрел на феномена.

— Ты глуп! — сказал тот жестко. — Мы получили с уважаемых господ за афоризм, а тут оказался еще парадокс... Надо получить и за парадокс... За парадокс, почтенные господа!.. За парадокс бедному шляхтичу-феномену, который кормит ногами многочисленное семейство... Шляпа обошла еще раз по крыльцу и по двору, который к тому времени наполнился публикой чуть не со всего переулка.

IV

После обеда я стоял на крыльце, когда ко мне подошел брат.

— Знаешь что, — сказал он, — этот... феномен... еще здесь.

— Где?

— В людской. Мама позвала их обоих обедать... И долгоусый тоже. Он его кормит с ложки...

В эту самую минуту из-за угла нашего дома показалась худощавая и длинная фигура долгоусого. Он шел, наклонясь, с руками назад, и тащил за собою тележку, в которой сидел феномен, подобравши ноги. Проезжая мимо флигелька, где жил военный доктор, он серьезно поклонился по направлению к окну, из которого попухивал по временам синий дымок докторской трубки, и сказал долгоусому: «Ну, ну, скорее!» Около низких окон Уляницкого, занавешенных и уставленных геранью, он вдруг зашевелился и крикнул:

— До свиданья, благодетель... Я знаю прошедшее, настоящее и будущее, как пять пальцев моей правой руки... которой у меня, впрочем, нет... ха-ха! Которой у меня нет, милостивый мой благодетель... Но это не мешает мне знать прошедшее, настоящее и будущее!

Затем тележка выкатилась за ворота...

Как будто сговорившись, мы с братом бегом обогнули флигель и вышли на небольшой задний дворик за домами. Переулок, обогнув большой дом, подходил к этому месту, и мы могли здесь еще раз увидеть феномена. Действительно, через полминуты в переулке показалась долговязая фигура, тащившая тележку. Феномен сидел, опустившись. Лицо у него казалось усталым, но было теперь проще, будничнее и приятнее.

С другой стороны, навстречу, в переулок вошел старый нищий с девочкой лет восьми. Долгоусый кинул на нищего взгляд, в котором на мгновение отразилось беспокойство, но тотчас же он принял беззаботный вид, стал беспечно глядеть по верхам и даже как-то некстати и фальшиво затянул вполголоса песню. Феномен наблюдал все эти наивные эволюции товарища, и глаза его искрились саркастической усмешкой.

— Матвей! — окликнул он, но так тихо, что долгоусый только прибавил шаг.

— Матвей!

Долгоусый остановился, посмотрел на феномена и как-то просительно произнес:

— А! Ей-богу, глупство!..

— Доставай, — кратко сказал феномен.

— Ну!

— Доставай.

— Ну-у? — совсем жалобно протянул долгоусый, однако полез в карман.

— Не там, — сказал холодно феномен. — Сороковец доктора у тебя в правом кармане... Дедушка, постой на минуту.

Нищий остановился, снял шляпу и уставился в него своими выцветшими глазами. Долгоусый, с видом человека, смертельно оскорбленного, достал серебряную монету и кинул в шляпу старика.

— Дьявол вас тут носит, дармоедов, — пробормотал он, принимаясь опять за дышло. Нищий кланялся, держа шляпу в обеих руках. Феномен захохотал, откинув голову назад... Тележка двинулась по переулку, приближаясь к нам.

— А ты сегодня в добром гумбре, — угрюмо и язвительно сказал долгоусый.

— А что? — с любопытством сказал феномен.

— Так... пишешь приятные афоризмы и раздаешь голодранцам по сороковцу... Какой, подумают люди, счастливец!

Феномен захохотал своим резким смехом, от которого у меня что-то прошло по спине, и потом сказал:

— Ха! Надо себе позволить иногда... притом же ничего не потеряли... Ты видишь, и приятные афоризмы иногда делают сбор. У тебя две руки, но твоя голова ничего не стоит, бедный Матвей!.. Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него. Понял? У лю-

дей бывают и головы, и руки. Только мне забыли приклеить руки, а тебе по ошибке поставили на плечи пустую тыкву... Ха! Это неприятно для нас, однако не изменяет общего правила...

Под конец этой речи неприятные ноты в голосе феномена исчезли, и в лице появилось то самое выражение, с каким он писал для меня афоризм. Но в эту минуту тележка поровнялась с тем местом, где мы стояли с братом, держась руками за балясины палисадника и уткнув лица в просветы. Заметив нас, феномен опять захохотал неприятным смехом.

— А! лоботрясы! Пришли еще раз взглянуть на феномена бесплатно? Вот я вас тут! У меня есть такие же племянники, я кормлю и секу их ногами... Не хотите ли попробовать?... Это очень интересно. Ха-ха-ха! Ну, бог с вами, не трону... Человек создан для счастья. Афоризм и парадокс вместе, за двойную плату... Кланяйтесь доктору от феномена и скажите, что человеку надо кормиться не тем, так другим, а это трудно, когда природа забыла приклеить руки к плечам... А у меня есть племянники, настоящие, с руками... Ну, прощайте и помните: человек создан для счастья...

Тележка покатила, но уже в конце переулка феномен еще раз повернулся к нам, кивнул головой кверху, на птицу, кружившуюся высоко в небе, и крикнул еще раз:

— Создан для счастья. Да, создан для счастья, как птица для полета. Затем он исчез за углом, а мы с братом долго еще стояли, с лицами между балясин, и смотрели то на пустой переулок, то на небо, где, широко раскинув крылья, в высокой синеве, в небесном просторе, вся залитая солнцем, продолжала кружиться и парить большая птица...

А потом мы пошли опять в свой угол, добыли удочки и принялись было в молчании поджидать серебристую рыбу в загнившей бадье... Но теперь это почему-то не доставляло нам прежнего удовольствия. От бадьи несло

вонью, ее глубина потеряла свою заманчивую таинственность, куча мусора, как-то скучно освещенная солнцем, как бы распалась на свои составные части, а кузов казался дрянной старой рухлядью. Ночью оба мы спали плохо, вскрикивали и плакали без причины. Впрочем, причина была: в дремоте обоим нам являлось лицо феномена и его глаза, то холодные и циничные, то подернутые внутренней болью...

Мать вставала и крестила нас, стараясь этим защитить своих детей от первого противоречия жизни, острой занозой вонзившегося в детские сердца и умы...

1894

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой эпизод рассказа вам запомнился?
2. Сопоставьте приведенные в начале и в конце рассказа описания уединенного уголка двора, где играли братья.
3. Дайте толкование фразы: «Когда... долетал до нас досадный призыв к обеду или к вечернему чаю, — мы оставляли здесь, вместе с пистолетами и саблями, наше фантастическое настроение, точно скинутое с плеч верхнее платье, в которое наряжались опять тотчас по возвращении».
4. Как соприкасались мир детей и мир взрослых?
5. Почему изменилось отношение мальчиков к этому тихому уголку?
6. В. Г. Короленко описывает шляхтича из Заславского повета Яна Криштофа Залуского следующими словами: «человек» — «раздражающее пятно» — «паукообразное чудовище» — «интересная игра природы» — «феномен» — «бедный феномен» — «чудо природы» — «человек очень просвещенный» — «калека» — «тело карлика» — «урод» — «как человек, ожидающий вдохновения» — «странное существо». У кого и как меняется отношение к Яну Залускому?
7. Как и почему меняются выражение лица, взгляд, голос феномена?

8. Как можно объяснить реакции матери и отца мальчиков на происходящее?
9. Объясните значение «счастливой мысли», являющейся и афоризмом, и парадоксом одновременно.
10. Как вы понимаете значение слова «парадокс»? Какой смысл, как вы думаете, вкладывает в это слово автор?
11. Испытывает ли автор сожаление от того, что жизненное пространство детей изменилось?
12. В чем смысл фразы: «Феномен — тоже человек»?

Слепой музыкант

(главы)

Один из важных аспектов «общего закона» для Короленко заключается в том, что «всякая способность», присущая человеку как биологическому виду, «носит в самой себе стремление к удовлетворению» — и потому слепорожденный мальчик будет стремиться видеть, побуждаемый «инстинктами, неясными «толчками природы», «бессознательными желаниями», смутными стремлениями.

Подобно ученому-психологу Короленко исследует, как отдельные ощущения, восприятия, впечатления складываются в сознании героя в сложные понятия и идеи; как исключительно в форму звуков «отливались его представления», как часто и мучительно мальчик не мог все доступные ему звуковые впечатления объединить в целостную картину мира, «не мог соединить их, расположить в перспективу»; и как все-таки «из наследственных представлений и впечатлений, получаемых другими путями», его мозг творил «свой собственный мир, грустный, печальный и сумеречный, но не лишенный своеобразной, смутной поэзии».

Но само стремление познать «неразрывную связь жизненных явлений» или «взаимную связь существ» не ограничилось в повести только анализом инстинктивных, стихийных, подсознательных порывов, роднящих человека с природой.

«Прозрение» Петра Попельского не могло произойти без приобретенного им социального опыта, без его «хождения в народ», когда он, окунувшись в ранее неведомый ему мир нищеты, горя и слез, сумел почувствовать страдание обездоленных, как свое собственное, благодаря чему и смог преодолеть эгоистическую сосредоточенность на собственном несчастье.

Таким образом, в повести «Слепой музыкант» Короленко соединяет найденный им социологический принцип, когда герой изымается из привычной для него социальной среды и погружается в среду с другими правилами, нормами, представлениями, — что и заставляет героя задуматься над ранее бесспорными для него взглядами и понятиями, — с тщательным анализом его биологических, природных свойств.

*Б. В. Аверин. Владимир Короленко //
История русской литературы
в 4 томах. Том 4, 1983*

Покажите, как автор статьи подходит к выводу о единстве социологического и биологического подходов В. Г. Короленко к внутреннему миру главного героя повести «Слепой музыкант».

Глава первая

V

Мать он скоро научился узнавать по походке, по шелесту платья, по каким-то еще, ему одному доступным, неуловимым для других признакам: сколько бы ни было в комнате людей, как бы они ни передвигались, он всегда направлялся безошибочно в ту сторону, где она сидела. Когда она неожиданно брала его на руки, он все же сразу узнавал, что сидит у матери. Когда же его брали другие, он быстро начинал ощупывать своими ручонками лицо взявшего его человека и тоже скоро узнавал няньку, дядю Максима, отца. Но если он попадал к человеку незнакомому, тогда движения маленьких рук становились мед-

леннее: мальчик осторожно и внимательно проводил ими по незнакомому лицу, и его черты выражали напряженное внимание; он как будто «вглядывался» кончиками своих пальцев.

По натуре он был очень живым и подвижным ребенком, но месяцы шли за месяцами, и слепота все более налагала свой отпечаток на темперамент мальчика, начиная определяться. Живость движений понемногу терялась; он стал забиваться в укромные уголки и сидел там по целым часам смирно, с застывшими чертами лица, как будто к чему-то прислушиваясь. Когда в комнате бывало тихо и смена разнообразных звуков не развлекала его внимания, ребенок, казалось, думал о чем-то с недоумелым и удивленным выражением на красивом и не по-детски серьезном лице.

Дядя Максим угадал: тонкая и богатая нервная организация мальчика брала свое и восприимчивостью к ощущениям осязания и слуха как бы стремилась восстановить до известной степени полноту своих восприятий. Всех удивляла поразительная тонкость его осязания. По временам казалось даже, что он не чужд ощущения цветов; когда ему в руки попадали ярко окрашенные лоскутья, он дольше останавливал на них свои тонкие пальцы, и по лицу его проходило выражение удивительного внимания. Однако со временем стало выясняться все более и более, что развитие восприимчивости идет главным образом в сторону слуха.

Вскоре он изучил в совершенстве комнаты по их звукам: различал походку домашних, скрип стула под инвалидом-дядей, сухое, размеренное шоркание нитки в руках матери, ровное тикание стенных часов. Иногда, ползая вдоль стены, он чутко прислушивался к легкому, не слышному для других шороху и, подняв руку, тянулся ею за бегавшею по обоям мухой. Когда испуганное насекомое снималось с места и улетало, на лице слепого являлось выражение болезненного недоумения. Он не мог от-

дать себе отчета в таинственном исчезновении мухи. Но впоследствии и в таких случаях лицо его сохраняло выражение осмысленного внимания; он поворачивал голову в ту сторону, куда улетала муха, — изощренный слух улавливал в воздухе тонкий звон ее крыльев.

Мир, сверкавший, двигавшийся и звучащий вокруг, в маленькую головку слепого проникал главным образом в форме звуков, и в эти формы отливались его представления. На лице застывало особенное внимание к звукам: нижняя челюсть слегка оттягивалась вперед на тонкой и удлинившейся шее. Брови приобретали особенную подвижность, а красивые, но неподвижные глаза придавали лицу слепого какой-то суровый и вместе трогательный отпечаток.

VI

Третья зима его жизни приходила к концу. На дворе уже таял снег, звенели весенние потоки, и вместе с тем здоровье мальчика, который зимой все прихварывал и потому всю ее провел в комнатах, не выходя на воздух, стало поправляться.

Вынули вторые рамы, и весна ворвалась в комнату с удвоенной силой. В залитые светом окна глядело смеющееся весеннее солнце, качались голые еще ветки буков, вдали чернели нивы, по которым местами лежали белые пятна тающих снегов, местами же пробивалась чуть заметною зеленью молодая трава. Всем дышалось вольнее и лучше, на всех весна отражалась приливом обновленной и бодрой жизненной силы.

Для слепого мальчика она врывалась в комнату только своим торопливым шумом. Он слышал, как бегут потоки весенней воды, точно вдогонку друг за другом, прыгая по камням, прорезаясь в глубину размякшей земли; ветки буков шептались за окнами, сталкиваясь и звеня легкими ударами по стеклам. А торопливая весенняя капель от нависших на крыше сосуллек, прихваченных

утренним морозом и теперь разогретых солнцем, стучала тысячью звонких ударов. Эти звуки падали в комнату, подобно ярким и звонким камешкам, быстро отбивавшим переливчатую дробь. По временам сквозь этот звон и шум окрики журавлей плавно проносились с далекой высоты и постепенно смолкали, точно тихо тая в воздухе.

На лице мальчика это оживление природы сказывалось болезненным недоумением. Он с усилием сдвигал свои брови, вытягивал шею, прислушивался и затем, как будто встревоженный непонятною суетой звуков, вдруг протягивал руки, разыскивая мать, и кидался к ней, крепко прижимаясь к ее груди.

— Что это с ним? — спрашивала мать себя и других. Дядя Максим внимательно вглядывался в лицо мальчика и не мог объяснить его непонятной тревоги.

— Он... не может понять, — догадывалась мать, улавливая на лице сына выражение болезненного недоумения и вопроса.

Действительно, ребенок был встревожен и беспокоен: он то улавливал новые звуки, то удивлялся тому, что прежние, к которым он уже начал привыкать, вдруг смолкали и куда-то терялись.

VII

Хаос весенней неурядицы смолк. Под жаркими лучами солнца работа природы входила все больше и больше в свою колею, жизнь как будто напрягалась, ее поступательный ход становился стремительнее, точно бег разошедшегося поезда. В лугах зазеленела молодая травка, в воздухе носился запах березовых почек.

Мальчика решили вывести в поле, на берег ближней реки.

Мать вела его за руку. Рядом на своих костылях шел дядя Максим, и все они направлялись к береговому холмику, который достаточно уже высушили солнце и ве-

тер. Он зеленел густой муравой, и с него открывался вид на далекое пространство.

Яркий день ударил по глазам матери и Максима. Солнечные лучи согревали их лица, весенний ветер, как будто взмахивая невидимыми крыльями, сгонял эту теплоту, заменяя ее свежую прохладой. В воздухе носилось что-то опьяняющее до неги, до истомы.

Мать почувствовала, что в ее руке крепко сжалась маленькая ручка ребенка, но опьяняющее веяние весны сделало ее менее чувствительной к этому проявлению детской тревоги. Она вздыхала полною грудью и шла вперед, не оборачиваясь; если бы она сделала это, то увидела бы странное выражение на лице мальчика. Он поворачивал открытые глаза к солнцу с немим удивлением. Губы его раскрылись; он вдыхал в себя воздух быстрыми глотками, точно рыба, которую вынули из воды; выражение болезненного восторга пробивалось по временам на беспомощно-растерянном личике, пробегало по нем какими-то нервными ударами, освещая его на мгновение, и тотчас же сменялось опять выражением удивления, достигающего до испуга и недоумелого вопроса. Только одни глаза глядели все тем же ровным и неподвижным, незрячим взглядом.

Дойдя до холмика, они уселись на нем все трое. Когда мать приподняла мальчика с земли, чтобы посадить его поудобнее, он опять судорожно схватился за ее платье; казалось, он боялся, что упадет куда-то, как будто не чувствуя под собой земли. Но мать и на этот раз не заметила тревожного движения, потому что ее глаза и внимание были прикованы к чудной весенней картине.

Был полдень. Солнце тихо катилось по синему небу. С холма, на котором они сидели, виднелась широко разлившаяся река. Она пронесла уже свои льдины, и только по временам на ее поверхности плыли и таяли кое-где последние из них, выделяясь белыми пятнышками. На поемных лугах стояла вода широкими лиманами; белые

облачка, отражаясь в них вместе с опрокинутым лазурным сводом, тихо плыли в глубине и исчезали, как будто и они таяли, подобно льдинам. Временами пробегала от ветра легкая рябь, сверкая на солнце. Дальше за рекой чернели разопревшие нивы и парили, застилая реюющею, колеблющеюся дымкой дальние лачуги, крытые соломой, и смутно зарисовавшуюся синюю полосу леса. Земля как будто вздыхала, и что-то подымалось от нее к небу, как клубы жертвенного фимиама.

Природа раскинулась кругом, точно великий храм, приготовленный к празднику. Но для слепого это была только необъятная тьма, которая необычно волновалась вокруг, шевелилась, рокотала и звенела, протягиваясь к нему, прикасаясь к его душе со всех сторон не изведанными еще, необычными впечатлениями, от наплыва которых болезненно билось детское сердце.

С первых же шагов, когда лучи теплого дня ударили ему в лицо, согрели нежную кожу, он инстинктивно поворачивал к солнцу свои незрячие глаза, как будто чувствуя, к какому центру тяготеет все окружающее. Для него не было ни этой прозрачной дали, ни лазурного свода, ни широко раздвинутого горизонта. Он чувствовал только, как что-то материальное, ласкающее и теплое касается его лица нежным, согревающим прикосновением. Потом кто-то прохладный и легкий, хотя и менее легкий, чем тепло солнечных лучей, снимает с его лица эту негу и пробегает по нем ощущением свежей прохлады. В комнатах мальчик привык двигаться свободно, чувствуя вокруг себя пустоту. Здесь же его охватили какие-то странно сменявшиеся волны, то нежно ласкающие, то щекочущие и опьяняющие. Теплые прикосновения солнца быстро обмахивались кем-то, и струя ветра, звеня в уши, охватывая лицо, виски, голову до самого затылка, тянулась вокруг, как будто стараясь подхватить мальчика, увлечь его куда-то в пространство, которого он не мог видеть, унося сознание, навевая забывчивую истому. Тогда-то рука маль-

чика крепче сжимала руку матери, а его сердце замирало и, казалось, вот-вот совсем перестанет биться.

Когда его усадили, он как будто несколько успокоился. Теперь, несмотря на странное ощущение, переполнившее все его существо, он все же стал было различать отдельные звуки. Темные ласковые волны неслись по-прежнему неудержимо, и ему казалось, что они проникают внутрь его тела, так как удары его всколыхавшейся крови подымались и опускались вместе с ударами этих волн. Но теперь они приносили с собой то яркую трель жаворонка, то тихий шелест распутившейся березки, то чуть слышные всплески реки. Ласточка свистела легким крылом, описывая невдалеке причудливые круги, звенели мошки, и над всем этим проносился порой протяжный и печальный окрик пахаря на равнине, понукавшего волов над распахиваемой полоской.

Но мальчик не мог схватить этих звуков в их целом, не мог соединить их, расположить в перспективу. Они как будто падали, проникая в темную головку, один за другим, то тихие, неясные, то громкие, яркие, оглушающие. По временам они толпились, одновременно неприятно смешиваясь в непонятную дисгармонию. А ветер с поля все свистел в уши, и мальчику казалось, что волны бегут быстрее и их рокот застигает все остальные звуки, которые несутся теперь откуда-то с другого мира, точно воспоминание о вчерашнем дне. И по мере того, как звуки тускнели, в грудь мальчика вливалось ощущение какой-то щекочущей истомы. Лицо подергивалось ритмически пробегавшими по нем переливами; глаза то закрывались, то открывались опять, брови тревожно двигались, и во всех чертах пробивался вопрос, тяжелое усилие мысли и воображения. Не окрепшее еще и переполненное новыми ощущениями сознание начинало изнемогать; оно еще боролось с нахлынувшими со всех сторон впечатлениями, стремясь устоять среди них, слить их в одно целое и таким образом овладеть ими, победить

их. Но задача была не по силам темному мозгу ребенка, которому недоставало для этой работы зрительных представлений.

И звуки летели и падали один за другим, все еще слишком пестрые, слишком звонкие... Охватившие мальчика волны вздымались все напряженнее, налетая из окружающего звеневшего и рокотавшего мрака и уходя в тот же мрак, сменяясь новыми волнами, новыми звуками... быстрее, выше, мучительнее подымали они его, укачивали, баюкали... Еще раз пролетела над этим тускнеющим хаосом длинная и печальная нота человеческого окрика, и затем все сразу смолкло. Мальчик тихо застонал и откинулся назад на траву. Мать быстро повернулась к нему и тоже вскрикнула: он лежал на траве, бледный, в глубоком обмороке.

VIII

Дядя Максим был очень встревожен этим случаем. С некоторых пор он стал выписывать книги по физиологии, психологии и педагогике и с обычной своей энергией занялся изучением всего, что дает наука по отношению к таинственному росту и развитию детской души.

Эта работа завлекала его все больше и больше, и поэтому мрачные мысли о непригодности к житейской борьбе, о «червяке, пресмыкающемся в пыли», и о «фуршта-те» давно уже незаметно улетучились из квадратной головы ветерана. На их месте воцарилось в этой голове вдумчивое внимание, по временам даже розовые мечты согревали стареющее сердце. Дядя Максим убеждался все более и более, что природа, отказавшая мальчику в зрении, не обидела его в других отношениях; это было существо, которое отзывалось на доступные ему внешние впечатления с замечательной полнотой и силой. И дяде Максиму казалось, что он призван к тому, чтобы развить присущие мальчику задатки, чтоб усилием своей мысли и своего влияния уравновесить несправедливость слепой

судьбы, чтобы вместо себя поставить в ряды бойцов за дело жизни нового рекрута, на которого без его влияния никто не мог бы рассчитывать.

«Кто знает, — думал старый гарибальдиец, — ведь бороться можно не только копьем и саблей. Быть может, несправедливо обиженный судьбою подымет со временем доступное ему оружие в защиту других, обездоленных жизнью, и тогда я не даром проживу на свете, изувеченный старый солдат...»

Даже свободным мыслителям сороковых и пятидесятых годов не было чуждо суеверное представление о «таинственных предназначениях» природы. Немудрено поэтому, что, по мере развития ребенка, выказывавшего недюжинные способности, дядя Максим утвердился окончательно в убеждении, что самая слепота есть лишь одно из проявлений этих «таинственных предназначений». «Обездоленный за обиженных» — вот девиз, который он выставил заранее на боевом знамени своего питомца.

IX

После первой весенней прогулки мальчик пролежал несколько дней в бреду. Он то лежал неподвижно и безмолвно в своей постели, то бормотал что-то и к чему-то прислушивался. И во все это время с его лица не сходило характерное выражение недоумения.

— Право, он глядит так, как будто старается понять что-то и не может, — говорила молодая мать.

Максим задумывался и кивал головой. Он понял, что странная тревога мальчика и внезапный обморок объяснялись обилием впечатлений, с которыми не могло справиться сознание, и решил допускать к выздоравливавшему мальчику эти впечатления постепенно, так сказать, расчлененными на составные части. В комнате, где лежал больной, окна были плотно закрыты. Потом, по мере выздоровления, их открывали на время, затем его водили по комнатам, выводили на крыльцо, на двор, в сад. И каж-

дый раз, как на лице слепого являлось тревожное выражение, мать объясняла ему поражавшие его звуки.

— Рожок пастуха слышен за лесом, — говорила она. — А это из-за щебетания воробьиной стаи слышен голос малиновки. Аист клекочет на своем колесе. Он прилетел на днях из далеких краев и строит гнездо на старом месте.

И мальчик поворачивал к ней свое лицо, светившееся благодарностью, брал ее руку и кивал головой, продолжая прислушиваться с вдумчивым и осмысленным вниманием.

Х

Он начинал расспрашивать обо всем, что привлекало его внимание, и мать или, еще чаще, дядя Максим рассказывали ему о разных предметах и существах, издававших те или другие звуки. Рассказы матери, более живые и яркие, производили на мальчика большее впечатление, но по временам впечатление это бывало слишком болезненно. Молодая женщина, страдая сама, с растроганным лицом, с глазами, глядевшими с беспомощною жалобой и болью, старалась дать своему ребенку понятие о формах и цветах. Мальчик напрягал внимание, сдвигал брови, на лбу его являлись даже легкие морщинки. Видимо, детская головка работала над непосильною задачей, темное воображение билось, стремясь создать из косвенных данных новое представление, но из этого ничего не выходило. Дядя Максим всегда недовольно хмурился в таких случаях, и, когда на глазах матери являлись слезы, а лицо ребенка бледнело от сосредоточенных усилий, тогда Максим вмешивался в разговор, отстранял сестру и начинал свои рассказы, в которых, по возможности, прибегал только к пространственным и звуковым представлениям. Лицо слепого становилось спокойнее.

— Ну а какой он? большой? — спрашивал он про аиста, отбивавшего на своем столбе ленивую барабанную дробь.

И при этом мальчик раздвигал руки. Он делал это обыкновенно при подобных вопросах, а дядя Максим указывал ему, когда следовало остановиться. Теперь он совсем раздвинул свои маленькие ручонки, но дядя Максим сказал:

— Нет, он еще гораздо больше. Если бы привести его в комнату и поставить на полу, то голова его была бы выше спинки стула.

— Большой... — задумчиво произнес мальчик. — А малиновка — вот! — и он чуть-чуть развел сложенные вместе ладони.

— Да, малиновка такая... Зато большие птицы никогда не поют так хорошо, как маленькие. Малиновка старается, чтобы всем было приятно ее слушать. А аист — серьезная птица, стоит себе на одной ноге в гнезде, озирается кругом, точно сердитый хозяин на работников, и громко ворчит, не заботясь о том, что голос у него хриплый и его могут слышать посторонние.

Мальчик смеялся, слушая эти описания, и забывал на время о своих тяжелых попытках понять рассказы матери. Но все же эти рассказы привлекали его сильнее, и он предпочитал обращаться с расспросами к ней, а не к дяде Максиму.

Глава вторая

Х

Лед был сломан. Мальчик на следующий день с робким любопытством вошел в гостиную, в которой не бывал с тех пор, как в ней поселился странный городской гость, показавшийся ему таким сердито-крикливым. Теперь вчерашние песни этого гостя подкупили слух мальчика и изменили его отношение к инструменту. С последними следами прежней робости он подошел к тому месту, где стояло пианино, остановился на некотором расстоянии и прислушался. В гостиной никого не было. Мать сидела с работой в другой комнате на диване и, при-

таив дыхание, смотрела на него, любуясь каждым его движением, каждую сменой выражения на нервном лице ребенка.

Протянув издали руки, он коснулся полированной поверхности инструмента и тотчас же робко отодвинулся. Повторив раза два этот опыт, он подошел поближе и стал внимательно исследовать инструмент, наклоняясь до земли, чтобы ощупать ножки, обходя кругом по свободным сторонам. Наконец его рука попала на гладкие клавиши.

Тихий звук струны неуверенно дрогнул в воздухе. Мальчик долго прислушивался к исчезнувшим уже для слуха матери вибрациям и затем, с выражением полного внимания, тронул другую клавишу. Проведя после этого рукой по всей клавиатуре, он попал на ноту верхнего регистра. Каждому тону он давал достаточно времени, и они, один за другим, колыхаясь, дрожали и замирали в воздухе. Лицо слепого, вместе с напряженным вниманием, выражало удовольствие; он, видимо, любовался каждым отдельным тоном, и уже в этой чуткой внимательности к элементарным звукам, составным частям будущей мелодии, сказывались задатки артиста.

Но при этом казалось, что слепой придавал еще какие-то особенные свойства каждому звуку: когда из-под его руки вылетала веселая и яркая нота высокого регистра, он подымал оживленное лицо, будто провожая кверху эту звонкую летучую ноту. Наоборот, при густом, чуть слышном и глухом дрожании баса он наклонял ухо; ему казалось, что этот тяжелый тон должен непременно низко раскатиться над землей, рассыпаясь по полу и теряясь в дальних углах.

Глава пятая

I

Так прошло еще несколько лет.

Ничто не изменилось в тихой усадьбе. По-прежнему шумели буки в саду, только их листва будто потемнела,

сделалась еще гуще; по-прежнему белели приветливые стены, только они чуть-чуть покривились и осели; по-прежнему хмурились и соломенные стрехи, и даже свирель Иохима слышалась в те же часы из конюшни; только теперь уже и сам Иохим, остававшийся холостым конюхом в усадьбе, предпочитал слушать игру слепого панича на дудке или на фортепиано — безразлично.

Максим поседел еще больше. У Попельских не было других детей, и потому слепой первенец по-прежнему остался центром, около которого группировалась вся жизнь усадьбы. Для него усадьба замкнулась в своем тесном кругу, довольствуясь своею собственною тихою жизнью, к которой примыкала не менее тихая жизнь посесорской «хатки». Таким образом Петр, ставший уже юношей, вырос, как тепличный цветок, огражденный от резких сторонних влияний далекой жизни.

Он, как и прежде, стоял в центре громадного темного мира. Над ним, вокруг него, всюду протянулась тьма, без конца и пределов: чуткая тонкая организация подымалась, как упруго натянутая струна, навстречу всякому впечатлению, готовая задрожать ответными звуками. В настроении слепого заметно сказывалось это чуткое ожидание; ему казалось, что вот-вот эта тьма протянется к нему своими невидимыми руками и тронет в нем что-то такое, что так томительно дремлет в душе и ждет пробуждения.

Но знакомая добрая и скучная тьма усадьбы шумела только ласковым шепотом старого сада, навевая смутную, баюкающую, успокоительную думу. О далеком мире слепой знал только из песен, из истории, из книг. Под задумчивый шепот сада, среди тихих будней усадьбы, он узнавал лишь по рассказам о бурях и волнениях далекой жизни. И все это рисовалось ему сквозь какую-то волшебную дымку, как песня, как былина, как сказка.

Казалось, так было хорошо. Мать видела, что огражденная будто стеной душа ее сына дремлет в каком-то

заколдованном полусне, искусственном, но спокойном. И она не хотела нарушать этого равновесия, боялась его нарушить.

Эвелина, выросшая и сложившаяся как-то совершенно незаметно, глядела на эту заколдованную тишь своими ясными глазами, в которых можно было по временам подметить что-то вроде недоумения, вопроса о будущем, но никогда не было и тени нетерпения. Попельский-отец привел имение в образцовый порядок, но до вопросов о будущем его сына доброму человеку, конечно, не было ни малейшего дела. Он привык, что все делается само собой. Один только Максим по своей натуре с трудом выносил эту тишь, и то как нечто временное, входившее поневоле в его планы. Он считал необходимым дать душе юноши устояться, окрепнуть, чтобы быть в состоянии встретить резкое прикосновение жизни.

Между тем там, за чертой этого заколдованного круга, жизнь кипела, волновалась, бурлила. И вот, наконец, наступило время, когда старый наставник решился разорвать этот круг, отворить дверь теплицы, чтобы в нее могла ворваться свежая струя наружного воздуха.

XI

Мотив давно уже изменился. Оставив итальянскую пьесу, Петр отдался своему воображению. Тут было все, что теснилось в его воспоминании, когда он, за минуту перед тем, молча и опустив голову, прислушивался к впечатлениям из пережитого прошлого. Тут были голоса природы, шум ветра, шепот леса, плеск реки и смутный говор, смолкающий в безвестной дали. Все это сплеталось и звенело на фоне того особенного глубокого и расширяющего сердце ощущения, которое вызывается в душе таинственным говором природы и которому так трудно подыскать настоящее определение... Тоска?.. Но отчего же она так приятна?.. Радость?.. Но зачем же она так глубоко, так бесконечно грустна?

По временам звуки усиливались, вырастали, крепили. Лицо музыканта делалось странно суровым. Он как будто сам удивлялся новой и для него силе этих неожиданных мелодий и ждал еще чего-то... Казалось, вот-вот несколькими ударами все это сольется в стройный поток могучей и прекрасной гармонии, и в такие минуты слушатели замирали от ожидания. Но, не успев подняться, мелодия вдруг падала с каким-то жалобным ропотом, точно волна, рассыпавшаяся в пену и брызги, и еще долго звучали, замирая, ноты горького недоумения и вопроса.

Слепой смолкал на минуту, и опять в гостиной стояла тишина, нарушаемая только шепотом листьев в саду. Обаяние, овладевавшее слушателями и уносившее их далеко за эти скромные стены, разрушалось, и маленькая комната сдвигалась вокруг них, и ночь глядела к ним в темные окна, пока, собравшись с силами, музыкант не ударял вновь по клавишам.

И опять звуки крепили и искали чего-то, подымаясь в своей полноте выше, сильнее. В неопределенный перезвон и говор аккордов вплетались мелодии народной песни, звучавшей то любовью и грустью, то воспоминанием о минувших страданиях и славе, то молодою удачью разгула и надежды. Это слепой пробовал вылить свое чувство в готовые и хорошо знакомые формы.

Но и песня смолкала, дрожа в тишине маленькой гостиной тою же жалобною нотой неразрешенного вопроса.

ХII

Когда последние ноты дрогнули смутным недовольством и жалобой, Анна Михайловна, взглянув в лицо сына, увидела на нем выражение, которое показалось ей знакомым: в ее памяти встал солнечный день давней весны, когда ее ребенок лежал на берегу реки, подавленный слишком яркими впечатлениями от возбуждающей весенней природы.

Но это выражение заметила только она. В гостиной

поднялся шумный говор. Ставрuchenко-отец что-то громко кричал Максиму, молодые люди, еще взволнованные и возбужденные, пожимали руки музыканта, предсказывали ему широкую известность артиста.

— Да, это верно! — подтвердил старший брат. — Вам удалось удивительно усвоить самый характер народной мелодии. Вы сжились с нею и овладели ею в совершенстве. Но, скажите, пожалуйста, какую это пьесу играли вы вначале?

Петр назвал итальянскую пьесу.

— Я так и думал, — ответил молодой человек. — Мне она несколько знакома... У вас удивительно своеобразная манера... Многие играют лучше вашего, но так, как вы, ее не исполнял еще никто. Это... как будто перевод с итальянского музыкального языка на малорусский. Вам нужна серьезная школа, и тогда...

Слепой слушал внимательно. Впервые еще он стал центром оживленных разговоров, и в его душе зарождалось гордое сознание своей силы. Неужели эти звуки, доставившие ему на этот раз столько неудовлетворенности и страдания, как еще никогда в жизни, могут производить на других такое действие? Итак, он может тоже что-нибудь сделать в жизни. Он сидел на своем стуле, с рукой, еще вытянутой на клавиатуре, и под шум разговоров внезапно почувствовал на этой руке чье-то горячее прикосновение. Это Эвелина подошла к нему и, незаметно сжимая его пальцы, прошептала с радостным возбуждением:

— Ты слышал? У тебя тоже будет своя работа. Если бы ты видел, если бы знал, что ты можешь сделать со всеми нами...

Слепой вздрогнул и выпрямился.

Никто не заметил этой короткой сцены, кроме матери. Ее лицо вспыхнуло, как будто это ей был дан первый поцелуй молодой любви.

Слепой все сидел на том же месте. Он боролся с на-

хлынувшими на него впечатлениями нового счастья, а может быть, ощущал также приближение грозы, которая вставала уже бесформенною и тяжелою тучей откуда-то из глубины мозга.

Глава шестая

I

На другой день Петр проснулся рано. В комнате было тихо, в доме тоже не начиналось еще движение дня. В окно, которое оставалось открытым на ночь, вливалась из сада свежесть раннего утра. Несмотря на свою слепоту, Петр отлично чувствовал природу. Он знал, что еще рано, что его окно открыто — шорох ветвей раздавался отчетливо и близко, ничем не отдаленный и не прикрытый. Сегодня Петр чувствовал все это особенно ясно: он знал даже, что в комнату смотрит солнце и что если он протянет руку в окно, то с кустов посыплется роса. Кроме того, он чувствовал еще, что все его существо переполнено каким-то новым, неизведанным ощущением.

Несколько минут он лежал в постели, прислушиваясь к тихому щебетанию какой-то птички в саду и к странному чувству, нараставшему в его сердце.

«Что это было со мной?» — подумал он, и в то же мгновение в его памяти прозвучали слова, которые она сказала вчера, в сумерки, у старой мельницы: «Неужели ты никогда не думал об этом?.. Какой ты глупый!..»

Да, он никогда об этом не думал. Ее близость доставляла ему наслаждение, но до вчерашнего дня он не признавал этого, как мы не ощущаем воздуха, которым дышим. Эти простые слова упали вчера в его душу, как падает с высоты камень на зеркальную поверхность воды: еще за минуту она была ровна и спокойно отражала свет солнца и синее небо... Один удар, — и она всколебалась до самого дна.

Теперь он проснулся с обновленною душой, и она, его

давняя подруга, являлась ему в новом свете. Вспоминая все, что произошло вчера, до малейших подробностей, он прислушивался с удивлением к тону ее «нового» голоса, который восстановило в его памяти воображение. «Полюбила...», «Какой ты глупый!..»

Он быстро вскочил, оделся и по росистым дорожкам сада побежал к старой мельнице. Вода журчала, как вчера, и так же шептались кусты черемухи, только вчера было темно, а теперь стояло яркое солнечное утро. И никогда еще он не «чувствовал» света так ясно. Казалось, вместе с душистой сыростью, с ощущением утренней свежести в него проникли эти смеющиеся лучи веселого дня, щекотавшие его нервы.

Х

Теплою июльской ночью бричка, запряженная парой лошадей, остановилась на ночлег в поле, у опушки леса. Утром, на самой заре, двое слепых прошли шляхом. Один вертел рукоятку примитивного инструмента: деревянный валик кружился в отверстии пустого ящика и терся о туго натянутые струны, издававшие однотонное и печальное жужжание. Несколько гнусавый, но приятный старческий голос пел утреннюю молитву.

Проезжавшие дорогой хохлы с таранью видели, как слепцов подозвали к бричке, около которой, на разостланном ковре, сидели ночевавшие в степи господа. Когда через некоторое время обозчики остановились на водопой у криницы, то мимо них опять прошли слепцы, но на этот раз их уж было трое. Впереди, постукивая перед собою длинной палкой, шел старик с развевающимися седыми волосами и длинными белыми усами. Лоб его был покрыт старыми язвами, как будто от ожога; вместо глаз были только впадины. Через плечо у него была надета широкая тесьма, привязанная к поясу следующего. Вторым был рослый детина, с желчным лицом, сильно изрытым оспой. Оба они шли привычным шагом, подняв не-

зрячие лица кверху, как будто разыскивая там свою дорогу. Третий был совсем юноша, в новой крестьянской одежде, с бледным и как будто слегка испуганным лицом; его шаги были неуверенны, и по временам он останавливался, как будто прислушиваясь к чему-то назади и мешая движению товарищей.

Часам к десяти они ушли далеко. Лес остался синей полосой на горизонте. Кругом была степь, и впереди слышался звон разогреваемой солнцем проволоки на шоссе, пересекавшем пыльный шлях. Слепцы вышли на него и повернули вправо, когда сзади послышался топот лошадей и сухой стук кованых колес по щебню. Слепцы выстроились у края дороги. Опять зажужжало деревянное колесо по струнам, и старческий голос затянул:

— По-дайте сли-пеньким...

К жужжанию колеса присоединился тихий перебор струн под пальцами юноши.

Монета зазвенела у самых ног старого Кандыбы. Стук колес смолк, видимо, проезжающие остановились, чтобы посмотреть, найдут ли слепые монету. Кандыба сразу нашел ее, и на его лице появилось довольное выражение.

— Бог спасет, — сказал он по направлению к бричке, в сиденье которой виднелась квадратная фигура седого господина, и два костыля торчали сбоку.

Старик внимательно смотрел на юношу-слепца... Тот стоял бледный, но уже успокоившийся. При первых же звуках песни его руки нервно забегали по струнам, как будто покрывая их звоном ее резкие ноты... Бричка опять тронулась, но старик долго оглядывался назад.

Вскоре стук колес замолк в отдалении. Слепцы опять вытянулись в линию и пошли по шоссе...

— У тебя, Юрий, легкая рука, — сказал старик. — И играешь славно...

Через несколько минут средний слепец спросил:

— По обещанию идешь в Почаев?.. Для бога?

— Да, — тихо ответил юноша.

— Думаешь, прозришь?.. — спросил тот опять с горькой улыбкой.

— Бывает, — мягко сказал старик.

— Давно хожу, а не встречал, — угрюмо возразил рябой, и они опять пошли молча. Солнце подымалось все выше, виднелась только белая линия шоссе, прямого как стрела, темные фигуры слепых и впереди черная точка проехавшего экипажа. Затем дорога разделилась. Бричка направилась к Киеву, слепцы опять свернули проселками на Почаев.

Вскоре из Киева пришло в усадьбу письмо от Максима. Он писал, что оба они здоровы и что все устраивается хорошо.

А в это время трое слепых двигались все дальше. Теперь все шли уже согласно. Впереди, все так же постукивая палкой, шел Кандыба, отлично знавший дороги и поспевавший в большие села к праздникам и базарам. Народ собирался на стройные звуки маленького оркестра, и в шапке Кандыбы то и дело звякали монеты.

Волнение и испуг на лице юноши давно исчезли, уступая место другому выражению. С каждым новым шагом навстречу ему лились новые звуки неведомого, широкого, необъятного мира, сменившего теперь ленивый и убаюкивающий шорох тихой усадьбы... Незрячие глаза расширялись, ширилась грудь, слух еще обострялся; он узнавал своих спутников, добродушного Кандыбу и желчного Кузьму, долго брел за скрипучими возами чумаков, ночевал в степи у огней, слушал гомон ярмарок и базаров, узнавал горе, слепое и зрячее, от которого не раз больно сжималось его сердце... И странное дело — теперь он находил в своей душе место для всех этих ощущений. Он совершенно одолел песню слепых, и день за днем под гул этого великого моря все более стихали на дне души личные порывания к невозможному... Чуткая память ловила всякую новую песню и мелодию, а когда дорогой он начинал перебирать свои струны, то даже на лице желч-

ного Кузьмы появлялось спокойное умиление. По мере приближения к Почаеву банда слепых все росла.

Позднею осенью по дороге, занесенной снегами, к великому удивлению всех в усадьбе, панич неожиданно вернулся с двумя слепцами в нищенской одежде. Кругом говорили, что он ходил в Почаев по обету, чтобы вымолить у почаевской богоматери исцеление.

Впрочем, глаза его оставались по-прежнему чистыми и по-прежнему незрячими. Но душа, несомненно, исцелилась. Как будто страшный кошмар навсегда исчез из усадьбы... Когда Максим, продолжавший писать из Киева, наконец вернулся тоже, Анна Михайловна встретила его фразой: «Я никогда, никогда не прощу тебе этого». Но лицо ее противоречило суровым словам...

Долгими вечерами Петр рассказывал о своих страданиях, и в сумерки фортепиано звучало новыми мелодиями, каких никто не слышал у него раньше... Поездка в Киев была отложена на год, вся семья жила надеждами и планами Петра...

Глава седьмая

I

В ту же осень Эвелина объявила старикам Яскульским свое неизменное решение выйти за слепого «из усадьбы». Старушка мать заплакала, а отец, помолившись перед иконами, объявил, что, по его мнению, именно такова воля божия относительно данного случая.

Сыграли свадьбу. Для Петра началось молодое тихое счастье, но сквозь это счастье все же пробивалась какая-то тревога: в самые светлые минуты он улыбался так, что сквозь эту улыбку виднелось грустное сомнение, как будто он не считал этого счастья законным и прочным. Когда же ему сообщили, что, быть может, он станет отцом, он встретил это сообщение с выражением испуга. Тем не менее, настоящая его жизнь, проходившая в серьезной

работе над собой, в тревожных думах о жене и будущем ребенке, не позволяла ему сосредоточиваться на прежних бесплодных потугах. По временам также среди этих забот в его душе поднимались воспоминания о жалобном вопле слепых. Тогда он отправлялся в село, где на краю стояла теперь новая изба Федора Кандыбы и его рябого племянника. Федор брал свою кобзу, или они долго разговаривали, и мысли Петра принимали спокойное направление, а его планы опять крепили.

Теперь он стал менее чувствителен к внешним световым побуждениям, а прежняя внутренняя работа улеглась. Тревожные органические силы уснули: он не будил их сознательным стремлением воли — слить в одно целое разнородные ощущения. На месте этих бесплодных потуг стояли живые воспоминания и надежды. Но, кто знает, — быть может, душевное затишье только способствовало бессознательной органической работе, и эти смутные, разрозненные ощущения тем успешнее прокладывали в его мозгу пути по направлению друг к другу. Так во сне мозг часто свободно творит идеи и образы, которых ему никогда бы не создать при участии воли.

II

В той самой комнате, где некогда родился Петр, стояла тишина, среди которой раздавался только всхлипывающий плач ребенка. Со времени его рождения прошло уже несколько дней, и Эвелина быстро поправлялась. Но зато Петр все эти дни казался подавленным сознанием какого-то близкого несчастья.

Приехал доктор. Взяв ребенка на руки, он перенес и уложил его поближе к окну. Быстро отдернув занавеску, он пропустил в комнату луч яркого света и наклонился над мальчиком с своими инструментами. Петр сидел тут же с опущенной головой, все такой же подавленный и безучастный. Казалось, он не придавал действиям доктора ни малейшего значения, предвидя вперед результаты.

— Он, наверное, слеп, — твердил он. — Ему не следовало бы родиться.

Молодой доктор не отвечал и молча продолжал свои наблюдения. Наконец он положил офтальмоскоп, и в комнате раздался его уверенный, спокойный голос:

— Зрачок сокращается. Ребенок видит несомненно.

Петр вздрогнул и быстро стал на ноги. Это движение показывало, что он слышал слова доктора, но, судя по выражению его лица, он как будто не понял их значения. Опершись дрожащею рукой на подоконник, он застыл на месте с бледным, приподнятым кверху лицом и неподвижными чертами.

До этой минуты он находился в состоянии странного возбуждения. Он будто не чувствовал себя, но вместе с тем все фибры в нем жили и трепетали от ожидания.

Он сознавал темноту, которая его окружала. Он ее выделил, чувствовал ее вне себя, во всей ее необъятности. Она надвигалась на него, он охватывал ее воображением, как будто меряясь с нею. Он вставал ей навстречу, желая защитить своего ребенка от этого необъятного, колеблющегося океана непроницаемой тьмы.

И пока доктор в молчании делал свои приготовления, он все находился в этом состоянии. Он боялся и прежде, но прежде в его душе жили еще признаки надежды. Теперь страх, томительный и ужасный, достиг крайнего напряжения, овладев возбужденными до последней степени нервами, а надежда замерла, скрывшись где-то в глубоких тайниках его сердца. И вдруг эти два слова: «Ребенок видит!» — перевернули его настроение. Страх мгновенно схлынул, надежда также мгновенно превратилась в уверенность, осветив чутко приподнятый душевный строй слепого. Это был внезапный переворот, настоящий удар, ворвавшийся в темную душу поражающим, ярким, как молния, лучом. Два слова доктора будто прожгли в его мозгу огненную дорогу... Будто искра вспыхнула где-то внутри и осветила последние тайники его организма...

Все в нем дрогнуло, и сам он задрожал, как дрожит туго натянутая струна под внезапным ударом.

И вслед за этой молнией перед его потухшими еще до рождения глазами вдруг зажглись странные призраки. Были ли это лучи или звуки, он не отдавал себе отчета. Это были звуки, которые оживали, принимали формы и двигались лучами. Они сияли, как купол небесного свода, они катились, как яркое солнце по небу, они волновались, как волнуется шепот и шелест зеленой степи, они качались, как ветви задумчивых буков.

Это было только первое мгновение, и только смешанные ощущения этого мгновения остались у него в памяти. Все остальное он впоследствии забыл. Он только упорно утверждал, что в эти несколько мгновений он видел.

Что именно он видел, и как видел, и видел ли действительно, — осталось совершенно неизвестным. Многие говорили ему, что это невозможно, но он стоял на своем, уверяя, что видел небо и землю, мать, жену и Максима.

В течение нескольких секунд он стоял с приподнятым кверху и просветлевшим лицом. Он был так странен, что все невольно обратились к нему, и кругом все смолкло. Всем казалось, что человек, стоявший среди комнаты, был не тот, которого они так хорошо знали, а какой-то другой, незнакомый. А тот прежний исчез, окруженный внезапно опустившеюся на него тайной.

И он был с этою тайной наедине несколько кратких мгновений... Впоследствии от них осталось только чувство какого-то удовлетворения и странная уверенность, что тогда он видел.

Могло ли это быть на самом деле?

Могло ли быть, чтобы смутные и неясные световые ощущения, пробивавшиеся к темному мозгу неизвестными путями в те минуты, когда слепой весь трепетал и напрягался навстречу солнечному дню, — теперь, в минуту внезапного экстаза, всплыли в мозгу, как проявляющийся туманный негатив?..

И перед незрячими глазами встало синее небо и яркое солнце, и прозрачная река с холмиком, на котором он пережил так много и так часто плакал еще ребенком... И потом и мельница, и звездные ночи, в которые он так мучился, и молчаливая, грустная луна... И пыльный шлях, и линия шоссе, и обозы с сверкающими шинами колес, и пестрая толпа, среди которой он сам пел песню слепых...

Или в его мозгу зароились фантастическими призраками неведомые горы, и легли вдаль неведомые равнины, и чудные призрачные деревья качались над гладью неведомых рек, и прозрачное солнце заливало эту картину ярким светом, — солнце, на которое смотрели бесчисленные поколения его предков?

Или все это роилось бесформенными ощущениями в той глубине темного мозга, о которой говорил Максим, и где лучи и звуки откладываются одинаково весельем или грустью, радостью или тоской?..

И он только вспоминал впоследствии стройный аккорд, прозвучавший на мгновение в его душе, — аккорд, в котором сплелись в одно целое все впечатления его жизни, ощущение природы и живая любовь.

Кто знает?

Он помнил только, как на него спустилась эта тайна и как она его оставила. В это последнее мгновение образы-звуки сплелись и смешались, звеня и колеблясь, дрожа и смолкая, как дрожит и смолкает упругая струна: сначала выше и громче, потом все тише, чуть слышно... Казалось, что-то скатывается по гигантскому радиусу в беспросветную тьму...

Вот оно скатилось и смолкло.

Тьма и молчание... Какие-то смутные призраки пытаются еще возродиться из глубокого мрака, но они не имеют уже ни формы, ни тона, ни цвета... Только где-то далеко внизу зазвенели переливы гаммы, пестрыми рядами прорезали тьму и тоже скатились в пространство.

Тогда вдруг внешние звуки достигли его слуха в своей обычной форме. Он будто проснулся, но все еще стоял, озаренный и радостный, сжимая руки матери и Максима.

— Что это с тобой? — спросила мать встревоженным голосом.

— Ничего... мне кажется, что я... видел вас всех. Я ведь... не сплю?

— А теперь? — взволнованно спросила она. — Помнишь ли ты, будешь ли помнить?

Слепой глубоко вздохнул.

— Нет, — ответил он с усилием. — Но это ничего, потому что... Я отдал все это... ему... ребенку и... и всем...

Он пошатнулся и потерял сознание. Его лицо побледнело, но на нем все еще блуждал отблеск радостного удовлетворения.

Эпилог

Прошло три года.

Многочисленная публика собралась в Киев, во время «Контрактов», слушать оригинального музыканта. Он был слеп, но молва передавала чудеса об его музыкальном таланте и о его личной судьбе. Говорили, будто в детстве он был похищен из зажиточной семьи бандой слепцов, с которыми бродил, пока известный профессор не обратил внимания на его замечательный музыкальный талант. Другие передавали, что он сам ушел из семьи к нищим из каких-то романтических побуждений. Как бы то ни было, контрактная зала была набита битком, и сбор (имевший неизвестное публике благотворительное назначение) был полный.

В зале настала глубокая тишина, когда на эстраде появился молодой человек с красивыми большими глазами и бледным лицом. Никто не признал бы его слепым, если б эти глаза не были так неподвижны и если б его не вела молодая белокурая дама, как говорили, жена музыканта.

— Немудрено, что он производит такое потрясающее

впечатление, — говорил в толпе какой-то зоил своему соседу. — У него замечательно драматическая наружность.

Действительно, и это бледное лицо с выражением вдумчивого внимания, и неподвижные глаза, и вся его фигура предрасполагали к чему-то особенному, непривычному.

Южнорусская публика вообще любит и ценит свои родные мелодии, но здесь даже разношерстная «контрактная» толпа была сразу захвачена глубокой искренностью выражения. Живое чувство родной природы, чуткая оригинальная связь с непосредственными источниками народной мелодии сказывались в импровизации, которая лилась из-под рук слепого музыканта. Богатая красками, гибкая и певучая, она бежала звонкою струей, то поднимаясь торжественным гимном, то разливаясь задушевым грустным напевом. Казалось по временам: то буря гулко гремит в небесах, раскатываясь в бесконечном просторе, то лишь степной ветер звенит в траве, на кургане, навевая смутные грезы о минувшем.

Когда он смолк, гром рукоплесканий охваченной восторгом толпы наполнил громадную залу. Слепой сидел с опущенною головой, удивленно прислушиваясь к этому грохоту. Но вот он опять поднял руки и ударил по клавишам. Многолюдная зала мгновенно притихла.

В эту минуту вошел Максим. Он внимательно оглядел эту толпу, охваченную одним чувством, направившую на слепого жадные, горящие взгляды.

Старик слушал и ждал. Он больше, чем кто-нибудь другой в этой толпе, понимал живую драму этих звуков. Ему казалось, что эта могучая импровизация, так свободно льющаяся из души музыканта, вдруг оборвется, как прежде, тревожным, болезненным вопросом, который открывает новую рану в душе его слепого питомца. Но звуки росли, крепились, полнели, становились все более и более властными, захватывали сердце объединенной и замиравшей толпы.

И чем больше прислушивался Максим, тем яснее звучал для него в игре слепого знакомый мотив.

Да, это она, шумная улица. Светлая, гремучая, полная жизни волна катится, дробясь, сверкая и рассыпаясь тысячью звуков. Она то поднимается, возрастает, то падает опять к отдаленному, но неумолчному рокоту, оставаясь все время спокойной, красиво-бесстрастной, холодной и безучастной.

И вдруг сердце Максима упало. Из-под рук музыканта опять, как и некогда, вырвался стон.

Вырвался, прозвенел и замер. И опять живой рокот, все ярче и сильнее, сверкающий и подвижный, счастливый и светлый.

Это уже не одни стоны личного горя, не одно слепое страдание. На глазах старика появились слезы. Слезы были и на глазах его соседей.

«Он прозрел, да, это правда, — он прозрел», — думал Максим.

Среди яркой и оживленной мелодии, счастливой и свободной, как степной ветер, и как он, беззаботной среди пестрого и широкого гула жизни, среди то грустного, то величавого напева народной песни все чаще, все настойчивее и сильнее прорывалась какая-то за душу хватающая нота.

«Так, так, мой мальчик, — мысленно ободрял Максим, — настигай их среди веселья и счастья...»

Через минуту над заколдованной толпой в огромной зале, властная и захватывающая, стояла уже одна только песня слепых...

— Подайте сліпеньким... р-ради Христа.

Но это уже была не просьба о милостыне и не жалкий вопль, заглушаемый шумом улицы. В ней было все то, что было и прежде, когда под ее влиянием лицо Петра искажалось и он бежал от фортепиано, не в силах бороться с ее разъедающей болью. Теперь он одолел ее в своей душе и побеждал души этой толпы глубиной и ужасом

жизненной правды... Это была тьма на фоне яркого света, напоминание о горе среди полноты счастливой жизни...

Казалось, будто удар разразился над толпой, и каждое сердце дрожало, как будто он касался его своими быстро бегающими руками. Он давно уже смолк, но толпа хранила гробовое молчание.

Максим опустил голову и думал:

«Да, он прозрел... На место слепого и неутолимого эгоистического страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных...»

И старый солдат все ниже опускал голову. Вот и он сделал свое дело, и он недаром прожил на свете, ему говорили об этом полные силы властные звуки, стоявшие в зале, царившие над толпой.

Так дебютировал слепой музыкант.

1887—1898

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой эпизод вам запомнился и почему?
2. Выберите из первой главы и сопоставьте описания, основанные на зрительных, слуховых и осязательных ощущениях.
3. Опишите, каким вы представляете Петра, которого автор характеризует так: «...тепличный цветок, огражденный от резких сторонних влияний далекой жизни» (пятая глава).
4. Когда и почему слепого музыканта стал мучить «неразрешенный вопрос» о том, может ли он «что-нибудь сделать в этой жизни»?
5. Дайте толкование фразы: «С каждым новым шагом навстречу ему лились новые звуки неведомого, широкого, необъятного мира, сменившего теперь ленивый и убаюкивающий шорох тихой усадьбы... Незрячие глаза расширялись, ширилась грудь, слух еще обострялся...»

6. Как вы понимаете значение слова «исцеление»? Какой смысл автор вкладывает в это слово?

7. Как можно объяснить последовательное появление следующих контекстных синонимов: «звук» — «голос» — «шелест» — «шорох» — «шепот» — «шум» — «нота» — «аккорд» — «мелодия» — «песня» — «перезвон» — «говор аккордов» — «мотив» — «пьеса» — «музыкальный язык» — «переливы гаммы» — «перебор струн» — «поток гармонии» — «звуки мира» — «образы-звуки» — «импровизация» — «душа музыканта» — «сердце толпы»?

8. Сопоставьте ощущения героя-юноши («Он, как и прежде, стоял в центре громадного темного мира. Над ним, вокруг него, всюду протянулась тьма, без конца и пределов...»), чувства повзрослевшего человека («Он сознавал темноту, которая его окружала. Он ее выделил, чувствовал ее вне себя, во всей ее необъятности. Она надвигалась на него, он охватывал ее воображением, как будто меряясь с нею. Он вставал ей навстречу, желая защитить своего ребенка от этого необъятного, колеблющегося океана непроницаемой тьмы») и описание импровизации музыканта («Это была тьма на фоне яркого света, напоминание о горе среди полноты счастливой жизни...»).

9. Почему основная мысль текста («Да, он прозрел... На место слепого и неутолимого эгоистического страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных...») принадлежит дяде Максиму?

10. Сравните финал текста и фильма «Слепой музыкант» (режиссеры-постановщики Т. Лукашевич, Г. Комаровский, композитор Ю. Левитин, исполнитель главной роли В. Ливанов). Какое впечатление производит музыка, звучащая в фильме?

11. Прочитайте рассказ В. Г. Короленко «Огоньки» (1900) и объясните смысл его названия. Можно ли назвать автора этой лирической миниатюры пессимистом?

Как-то давно, темным осенним вечером, случилось мне плыть по угрюмой сибирской реке. Вдруг на повороте реки, впереди, под темными горами мелькнул огонек.

Мелькнул ярко, сильно, совсем близко...

— Ну, слава богу! — сказал я с радостью, — близко ночлег!

Гребец повернулся, посмотрел через плечо на огонь и опять апатично налег на весла.

— Далече!

Я не поверил: огонек так и стоял, выступая вперед из неопределенной тьмы. Но гребец был прав: оказалось, действительно, далеко.

Свойство этих ночных огней — приближаться, побеждая тьму, и сверкать, и обещать, и манить своею близостью. Кажется, вот-вот еще два-три удара веслом, — и путь кончен... А между тем — далеко!..

И долго еще мы плыли по темной, как чернила, реке. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, в бесконечной дали, а огонек все стоял впереди, переливаясь и маня, — все так же близко, и все так же далеко...

Мне часто вспоминается теперь и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек. Много огней и раньше и после манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди — огни!..

Литература XX – начала XXI века

- Алексей Максимович Горький 241**
Борис Петрович Корнилов 289
Александр Иванович Люкин 310
Борис Ефремович Пильник 315
Валерий Анатольевич Шамшурин 318
Марина Олеговна Кулакова 321
Игорь Валентинович Чурдалев 325
Владимир Николаевич Гофман 333
Захар (Евгений Николаевич) Прилепин 351

АЛЕКСЕЙ
МАКСИМОВИЧ
ГОРЬКИЙ
(1868—1936)

«Нечеловеческий» Горький

Уз всех русских писателей Горький познал наибольшую прижизненную славу: Пушкин, Толстой, Достоевский были кумирами современников — но в их честь не называли города, их книги не входили в школьные программы и не печатались многотысячными, а то и миллионными тиражами. Почти с самого начала (1892) и до конца литературной карьеры

Горький был самым читаемым, прославленным, проклинаемым, «нарицательным» писателем в русской литературе; подражали не только стилю его прозы, но и стилю одежды, каждое новое его сочинение немедленно переводилось на все европейские языки, пьеса «На дне», разрешенная в России к представлению в единственном театре (МХТ), в Берлине шла одновременно в трех... Неоспорим был именно его моральный авторитет, наибольшим весом обладало его слово...

*Д. Л. Быков.
Был ли Горький, 2018*

Для нас, живущих на Нижегородской земле, это все значимые слова и события. Наш город долгое время носил имя писателя, одна из центральных площадей и улиц тоже названы его именем. Почти каждый юный, да, впрочем, возраст не имеет значения, нижегородец посещал музей «Домик Каширина», где буквально оживают в воображении эпизоды из повести «Детство». Можно, наверное, даже утверждать, что в большинстве домашних библиотек есть не только отдельные произведения М. Горького, но и собрания его сочинений. А еще драматический театр, высшее учебное заведение, детские и взрослые библиотеки, памятники писателю на Волжском откосе и многое другое.

Необычность биографии и личности, его фантастическая одаренность и потрясающая трудоспособность создали феномен, который критики называют легендой по имени Горький. Поразителен прежде всего масштаб его личности. Оснований для подобного утверждения немало: прозаик, драматург, публицист и критик, написавший более 80 томов сочинений, которые полностью до сих пор не изданы. Своеобразный мыслитель, откликавшийся едва ли не на все философские течения общественной и культурной жизни, политический и общественный деятель, свидетель важнейших исторических событий начала XX века; летописец эпохи, издатель, главный редактор нескольких издательств в России и за рубежом («Знание», «Парус», «Книга», «Всемирная литерату-

ра», «Академия»), инициатор и создатель серий книг «Библиотека поэта», «Жизнь замечательных людей», газет «Литературная учеба», «Литературная газета», организатор и создатель литературного института, института всемирной литературы, учитель многих советских писателей («Все мы вышли из широкого горьковского рукава», — писал Л. М. Леонов); гуманист, спасавший от ареста порой малознакомых людей, автор около 20 тысяч писем, адресованных писателям, ученым, детям всего мира.

Неудивительно, что Горький всегда привлекал к себе внимание друзей и недругов, читателей и критиков, а особенно обывателей. Не понимая, как все перечисленное выше мог сделать человек, проживший лишь 68 лет, Дмитрий Быков именуется его «нечеловеческим Горьким».

Максим Горький пришел в литературу в самом конце XIX века и представляет собой литературу первой четверти литературы XX века. По мнению современников писателя, он был «биографией своего века» (К. А. Федин). А по убеждению литературоведов конца XX века М. Горький обозначил «принципиально новый тип художника, в России еще небывалый и потому особенно успешный» (Д. Л. Быков).

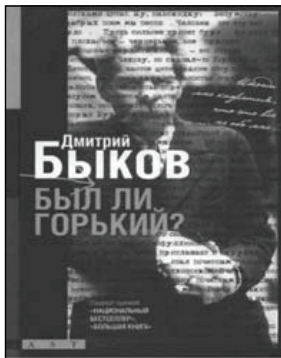
Многие современники, критики и писатели стремились определить своеобразие таланта Горького, пытались разгадать секрет его необычайного успеха и популярности. Одни из них в этой связи говорили об «экзотических» фигурах героев-босяков, другие — о новой, бодрой тональности его произведений, третьи приходили к выводу, что Горький, как никто другой, «угадал» господствующее настроение общества: «Лет двенадцать тому назад, Горький был бы, мне кажется, невозможен. Тогда его, может быть, задержали бы на литературных заставах, в редакциях <...> Но теперь, в последние пять-шесть лет, Горький пришел как раз вовремя, и это <...> одна из тайн его шумной славы» (М. О. Меньшиков. Критические статьи о произведениях Максима Горького. Впервые изданы в 1900 году в «Новом времени»).

Что значит это «вовремя»? Об органической связи нова-

торских открытий Горького с традициями предшественников хорошо сказал А. П. Чехов, подчеркивая, что «заслугу» этого писателя видел в том, «что он первый в России и вообще в свете заговорил с презрением и отвращением о мещанстве, и заговорил именно как раз в то время, когда общество было подготовлено к этому протесту» (В. Я. Гречнев. *О прозе XIX—XX веков, 2000*). Другой особенностью творчества писателя часто называют многообразие типов героев, поскольку в его поле зрения попадают жизнь «босяков» и интеллигентские салоны, в его рассказах и повестях действуют крестьяне, купцы, мещане, ремесленники, рабочие и др.

Л. В. Дербенцева

Познакомьтесь с вариантами обложек книг, посвященных М. Горькому. Какой вариант интереснее? Почему? Как в иллюстрации отражается отношение к личности и творчеству писателя?

«Что есть рассказ?»

Пожалуй, самым необычным для читателя оказался «жанровый эксперимент» М. Горького, в котором «пробовался» писатель. Абсолютно не претендуя на создание нового уникального жанра, Горький создавал отличные по своей структуре и природе произведения.

Познакомьтесь с некоторыми из них, например, с разновидностью жанра рассказа (рассказ-очерк, рассказ-притча), сказочным жанром.

Что есть рассказ? — спрашивал Горький у Андреева и отвечал: «Содержание души некоего человека, — взгляды, мнения, радость, горе, любовь и ненависть некоей части мира, ибо человек часть мира, а может — весь мир».

*М. Горький. Письмо Л. Н. Андрееву
от 15 декабря 1900 г. //*

*Литературное наследство. Т. 72. Горький
и Леонид Андреев. Неизданная переписка, 1965*

Предлагаем поразмышлять над тем, почему Горький остановил свое внимание на двух функциях рассказа: на том, что рассказ предназначен воссоздать некую модель всего мира, и на том, что воссоздание происходит на основе принципа метонимического построения (часть мира выступает в значении целого мира).

Познакомьтесь с рассказом А. М. Горького «Как поймали Семагу» (1895).

Как поймали Семагу

Семага сидел в кабаке, один за своим столиком перед полбутылкой водки и поджаркой за пятиалтынный.

В прокопченном табачным дымом подвале с каменным сводчатым потолком, освещенным двумя лампами, подвешенными к нему, и лампой за стойкой, было страшно накурено, и в тучах дыма плавали темные, рваные, неопределенные фигуры, ругались, разговаривали, пели и дела-

ли все это очень возбужденно, очень громко и с полным сознанием своей безопасности.

На улице выла суровая вьюга поздней осени, носились крупные липкие хлопья снега, а в кабаке было тепло, привычно пахуче и шумно.

Семага сидел и зорко сквозь пелену дыма наблюдал за дверью, особенно зорко, когда она отворялась с улицы и в кабак входил кто-нибудь. Он в этом случае даже нагибался несколько вперед своим крепким и гибким корпусом, а иногда приставлял к бровям ладонь руки, как щит, и долго пристально всматривался в физиономию вошедшего — на что у него были весьма основательные причины.

Рассмотрев нового гостя подробно и, очевидно, убедившись в том, в чем ему нужно было убедиться, Семага наливал себе новую рюмку водки, опрокидывал ее в рот и, насадив на вилку с полдюжины кусков картофеля и мяса, отправлял ее вслед за водкой и долго, медленно жевал, смачно чавкая и облизывая языком свои щетинистые солдатские усы.

От его мохнатой большой головы на серую и сырую стену падала странная взъерошенная тень, и, когда он жевал, она содрогалась; это было похоже на то, как бы она кому-то усиленно, но безответно кланялась.

Лицо у Семаги было широкое, скуластое, бритое, глаза большие, серые, прищуренные, над ними темные мохнатые брови, и на левую бровь спускался, почти прикасаясь к ней, курчавый клочок волос какого-то неопределенного, сивого цвета.

В общем Семагино лицо не возбуждало к себе доверия и даже несколько смущало выражением решимости, напряженной и неуместной даже и посреди той компании и обстановки, среди которой Семага находился.

На нем было надето рваное драповое пальто, подпоясанное веревкой, рядом с ним лежала шапка и рукави-

цы, а к спинке стула он приставил свою дубинку, довольно внушительных размеров, с шишкой из корня на одном конце.

И так он сидел, кейфовал и, допив свою водку, соби-рался спросить еще, как вдруг дверь с дребезгом и визгом распахнулась, и в кабак вкатилось что-то круглое, лохматое и похожее на большой раздерганный пук пак-ли, — вкатилось и закричало по-детски звонко и очень возбужденно:

— Стрема! Подбирай голяшки, дяденьки!

Дяденьки все вдруг осеклись, замолкли, озабоченно засуетились, из среды их раздался густой и несколько смущенный вопрос:

— Не врешь?

— Лопни глаза, с обеих сторон валят. Конные и пех-турой... Двое частных, околодошники... множество!

— А кого им надо, не знашь? Не слыхал?

— Семагу, должно. Никифорыча про него спрашива-ли... — звенел детский голос, в то время как шарообраз-ная фигурка его обладателя суетилась под ногами дяде-нек, все ближе подкатываясь к стойке.

— Рази Никифорыч попал? — спросил Семага, напя-ливая на свою мохнатую голову шапку и неторопливо поднимаясь со скамьи.

— Втюрился... сейчас цопнули.

— Где?

— В Стенке у тетки Марьи.

— Ты оттуда, что ли?

— Э-э! Я огородами задал лататы да сюда; а сейчас улепетну в Баржу, там, чай, тоже есть кто.

— Валяй!

Мальчик мгновенно выкатился вон из кабака, и вслед ему раздался укоризненный возглас сидельца, благообраз-ного седенького старичка Ионы Петровича, богобоязнен-ного и сухенького человечка в больших очках и в чер-ненькой скуфейке.

— Экая протобестия, иудин сын! А? Хамово окаянное семя! На-ко? Целую тарелку слизал!

— Чего? — спросил Семага, идя к двери.

— Печенки... все с тарелки-то счистил. И как ему, анафемскому змеенышу, доспелось? Хап — и чисто!

— Ну, разорил он тебя! — сурово заметил Семага, скрываясь за дверью.

Вьюга, сырая и тяжелая, глухо шумела, крутясь над улицей и вдоль ее, мокрые хлопья снега летали в воздухе такой густой массой, точно каша кипела и пенилась.

Семага постоял на одном месте с минуту и прислушался, но ничего не было слышно, кроме тяжелых вздохов ветра да шуршания снега о стены и крыши домов.

Тогда Семага пошел и, пройдя шагов с десять, перелез через забор на чей-то двор.

На него залаяла собака — и, как бы в ответ на ее лай, где-то фыркнула и стукнула копытом лошадь. Семага решительно перекинулся вновь на улицу и пошел по ней, направляясь к центру города, уже быстрее.

Через несколько минут, услышав впереди себя какой-то глухой шум, он снова метнулся через забор, благополучно прошел по двору, дошел до отворенной калитки в сад и вскоре, без приключений миновав еще несколько заборов и дворов, шел по улице, параллельной той, на которой стоял кабак Ионы Петровича.

Идя, Семага думал о том, куда бы ему отправиться, но не мог ничего придумать.

Все надежные места в эту ночь, когда черт дернул полицию делать обход, являлись уже ненадежными, а провести ночь на улице в такую пургу, с риском попасть в лапы обхода или ночного сторожа, — это не могло улыбаться Семаге.

Он шел медленно и, сощутив глаза, смотрел вперед себя в белую муть вьюжной ночи — из нее навстречу ему выползали молчаливые дома, тумбы, фонарные столбы, деревья, и все это было облеплено мягкими комьями снега.

Странный звук раздался в шуме вьюги — точно будто тихий плач ребенка где-то впереди.

Семага остановился и, вытянув шею вперед, стал похож на хищного зверя, насторожившегося в предчувствии опасности.

Звуки замерли.

Семага качнул головой и снова начал шагать, глубже нахлобучив шапку и вобрав голову в плечи, чтобы меньше снега нападало за воротник.

У самых ног его что-то запищало. Он вздрогнул, остановился, наклонился, пошарил руками на земле и выпрямился, отряхав что-то, завязанное в узел, от снега, засыпавшего эту находку.

— Вот так фунт! Ребенок... Ах ты, сделай милость! — в недоумении прошептал он, поднося находку к своему носу.

Находка была теплая, шевелилась и была вся мокрехонька от растаявшего на ней снега.

Рожица у нее была намного меньше Семагиного кулака, красная, сморщенная, глаза закрыты, а маленький рот все открывался и чмокал. С мокрых тряпок на лицо и в этот беззубый ротик текла вода.

Семага совершенно отупел от недоумения, но, чтоб избавить ребенка от неприятной необходимости глотать снежную воду, — догадался, что нужно оправить тряпки, и для этого перекувыркнул ребенка вниз головой.

Тому это, должно быть, показалось неудобным, и он жалобно запищал.

— Нишкни! — сказал Семага сурово. — Нишкни! А то и те задам. Я чего вот с тобой сделаю?

— А? Куда мне тебя нужно? А ты реवेशь? Ишь ты, дурачина.

Но на находку Семаги нисколько не подействовала его речь — ребенок все пищал и так жалобно, так тихо, что Семаге сделалось неловко.

— Это, брат, как хошь! Я понимаю, что тебе мокро и

холодно... и что ты мал ребенок. Но, иначе, куда ж я тебя дену?

Ребенок все пищал.

— Совсем даже мне некуда тебя девать, — решительно сказал Семага, закутал свою находку плотнее в тряпки и, наклонившись, положил ее на снег.

— Так-то вот. А то куда ж я тебя дену? Я, брат, и сам вроде как подкидыш в моей жизни.

Прощай, значит... Больше никаких!

И, махнув рукой, Семага пошел прочь от ребенка, ворча про себя:

— Кабы не обход, мог бы я тебя куда ни то сунуть. А то вон — обход. Что я тут могу сделать? Ничего, брат, не могу. Прости, пожалуйста. Невинная ты душа, а мать твоя — шкуреха.

— Кабы мне ее узнать, я бы ей ребра обломал и все печенки отбил. Чувствуй и понимай, да вдругорядь не дури. Знай край, да не падай. Эх ты, дьяволица треклятая, проклятая душа, ни дна бы тебе, ни покрышки, чтоб тебя земля не приняла, анафемскую дочь, чтоб тебя тоска-сухотка измаяла! А! Родишь? Бросаешь под забор? А за косы хочешь? Да я тебя... свинья ты! Должна ты понимать, что в такую пургу да мокроть нельзя ребят по улицам швырять, потому они слабые, как в рот снегу нанесет — они и задохнутся. Ду-ура, выбери сухую ночь и бросай свое дитя. В сухую ночь и проживет оно дольше и, главная вещь, увидят его люди. А разве в такую ночь люди ходят по улицам?.. Э-эх ты!

Когда именно, в каком месте своей реплики Семага воротился к находке и снова взял ее на руки, он этого не заметил в увлечении своим негодованием по адресу матери подкидыша. Он сунул его себе за пазуху и, снова на все корки отчитывая мать, двинулся вперед, охваченный чем-то тоскливым, смятенный и от жалости к ребенку, уже и сам жалкий, как ребенок.

Находка слабо возилась и глухо пицала, придавлен-

ная тяжелым драпом пальто и могучей рукой Семаги. А под пальто у Семаги была только одна рваная рубаха — отчего скоро Семагина грудь почувствовала живую теплоту маленького ребячьего тельца.

— Ах ты, живой! — ворчал Семага, идя сквозь снег куда-то вперед по улице. — Нехорошо твое дело, братец мой! Потому куда мне тебя? Вот оно что! А мать твоя... ты не возись, лежи! Вывалишься.

Но он возился, и Семага чувствовал, как сквозь дыру в рубахе теплое личико ребенка трется о его, Семагину, грудь.

И вдруг Семага, как пораженный, остановился и громко прошептал:

— А ведь он это грудь ищет! Матернюю грудь... Господи! Матернюю грудь?!

Семага задрожал даже от чего-то — не то от какого-то стыда, не то от страха — от странного и сильного, больно и тоскливо щемящего сердце чувства.

— Я... как бы мать! Ах ты, братец мой! Ну, и чего же ты ищешь? И что ты со мной делаешь?.. Я, брат, солдат, вор я, коли говорить правду...

Ветер шумел глухо и так тоскливо.

— Заснул бы ты. Ты засни. Ну, баю. Спи! Ничего, брат, не вычмокаешь. Спи ты... Я те песню спою. Мать бы спела. Ну, ну, ну... О, о, о! Баю, бай... Я не баба. Спи!

И Семага вдруг тихо и, насколько мог, нежно и протяжно запел, наклонив свою голову к ребенку:

Ты, Матанька, дура, шкура,
Не велика ты фигура.

Это он пел на мотив колыбельной песни.

Белая муть на улице все кипела, а Семага шел по тротуару с ребенком за пазухой, и в то время как ребенок, не умолкая, пищал, вор сладко над ним мурлыкал:

Как приду я к тебе в гости,
Обломаю тебе кости.

И по его лицу от глаз текло что-то — талый снег, должно быть. Вор то и дело вздрагивал, у него щекотало в горле и щемило в груди, и было ему до слез тоскливо идти по пустынной улице, среди вьюги, с этим ребенком, пищавшим за пазухой.

Он все шел однако...

Сзади его раздался глухой топот копыт, показались в мутной мгле силуэты всадников, и вот они поравнялись с ним.

— Кто идет?

— Что за человек? — раздались сразу два оклика...

Семага дрогнул и остановился.

— Что несешь, говори, — подъехав вплотную к тротуару, спросил его один всадник.

— Несу-то? Ребенка!

— Кто таков?

— Семага... Ахтырский.

— Приятель! А тебя ведь и искали! Ну-ка, айда, становись к морде лошади!

— Нам надо сторонкой идти. За домами-то меньше дует. А середь дороги нам не с руки. Мы и так уж.

Полицейские едва поняли его и позволили идти сторонкой, а сами поехали рядом, не сводя с него глаз. Так он и шел вплоть до части.

— Ага! Попал, сокол. Ну, вот и отлично! — встретил его частный пристав в канцелярии.

Семага тряхнул головой и спросил:

— А как же теперь ребенок? Куда мне его?

— Что? Какой ребенок?

— Подкидыш. Нашел я. Вот.

И Семага вытащил из-за пазухи свою находку. Она дрябло перегнулась на его руках.

— Да он мертвый уж! — воскликнул частный пристав.

— Мертвый? — повторил Семага и, посмотрев на ребенка, положил его на стол.

— Ишь ты, — сказал он и, вздохнув, добавил: — Сразу бы мне его взять. Может бы, он и не того... А я не сразу. Взял да опять положил.

— Ты чего ворчишь? — с любопытством спросил частный.

Семага сумрачно оглянулся вокруг себя.

Со смертью ребенка в нем умерло многое из того, с чем он шел по улице.

Вокруг него была казенщина, впереди тюрьма и суд. Семаге стало обидно. Он укоризненно взглянул на трупик ребенка и со вздохом проговорил:

— Эх ты! Задарма, значит, я втрескался из-за тебя! Я думал и впрямь... ан ты и умер. — Штука!

И Семага ожесточенно стал скрести себе шею.

— Увести! — приказал частный пристав полицейским, кивая на Семагу головой.

И увели Семагу под арест.

Вот и все.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Подберите определение, которым можно передать ваше впечатление от рассказа. Можно ли было предположить финал рассказа?
2. Как вы считаете, способен ли «бывший человек» на чувство? Совпадает ли ваше предположение с авторским отношением к герою?
3. Почему из всех возможных финалов М. Горький остановился на гибели ребенка?
4. Напрасен ли «подвиг» героя? Докажите свою точку зрения.
5. В чем смысл названия рассказа? В чем многозначность «как» в названии рассказа?
6. «Вот и все» в финале рассказа — это авторская «ирония» или «закономерный» финал рассказа М. Горького?
7. Чем рассказ «Как поймали Семагу» отличается от сюжетной схемы известных вам рассказов

А. П. Чехова, И. А. Бунина и др.? Почему его сюжеты называют «вывернутыми наизнанку»? Выявите сходство и отличие героя рассказа «Как поймали Семагу» с героями рассказа «Челкаш».

«Физиология» очерка М. Горького

Рассказ «Книга» входит в цикл М. Горького «По Руси», который создавался писателем в 1912—1917 годах. Отдельные рассказы сборника Горький написал в Италии, на острове Капри, в период первой эмиграции. По определению самого автора, жанровая установка цикла — художественный бытовой очерк.

Что нужно знать о жанре очерка?

1. Очерк — эпический жанр, широко распространенный в литературе наряду с рассказом. Подобно другим жанрам публицистики, очерки могут включать и художественные образы, но вымысел не должен нарушать точности изображения явлений, ради информации о которых пишется очерк. К художественной литературе наиболее близки очерки, называемые беллетристическими или художественными. Обязательная, неотъемлемая часть их — художественные образы. Таковы очерки из цикла «По Руси» М. Горького. В очерке, в отличие от рассказа, отражается не разрешение конфликта в действии, а процесс ознакомления с явлениями, последовательность их анализа, ход размышлений. В цикл «По Руси» входят бытовые очерки. Сам Горький любил называть себя «бытовиком».

2. Проблема композиции очерка сложная, но от ее успешного решения зависит, получится ли очерк, прочтут ли его читатели, найдет ли он отклик в сердцах людей. Если композиционная форма очерка — это строительный материал жанра, то концепция является не только идеей жанра, но и его публицистическим наполнением. В очерке большое значение имеют приемы и методы композиционного по-

строения материала. «Слова "построение" и "организация" означают очень многое. Речь идет не только об отборе жизненного материал, но и о его планировке, расположении, монтаже, не только о «пригнанности», прочной стыковке частей и элементов материала, но и об их количественном соотношении. Речь идет также о необходимом балансе в отношении фактов и комментарием, о сочетании внутреннего мира героев и внешнего фона, главного и второстепенного, частного и общего, о принципе соподчинения и субординации фактов и обобщений, логике их причинно-следственных связей, временной и пространственной организации материала, о внутреннем единстве разных ритмов, тональностей, интонации и о многом другом».

*Т. А. Беневоленская.
Композиция газетного очерка, 1975*

3. Очерки писателя представляют собой сложный синтез и единство разностороннего жизненного материала, которые в его творчестве нашли глубокое объективное изображение, «растворяемость» авторского «я» в деталях и в целом.

4. Общеупотребительная лексика лежит в основе художественно-изобразительных средств — эпитетов, сравнений, метафор. Смысловая особенность тропов в языке М. Горького заключается в том, что писатель «заимствует» материал непосредственно из окружающей персонажей среды. Индивидуально-горьковские сравнения, эпитеты и метафоры имеют национальную основу: их источником является устное народное творчество. А. М. Горький обогатил арсенал языковых изобразительно-выразительных средств новыми сочетаниями и конструкциями, новыми нюансами и смысловыми контрастами, ставшими достоянием литературного языка (например, «свинцовые мерзости» и др.).

5. Структура диалога в очерках М. Горького отличается спецификой особого «переплетения» мыслей и слов авторского повествования и речи персонажей, чему частично способствует наличие сильного авторского голоса почти во всех

произведениях писателя. Это дает основание в известной мере говорить о языке произведений М. Горького как о едином целом, «разноголосом», но монолитном по цели и задачам высказываний.

Л. В. Дербенцева

Познакомьтесь с художественным бытовым очерком писателя «Книга».

Книга

В парке, у стены маленькой старой дачи, среди сора, выметенного из комнат, я увидел растрепанную книгу; видимо, она лежала тут давно, под дождями осени, под снегом зимы, прикрытая рыжей хвоей и жухлым прошлогодним листом. Теперь, когда весеннее солнце высушило ее страницы, склеенные грязью, уже нельзя было прочитать, о чем говорят поблекшие линии букв.

Я пошевелил ее носком сапога и пошел дальше, думая о том, что, может быть, это — хорошая, сердечно написанная книга и немало людей, читая ее, волновались, спорили, учились думать; может быть, кого-то она оплодотворила новой мыслью и многих, в холодные часы одиночества, согрела своим теплом.

Мне вспомнилось, каким добрым другом была для меня книга во дни отрочества и юности, и особенно ярко встала в памяти жизнь на маленькой железнодорожной станции между Волгой и Доном.

Станция стояла в степи, скудно покрытой серыми былинками, в пустоте и тишине, нарушаемой зимою унылым пением снежных вьюг. Летом на станции ныли комары, в рыжей степи насмешливо и тихо свистели суслики, в небе, мутном от зноя, молча кружились коршуны и белые луны.

Бывало, смотришь с перрона в степь, над пустою землей, в свинцовой дали струится марево, на бугорках, около своих нор, стоят суслики, приложив к остреньким

мордочкам ловкие передние лапки, точно молятся. А больше никого нет, — дышишь пустотою, и сердце жалобно сжимается от скуки.

Лишь изредка мохнатые чабаны, похожие на святых отшельников с картин, проведут с юга на север отару овец и в тишине степной взвиваются их странные крики:

— Р-ря-о! Р-ря-у...

Подует ветер, осыплет станцию мелким горячим песком, принесет печальное клохтанье дробы, свист грызунов, — и снова тихо, и жизнь кажется бесконечным сном.

Где-то, в степных балках, прятались казачьи хутора; позади станции, верст за пять, к Волге, прикурнула на неплодной земле деревня — Пески; оттуда к нам зимою приходили бойкие девицы очищать от снега станционные пути, а по ночам на станцию являлись их братья и отцы воровать щиты на топливо и товар из вагонов.

Особенно тяжело жилось в жаркие летние ночи: в тесных комнатах — нечем дышать, духота и комары не позволяют уснуть; все население станции вылезало на перрон и неприкаянно шлялось повсюду, заводя от скуки ссоры, раздражая дежурных воющими зевками, жалобами на бессонницу и нездоровье, нелепыми вопросами. По двору, точно лунатики, ходят женщины в белых одеждах, босые, с растрепанными волосами; курится костер, прикрытый сырым тальником; в безветренные ночи дым костра встает к небу серым столбом, не отгоняя комаров, — они роятся в мертвых заводях Волги и тучами летят сюда, в сухую степь, на муку людям и на свою гибель.

В глухой тишине, далеко где-то и точно под землю, рождается тяжелый шорох, растет, окутывает станцию железным гулом; поют рельсы, трясутся лампы; кто-нибудь дремотно говорит: «Тринадцатый идет...»

На краю степи в черную кожу тьмы вонзился красный луч, ранил ночь, и по земле растекается влажное пятно света, напоминая кровь. Медленно приближаясь, луч дво-

ится, и вот он стал похож на чьи-то желтые жуткие глаза, они дрожат в гневном возбуждении, — к трем домикам станции ползет из глубины ночи некое злое чудовище, угрожая гибелью. Знаешь, что это — товарный поезд, но хочется представить себе другое. Хотя бы страшное, но другое.

Пассажирыские поезда, пробегая мимо станции, только усиливают впечатление неподвижности жизни, углубляют сознание отрезанности от нее.

Остановится поезд на минуту — из окон вагонов, как портреты из рам, смотрят на тебя какие-то люди; вспыхивают, точно искры в темноте, загадочные глаза женщин, трогая сердце теплыми лунами мимолетных улыбок.

Сердитый свисток — и в облаке пара поезд скользит дальше, лица людей в окнах вагонов странно искажаются, вытягиваясь вбок, все в одну сторону.

К этому мельканию жизни быстро привыкаешь; мимо тебя ежедневно проезжают одни и те же машинисты, кочегары, кондуктора; кажется, что и люди всегда одни и те же, — они стали неразличимы, точно комары.

На станции служило одиннадцать человек, четверо семейных. Все жили точно под стеклянным колпаком, о каждом было известно все, чего не нужно знать о человеке, и каждый знал обо всех остальных все, что хотел и не хотел знать. Все ходили друг перед другом словно голые; человек при первом удобном случае публично выворачивался наизнанку, понуждаемый скукой к нечистоплотным откровенностям и покаяниям.

Играли в карты, страшно пили водку, порою, обезумев от пьянства и тоски, поражали друг друга дикими выходками.

Однажды вечером сторож Крамаренко, молодой, красивый мужик, подошел под окно квартиры смазчика Егоршина, лысенького и богомольного старика, женатого на сироте-казачке, женщине большой и молчаливой, — подошел, разделся донага и стал орать в окно...

Казачка, стиравшая белье, выплеснула на грудь ему ковш кипятку; он завыл и убежал в степь, а Егоршин начал бить жену гаечным ключом. Люди отняли женщину, хотели отправить ее в город, в больницу, но казачка отказалась.

— Не надо, сама виновата, зачем ласково смотрела на него, — говорила она, лежа на дворе, обмотанная кровавыми тряпками, широко открыв синие глаза и облизывая губы маленьким языком. И дважды спросила тихонько:

— Больно я его обварила?

— Ой, бесстыжая, — шептались женщины и девицы.

Егоршин заперся в квартире и молился, стоя на коленях в луже мыльной воды. Люди смотрели на него в окно и ругали старика.

Утром на другой день Крамаренко взял расчет и пешком ушел со станции куда-то к Дону; шел он вдоль линии дороги странно прямо, высоко подняв голову, как солдат на параде.

А через несколько дней и Егоршин перевелся на другую станцию.

— Это, брат, не поможет тебе, — сказал ему Колтунов, помощник начальника станции, прощаясь с ним. — Тебе в землю надобно переводиться; от горя никуда, кроме как в землю!..

Это был странный человек — Петр Игнатьевич Колтунов. Всегда полупьяненький, болтливый, он, должно быть, имел какие-то свои догадки о жизни, но выражал их неясно, и даже казалось, что он не хочет быть понятым.

Сухонький, тощий, он постоянно встряхивал вихрастой, рыжей головой и, прикрывая серые глаза золотистыми ресницами, опрашивал нас — меня, весовщика станции, и товарища моего, телеграфиста Юдина, горбатого и злого:

— Какому богу служите, ребята, а? Потеха!

Или вопрошал сам себя:

— Разве я для того родился, чтобы меня комары ели?

Мы, я и телеграфист, часто и горячо говорили о будущем, он смеялся над нами:

— Потеха! Вы спросите меня: что будет через десять лет, в сей день и час? Я вам верно скажу: то же самое! А через двадцать пять? И тогда — то же самое...

Когда я с Юдиным начали читать Спенсера, он, послушав, спросил:

— Англичанин?

— Да.

— Ну, значит, врет! Англичанин правду никогда не скажет.

И не стал слушать Спенсера.

Иногда Колтунова одолевали припадки нелепого упрямства: он крутил пальцами обгрызенные усы и тоненьким, нервным голосом настойчиво старался убедить нас, что «Пан Твардовский» написан лучше «Фауста», а Тургенев — барышничал лошаадьми. Или кричал, высоко взмахивая правой рукою:

— Все наши писатели — не русские: Пушкин — сын араба, Жуковский — турчанки, Лермонтов — англичанин! А которые русские, так они все незаконнорожденные...

Он был сын священника из Тургайской области, учился в Тамбовской семинарии.

— Выучился водку пить, — пошел в университет, в Казань, — рассказывал он, и его серые глаза уныло зеленели. — В нетрезвом состоянии души надел профессору шубу, шапку и пропил сию арматуру. Потеха! Ну, мне предложили освободить университет. Ушел, лет пять присматривался к разным делам и незаметно очутился женат. С того времени — стоп машина!

Жена ушла от него; он жил с дочерью, шестилетней рыженькой девочкой, спокойной и серьезной, как взрослый человек. Ее бледное, неподвижное личико словно пряталось в золоте кудрей, темные глазки смотрели на все сосредоточенно, улыбалась она редко. Все население

станции любило ее какою-то особенной любовью, боязливой и осторожной; мужчины при ней тише ругались, женщины ставили ее в пример своим детям.

— Смотри, вон какая Верочка смирененькая да аккуратная...

Отец звал дочь по имени и отчеству — Вера Петровна; он относился к ней непонятно — с любопытством и как будто с боязнью, за которую скрывалась враждебность.

...По тесным путям станции маневрирует локомотив, входит поезд с Дона или Волги, а Вера Петровна, в белом платочке на золотых кудрях, не спеша идет через рельсы; между локомотивами мелькают ее тонкие ножки в красных нитяных чулках. Она идет в скупую степь собирать бедные цветы, бегать за сусликами с таловым прутом в руке.

Отец следит за нею из окна станции или с перрона и кусает усы, прикрыв золотыми ресницами воспаленные глаза.

— Запретить бы ей ходить по путям, — говорят ему. Но он равнодушно отвечает:

— Ничего, она — осторожная...

Смотришь, бывало, как она одиноко расхаживает по пустой земле, за версту от станции, кланяясь редким цветам и травам, и все больше не нравятся ее отец, станция, люди — вся эта скучная, полусонная жизнь...

Не раз по ночам она прибежала ко мне, окутанная с головы до ног большой серой шалью, похожая на летучую мышь, и говорила торопливо, но спокойно:

— Иди, отец опять назюзюкался до смерти!

Схватив ее на руки, я бежал на квартиру Колтунова.

Он валялся на полу синий, со вздувшимся лицом, вытаращенными глазами, похожий на утопленника. Несколько капель нашатырного спирта с водою, влитые ему в горло, оживляли его, он мычал, а девочка убийственно спокойно спрашивала:

— Еще не до смерти?

И, садясь на пол, у головы отца, гладила его рукою по шершавой щеке, приговаривая:

— Ах, какая пьяница несчастная!..

Юдин, любивший девочку больше, чем другие, мечтал:

— Если бы у меня была мать или какая-нибудь дуреха согласилась бы выйти замуж за горбатого, я бы выпросил Верочку себе. Зачем она Колтунову?

Он был зол, дерзок, склонен к пессимизму, но где-то в глубине его души теплились тоска о лучшей жизни и нежное сострадание к людям.

— Как жалко всех! — вздыхал он иногда, ночью, во время дежурства, когда мы, прочитав какую-нибудь книгу, говорили о ней. — Как жалко людей!..

Это чувство он бесплодно тратил на уход за пьяными и больными, на примирение семейных ссор и на убедительные письма товарищам своим, телеграфистам линии. Одному он советовал жениться, другому — играть на скрипке, третьего уговаривал идти в колонию толстовцев.

Когда я немножко смеялся над ним за это, он резко возражал:

— А что делать? Что можно делать в этой рыбьей жизни?!

Мы оба были страстными любителями чтения, мы читали книги с ненасытной жадностью, день и ночь, в свободные часы. Книги были для нас просветами в мир действительной жизни из мира мертвой пустоты.

Но очень быстро мы проглотили все книги, какие нашлись на шести станциях между Волгой и Доном, и вот наступила для нас полоса духовного голода, — муки его знакомы только тем, кто жил в пустотах нашей страны, задыхался в густой скуке ее равнин. Нечем жить, — это, кажется, самое жуткое ощущение, испытанное мною.

Долго маялись мы в поисках хороших книг, но не находили ничего, кроме романов Окрейца, старой «Нивы» и тому подобной нищеты.

Колтунов издевался над нами:

— Что, ребята, издыхаете? Потеха! И однажды, сжалившись, предложил:

— У меня в Калаче знакомый есть, он выписывает журнал. Хотите — попрошу?

Мы стали умолять его; он, посмеявшись, согласился, и через несколько дней кондуктор пассажирского поезда вручил Колтунову пакет и письмо.

— Вот он, журнал! — сказал Колтунов, победоносно взмахнув пакетом, но, прочитав письмо, закусил усы, оглянулся и, сунув пакет под мышку, плотно прижал его локтем.

— Ну, давай сюда, — попросил Юдин, радостно улыбаясь большим ртом.

Колтунов приподнял плечи и тоном начальника заявил:

— Успеешь, не лезь!

Юдин удивился, отступил на шаг, они были приятелями, и Колтунов никогда не говорил так грубо.

— Я схлопотал — мне и читать первому, а вы — после! — добавил Колтунов сухо и сердито.

Это и меня обидело, раньше читали вслух, все вместе, или читал тот, у кого было свободное время. Книгу держали всегда на виду, в телеграфной.

— Ты что форсишь? — спросил Юдин, а Колтунов ответил еще более сердито:

— Отстань! Я хочу читать для отдыха души, а не для спора да вздора.

Читать надо молча, а вы рассуждаете: отчего так, зачем не этак! Надоело мне это! Я хочу один читать, — и убирайтесь к черту!

Он запер книгу в ящик своего стола и до конца дежурства не разговаривал с нами, гневно озираясь, словно испуганный чем-то. Когда он, кончив дежурство, уходил к себе, Юдин сказал ему:

— Ляжешь спать, положи книгу на видном месте, я зайду, возьму ее...

Он не ответил, только усмехнулся. Около полуночи Юдин предложил мне:

— Пойди-ка, возьми книжку, он, наверное, дрыхнет уже.

Днем часа полтора непрерывно хлестал землю обильный дождь, затем снова на вымытом небе явилось знойное солнце, щедро согрело землю, — теперь в степи было темно и душно, как в бане. Среди черных туч, в глубоких синих ямах, тускло светились золотые звезды, — в эту ночь все они казались угасающими. Предо мною, как бы указывая путь, прыгала лягушка; вдали гудел поезд; с водокачки доносилась тихая песня кочегара-еврея, косяглазого человека, с печальной улыбкой на красных губах, — кажется, ничто не могло стереть эту улыбку с его острого смуглого лица. Из окна квартиры Колтунова изливался желтый свет, падал на землю, показывал в темноте штабель шпал и тонкий ствол тополя. Сквозь кисею, натянутую в раме окна, я видел Колтунова: он сидел за столом в ночном белье, облокотясь, согнувшись, запустив пальцы в рыжие волосы. Его острый небритый подбородок судорожно вздрагивал, и на книгу, лежавшую между локтями, капали слезы, — при свете лампы было хорошо видно, как они падали одна за другою, — мне казалось, что я слышу мокрые удары о бумагу. Нехорошо видеть человека, когда он плачет...

Кроме лампы, на столе стояла едва початая бутылка водки и тарелка с куском соленого арбуза. В плетеном кресле спала девочка, свернувшись калачиком; лицо ее, было сплошь закрыто кудрями, виден только рот, удивленно открытый. Глубже в комнате было так же темно, как в степи, а освещенное пространство напоминало пещеру в черной горе.

Колтунов выпрямился, посмотрел в окно. Его незначительное лицо, обтаяв в слезах, казалось еще меньше и незначительнее. Вот он поднял книгу над лампой и стал сушить слезы: посушив и потрогав пальцем страницу, снова качает книгу над огнем, а из глаз его все катятся слезы, застревая в усах.

Я ушел встречать поезд и, встретив, сказал Юдину:

— Не спит, все еще читает...

— Скотина! — ворчал телеграфист, выстукивая отправление. — Приятель!

Все мы приятели до первого вкусного куска.

Перед рассветом я снова стоял под окном, разглядывая сквозь кисею маленького рыжего человечка. Он, должно быть, спал: голова опустилась на грудь, руки бессильно лежали на коленях. Лампа погашена, но горит свеча в медном подсвечнике, золотое копые огня двукратно отражается в стекле бутылки, — водки не убавилось. Комната еще темнее, чем была прежде, девочки нет в кресле, а закрытая книга лежит на углу стола, близко к подоконнику.

Я тихонько прорвал кисею, просунул руку в дыру. Колтунов вскочил на ноги, схватил подсвечник, размахнулся и заорал диким голосом:

— Прочь! Убью!

Свеча погасла, но я все-таки видел незнакомое, искаженное лицо, тотчас утонувшее во мраке. Через минуту он спокойно и грубо спросил:

— Это кто?

— Я. За книгой.

— Не дам...

Я постоял под окном еще минуту, глядя в степь, на восток. Там, за тучами, всходило солнце; на желтом пятне зари маячил маленький черный всадник; по земле за ним серым облаком ползла отара овец.

Все это — знакомо, все это было. Как хорошо смотреть в книгу и видеть перед собою другую жизнь!..

Дня четыре Колтунов дразнил нас книгой: принесет ее на станцию и читает один, а когда мы попросим — издевается:

— Встаньте на колени — дам!

Юдин увещевал его:

— Дурак, вспомни, сколько мы давали тебе книг!

- Ну, так что?
- Ты читал же с нами?
- Вставай на колени!

Он был противен и жалок, он сам, видимо, чувствовал это и, наперекор себе, все более упрямо дразнил нас. Читает и время от времени издает разные восклицания.

— Потеха! Вот как!

Эти словечки еще более распалили наше любопытство, нашу жажду познакомиться с книгой. Мы так невзлюбили его, что даже на девочку перенесли чувство, вызванное ее отцом. И, когда она, любимая, подбегала к нам, мы холодно отстраняли ее, надеясь хоть этим досадить ее отцу.

Я до сего дня помню, с каким недоумением смотрели на меня и Юдина темные глазки девочки, как вздрагивал, в улыбке огорчения, ее алый рот, похожий на цветок.

И Колтунов видел это. Но он только усмехался и дергал себя за усы нервным движением руки.

— Хочется почитать, мальчишки? — спрашивал он, пряча книгу в стол.

— А я не дам...

— Ударю я его, — грозил Юдин, задыхаясь и бледнея. — Вот что: книгу эту не брать у него, хоть и даст, — не брать! Ладно?

Я соглашался:

- Ладно.
- Даешь слово?
- Даю.

Смешно вспомнить об этом теперь, но в те дни я искренно страдал и боялся чего-то, потому что в груди порою вскипала такая ненависть к человеку, что от нее кружилась голова и перед глазами мелькали красные пятна.

Вся станция видела, что мы, трое друзей, поссорились, все слышали, как Колтунов издевался над нами, все чего-то ждали от нас и что-то внушали нам, безмолвно, пытливymi взглядами, усмешками.

Кончилось это очень просто: утром Колтунов пришел на дежурство, бросил журнал Юдину и сказал:

— На, читай...

Телеграфист схватил книгу на лету и тотчас молча воткнул большой нос в оглавление.

Ночью я читал вслух Юдину незначительный рассказ о том, как хорошая женщина ушла от дурного мужа на работу для общества, для мира, — читал и думал: «Над этим, что ли, плакал Колтунов?».

Вдруг он ввалился в дверь и заорал, цепляясь руками за косяки:

— Н-не смей читать!

Ноги у него подгибались, он был безобразно пьян и дико таращил красные, мокрые глаза.

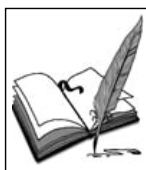
— Н-не смей... Никто не понимает ничего... и те, кто пишут, и все...

Опустился на пол, протягивая нам руки и вскрикивая:

— Молчать!.. Не читать!..

А в двери, за его спиной, стояла маленькая девочка, Вера Петровна, в расстегнутом платице, сползавшем с плеч, босая и встрепанная, — ее рыжие кудри поднимались вверх, как пламя, — стояла и тусклым голосом спрашивала:

— Зачем вы его обидели?

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Попробуйте охарактеризовать ваше впечатление после чтения текста? Менялось ли оно в процессе чтения? На что «настраивается» читатель, который в названии видит слово «Книга»?

2. Как бы вы представили сюжетную схему рассказа? Есть ли, по вашему мнению, какие-то особенности в построении рассказа? Отличается ли он от рассказов других писателей? Попробуйте объяснить, зачем и почему происходит изменение в художественном времени рассказа (вступление написано в

настоящем времени — «забытая и выброшенная кем-то книга», затем — воспоминание о событиях, когда книга лично для него имела небывалую ценность, а остальное повествование обращено к этим событиям, к прошлому). Можно ли утверждать, что кульминацией рассказа является борьба за книгу? Как бы вы определили развязку рассказа?

3. Какой эпизод вам запомнился ярче остальных? Совпадает ли ваше представление о сюжете рассказа с авторским, запечатленным в следующих строках: «воспоминания о тоскливой жизни на затерянной в степи станции, муках духовного голода, наблюдениях за окружающими людьми, моментах радости, когда удавалось раздобыть журналы или книги для чтения, когда реальность можно было отодвинуть чтением; о борьбе за книгу, эмоциональном накале того момента, наконец, о получении книги в свое распоряжение»?

4. Попробуйте представить героев, «живущих» в художественном пространстве и времени, созданными автором с помощью эпитетов и метафор: например, «открытое, бесконечное, необозримое, затерянное «посреди негде», «дышишь пустотой, и сердце жалобно сжимается от скуки», «жизнь кажется бесконечным сном», все кажется «замершим в вечности», «мертвые заводы», «глухая тишина», «пустая земля», «пустоты страны», «густая скука ее равнин» и др.

5. Можно ли предположить, что жизнь героев протекает «от события к событию»? Какие «события» все-таки происходят? Какова природа этих событий? Какова, по вашему мнению, степень обобщения, описываемого в произведении? Как вы думаете, можно ли сказать, что события могли происходить в любое время, в любом месте?

6. Почему в тексте так настойчиво повторяется слово «пустота»? Проследите, внимательно перечитывая рассказ, какие эпитеты и метафоры употребляет автор, чтобы читатель убедился, что в пустоте человеку «нечем жить»? Как «духовная пустота»

соотносится с художественным пространством и временем рассказа?

7. Какой принцип лежит в основе построения художественного произведения? Подтвердите примерами из текста (например, «страшная» действительность и мечта о жизни, которая заключена в книге, и др.).

8. Сгруппируйте «портреты» героев рассказа, подобрав цитатную характеристику к каждой из групп:

— жители казачьих хуторов (отчуждение, сосуществование, привычка и др.);

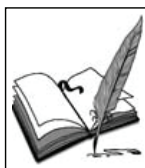
— «любители чтения» (сходство и отличие, происхождение, род занятий, отношение к людям, будущее и др.):

Юдин — телеграфист, говорящая фамилия, отношение автора к герою, контраст в описании: «горбатый и злой» с одной стороны, а с другой: «Как жалко всех! Как жалко людей»,

Колтунов — «переходное звено», причина интереса к чтению, «биография», говорящая фамилия, автор — и наблюдатель, и участник событий. «Борьба» чувств: сострадание и ненависть к людям («В те дни я искренно страдал и боялся чего-то, потому что в груди порою вскипала такая ненависть к человеку, что от нее кружилась голова и перед глазами мелькали красные пятна»);

— образ Вари — «прекрасное», «удивительное», «непонятное», «беззащитное» и «несчастное существо». Поэтическое описание внешности, контраст прекрасного и безобразного, «духовный, нравственный стержень», детская логика в оценке добра и зла, отношение к ней жителей и автора к ней.

9. Как вы думаете, почему образ книги объединяет все сюжетные события?

ВАРИАНТЫ ПИСЬМЕННЫХ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ

1. Какой вопрос больше тревожит писателя: «Как вы живете?» или «Для чего вы живете?».

2. Согласны ли вы с утверждением писателя: «Книга — просвет в мир действительности?»

3. Актуален ли текст для современного читателя? Можно ли утверждать сегодня, что «чтение “незначительных” рассказов — побег от реальности, временное спасение, избавление»?
4. Разделяете ли вы отношение писателя к чтению и книгам: «Я люблю книги: каждая из них кажется мне чудом, а писатель — магом»?
5. Попробуйте сопоставить бытовой художественный очерк «Книга» с очерком «О беспокойной книге» (1900). Как бы вы ответили сегодня писателю М. Горькому на вопрос: «Какая польза человеку от книги, которая беспокоит его и не дает ему спать?»

«Сказка ложь, да в ней намек!»

«**В** мире нет ничего, что не может быть поучительным, — нет и сказок, которые не заключали бы в себе материал дидактики, поучения. В сказках прежде всего поучительна “выдумка” — изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперед факта...» — так начиналось одно из выступлений М. Горького по поводу издания книги «Тысяча и одна ночь».

В памяти каждого человека, когда речь заходит о сказках, возникают помимо фольклорных, хорошо известные с детства литературные сказки. Это, несомненно, П. П. Ершов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, А. Н. Островский и целый ряд писателей XX века. Высоко оценивая фольклорный источник вдохновения для создания авторских сказок, А. М. Горький, писал, тем не менее, «другие» сказки. И в этом смысле он тоже, с одной стороны, следует традиции века девятнадцатого, например сказкам М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, а с другой — создает совсем «иные», по мнению современников, которые в дальнейшем двадцатый век назовет сатирическими (цикл «Русские сказки»), жизнеутверждающими («Сказки об Италии»), полемическими («По Руси»), философскими («Старый год»), социально-педагогическими («Про Иванушку-дурачка»).

Попробуем разобраться, в чем «непохожесть» сатирических сказок М. Горького на другие литературные сказки.

Созданный народом тип Иванушки-дурачка всегда волновал воображение писателей, однако отношение к этому архетипу никогда не было однозначным. Долгое время в литературных сказках сохранялся образ героя, наделенного исключительно фольклорными чертами. Однако в конце девятнадцатого столетия писатели стали отказываться от пересказа или же перелицовки сказок об Иванушке. Развитие получила литературная публицистическая сказка, ярким примером которой служит «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях» (1885) Л. Н. Толстого. Вопреки многим сказкам, отмечающим, что Иван ничего не делает, лежит на печи, ленится, автор акцентирует внимание читателя на крестьянской сущности героя. Однако сатирическая направленность выразилось в авторском отношении к герою: Иван, став царем-работником, как и другие мужики, пренебрежительно относится к возможности работать не только руками, но и головой. «И ушли из Иванова царства все умные, остались одни дураки. Денег ни у кого не было. Жили — работали, сами кормились и людей добрых кормили».

Совсем по-иному воспринял этот образ М. Е. Салтыков-Щедрин, написавший в том же 1885 г. сказку «Дурак». В отличие от Л. Н. Толстого, придавшего своей сказке фольклорный облик (народный язык, использование традиционных элементов: три брата, волшебное умение, царская дочь и др.), М. Е. Салтыков-Щедрин раскрывает свое отношение, не прибегая к фольклорным образцам. На первый план им выдвинуты бескорыстие, безбоязненность, «чужачество» героя, и в связи с этим неумение приспособиться к окружающей среде: «Совсем он не дурак, а только подлых мыслей у него нет — от этого он и к жизни приспособиться не может».

Л. В. Дербенцева

А теперь познакомьтесь с одной из сказок цикла «Русские сказки» М. Горького (1912—1917), которая определяется писателем под номером XIV.

XIV

Лежит смиренно упрямый человек Ванька под повестью, наработался, навозился — отдыхает. Прибежал к нему боярин, орет:

— Ванька, вставай!

— А для че?

— Айда Москву спасать!

— А чего она?

— Поляк обижает!

— Ишь, пострел...

Пошел Ванька, спасает, а бес Болотников кричит ему:

— Дурова голова, чего ты на бояр даром силу тра-тишь, подумай!

— Я думать не привычен, за меня святые отцы-монахи больно хорошо думают, — сказал Ванька.

Спас Москву, пришел домой, глядит — повети нет.

Вздохнул:

— Эки воры!

Лег на правый бок для хороших снов, пролежал двести лет, вдруг — бурмистр бежит:

— Ванька, вставай!

— Чего оно?

— Айда Россию спасать!

— А кто ее?

— Бонапарат о двенадцати языках!

— Ишь его как... анафема!

Пошел, спасает, а бес Бонапарт нашептывает ему:

— Чего ты, Ваня, на господ стараешься, пора бы те, Ванюшка, из крепостной неволи выйти!

— Сами выпустят, — сказал Ванька.

Спас Россию, воротился домой, глядит — на избе крыши нет.

Вздохнул:

— Эки псы, все грабят!

Пошел к барину, спрашивает:

— А что, за спасение России ничего не будет мне?

А барин его спрашивает:

— Хошь — выпорю?

— Нет, не надо! Спасибо.

Еще сто лет поработал да проспал; сны видел хорошие, а жрать нечего. Есть деньги — пьет, нет денег — думает:

«Эхма, хорошо бы выпить!..»

Прибежал стражник, орет:

— Ванька, вставай!

— Еще чего?

— Айда Европу спасать!

— Чего она?

— Немец обижает!

— И что они беспокоятся, тот да этот? Жили бы...

Пошел, начал спасать — тут ему немец ногу оторвал. Воротился Ванька на одной ноге, глядь — избы нет, ребятишки с голоду подохли, на жене сосед воду возит.

— Ну и дела-а! — удивился Ванька, поднял руку, затылок почесать, а головы-то у него и нету!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Совпадает ли ваше читательское впечатление от текста с «привычными» впечатления от сказки?
2. В чем отличие образа главного героя в авторской сказке М. Горького от фольклорного и от других писателей? Почему автор называет его просто Ванькой? Как раскрывается авторское отношение к герою в характеристике «смирненно упрямый» человек, который «думать не привычен»?
3. Какие «приметы» сказочного жанра сохраняет писатель?
4. Какова, по мнению М. Горького, самая «губительная» черта русского национального характера, отраженная в сказке?
5. Как вы думаете, какими историческими обстоятельствами можно объяснить резкое высказывание писателя об архетипическом образе, которое на-

шло отражение в сказке: «Любимый герой русских народных сказок — Иванушка-дурачок, человек, который терпеливо и покорно переносит все невзгоды жизни, преодолевая их не силою разума и деяния, а покорностью судьбе и терпением... За эту способность сказки награждают его "по щучьему велению" богатством, покоем, красивой, мудрой женой и даже королевским тронem, а действительность, — мы все по себе знаем, чем награждает суровая действительность людей излишне терпеливых...»?

6. Познакомьтесь со сказкой XII из цикла «Русские сказки». Как вы думаете, почему именно эту сказку не пропустила цензура в 1917 году?

XII

Жили-были Иванычи — замечательный народ! Что с ним ни делай — ничему не удивляется!

Жили они в тесном окружении Обстоятельств, совершенно не зависящих от законов природы, и Обстоятельства творили с ними все, что хотели и могли: сдерут с Иванычей семь шкур и грозно спрашивают:

— А где восьмая?

Иванычи, нисколько не удивляясь, отвечают покорно Обстоятельствам:

— Еще не выросла, ваши превосходительства! Погодите маленько...

А Обстоятельства, нетерпеливо ожидая наращения восьмой шкуры, хвастаются соседям, письменно и устно:

— У нас народонаселение благорасположено к покорности, делай с ним что хошь — ничему не удивляется! Не то, что у вас, например...

Так и жили Иванычи, — работали кое-что, подати-налоги платили, давали взятки кому сколько следует, а в свободное от этих занятий время — тихонько жаловались друг другу:

— Трудно, братцы!

Которые поумнее, — предрекают:

— Еще и труднее будет!

Иногда кто-нибудь из них прибавлял к этим словам еще словечка два-три, и о таком человеке почтительно говорили:

— Он поставил точку над «i»!

Дошли Иванычи даже до того, что заняли большой дом в саду и посадили в него специальных людей, чтобы они изо дня в день, упражняясь в красноречии, ставили точки над «i».

Соберутся в этом доме человек четырехста, а четверо из них и начнут, как мухи, точки садить; насадят, сколько околоточный — из любопытства — позволит, и хвастаются по всей земле:

— Здорово мы историю делаем!

А околоточный смотрит на это ихнее занятие, как на скандал, и — чуть только они попытаются поставить точку над другой буквой — решительно предлагает им:

— Прошу алфавит не портить, и — расходитесь по домам!

Разгонят их, а они — не удивляясь — утешаются между собой:

— Ничего, — говорят, — мы все эти безобразия впишем, для посрамления, на страницы истории!

А Иванычи, тайно скопаясь в собственных квартирах по двое и по трое сразу, шепчут, — тоже не удивляясь:

— Наших-то избранных опять лишили дара слова!

Смельчаки и отчаянные головы шепчут друг другу:

— Обстоятельствам закон не писан!

Иванычи вообще любили утешаться пословицами: посадят кого-нибудь из них в острог за случайное несогласие с Обстоятельствами — они кротко философствуют:

— Не в свои сани — не садись!

А некоторые из них злорадничают:

— Знай сверчок свой шесток!

Жили Иванычи этим порядком, жили и дожили наконец до того, что все точки над «і» поставили, все до одной! И делать Иванычам больше нечего!

А тут и Обстоятельства видят, что все это — ни к чему, и повелели опубликовать во всей стране строжайший закон:

«Отныне точки над “і” ставить повсеместно запрещается, и никаких точек, исключая цензурные, в обращении обывателей не должно существовать. Виновные в нарушении сего подвергаются наказанию, предусмотренному самыми жестокими статьями Уголовного уложения».

Ошалели Иванычи! Что делать?

Ничему другому они не обучены, только одно могли, да и то запрещено!

И вот, собираясь тайно, по двое, в темных уголках, они рассуждают шепотком, как пошехонцы в анекдоте:

— Иваныч! А что — ежели, не дай бог, сохрани господи?

— Ну, — что?

— Я не то, что — тово, а все-таки?..

— Пускай бог знает что, и то — ни за что! А не то что!

А ты говоришь — во что!

— Да разве я что! Я — ничего!

И больше никаких слов не могут сказать!

В конце 1916 года Горький написал еще одну сказку «Про Иванушку-дурачка». Вы, скорее всего, знакомы с ней.

Как вы считаете, изменилось ли отношение М. Горького к главному герою сказки? Можно ли утверждать, что это сказка не сатирическая, а волшебная? На какого читателя рассчитана эта сказка? Какие качества русского национального характера отражены в ней? Какие смыслы открывает «проницательный» читатель? Как вы понимаете последние слова сказки: «Кто зол, тот и глуп»?

Сравните сказки писателя, созданные в разные периоды творчества.

Как вы думаете, в чем отличие образа «горьковского Иванушки»? Удалось ли М. Горькому раскрыть особенности русского национального характера?

В творчестве писателя можно встретить сказки, которые литературоведение относит к философским.

Познакомьтесь с одной из них, написанной в 1896 году.

Старый год

В последний день своей жизни Старый Год — пред тем как возвратиться к Вечности — устраивает нечто вроде торжественной встречи своему преемнику — он собирает пред свое лицо все человеческие Свойства и беседует с ними до двенадцати часов — до рокового момента своей смерти, до момента рождения Нового Года.

Вот и вчера было так же — вечером в гости к Старому Году стали собираться странные и неопределенные существа, — существа, чьи имена и формы известны нам, но чьи сущности и значения для нас мы еще не можем представить себе ясно.

Раньше всех пришло Лицемерие под руку со Смирением, за ним важно выступало Честолюбие, почтительно сопровождаемое Глупостью, а вслед за этой парой медленно шла величественная, но истощенная и, очевидно, больная фигура — это был Ум, и хотя в его глубоких и пронизательных очах много сверкало гордости собой, но еще более было в них тоски о своем бессилии.

За ним шла Любовь — полураздетая и очень грубая женщина, с глазами, в которых было много чувственности и ни искры мысли.

Роскошь, следуя за ней, предупреждающим шепотом говорила:

— О Любовь! Как ты одета! Фи, разве такой костюм соответствует твоей роли в жизни?

— Ба! — откликнулось Суемудрие, — чего вы хотите от Любви, сударыня? Вы всегда были и все еще остаетесь романтичкой, вот что-с скажу. По мне чем проще, тем яснее, тем лучше, и я очень доволен, что мне удалось сорвать с Любви покровы фантазии, в которые ее одевали

мечтатели. Мы живем на земле, она тверда, и цвет ее грязен, а небеса так высоки, что никогда между ними и землей не будет ничего общего! Не так ли?

А сама Любовь молчала — язык ее давно уже почти нем, нет у нее прежних пылких слов, ее желания грубы, и кровь жидка и холодна.

Явилась также Вера — разбитое и колеблющееся существо. Она кинула взгляд непримиримой ненависти в сторону Ума и незаметно скрылась от его очей в толпе, пришедшей к Старому Году.

Потом за нею мелькнула, как искра, Надежда, мелькнула и скрылась куда-то.

Тогда явилась Мудрость. Она была одета в яркие и легкие ткани, украшенные массой фальшивых камней, и насколько ярок и блестящ был ее костюм, настолько сама она была темна и печальна.

И вот пришло Уныние, и все почтительно поклонились ему, потому что оно в чести у Времени.

Последней же пришла Правда, робкая и забитая, как всегда, больная и печальная, она, тихо и не замеченная никем, прошла в угол и одиноко села там.

Вышел Старый Год, посмотрел на своих гостей и усмехнулся усмешкой Мефистофеля.

— Здравствуйте и прощайте! — заговорил он. — Прощайте потому, что я умираю, как то предписано Судьбой. Я смертен, и я рад, что смертен, ибо, если б время жизни моей продолжилось хотя на день один, — не вынес бы я тоски бледной жизни моей. Так скучно жить всегда, имея дело только с вами! Искренно жалею вас — вы бессмертны. И за то еще жалею, что в день рождения моего все вы были более сильны, свежи и цельны, чем сегодня, в день смерти моей. Да, я искренно жалею вас — все вы страшно истасканы людьми, обесцвечены ими, измельчены, и все вы так близки друг другу в общем вашем уродстве. И это вы-то — человеческие Свойства? Вы — без сил, без цвета, без огня! Жалею вас и людей.

И Старый Год усмехнулся и потом снова, осмотрев гостей, спросил у Веры:

— Вера! Где сила твоя, двигавшая людей на подвиги и одухотворявшая жизнь?

— Это он ограбил меня! — глухо сказала Вера, показывая в сторону Ума.

— Это я ей обязан тем, что до сей поры люди все еще уверены в моем могуществе. В борьбе с ней я растратил лучшие силы мои! — гневно откликнулся Ум.

— Не ссорьтесь, несчастные! — снова бесстрастно улыбнулся умирающий Старик и, помолчав, сказал еще: — Да, страшно бледны и изжиты все вы. Как, должно быть, тошно быть человеком и иметь с вами дело день за днем в течение многих лет? Кто это там утвердительно качает головой? А, это ты, Правда! Ты все такая же... не в чести у людей... Ну, что же?.. Прощайте, бывшие спутники мои. Прощайте, мне нечего больше сказать вам... Но... среди вас я не вижу кого-то? Да? Где же Оригинальность?

— Ее давно уж нет на земле, — робко ответила Правда.

— Бедняга земля! — пожалел Старый Год. — Как скучно ей! Жалки и бесцветны люди, если они потеряли оригинальность дум, чувств, поступков.

— Они даже костюма не умеют себе создать такого, который хотя бы несколько скрашивал уродство их форм, лишенных древней красоты, — тихо пожаловалась Правда.

— Что с ними? — задумчиво спросил Старый Год.

— Они потеряли желания и остались жить только с похотями... — объяснила Правда.

— Разве они тоже умирают? — изумился Старый Год.

— Нет, — сказала Правда. — Они еще живут. Но как живут? Большинство по привычке, некоторые из любопытства, а все — не отдавая себе отчета, зачем именно живут.

Старый Год холодно засмеялся.

— Пора! Еще минута, и пробьет мой час — час моего

освобождения от жизни. Уходя, я немного скажу... Я существовал и нашел, что это очень грустно. Прощайте же еще раз и последний. Жалею я вас, жалею, что вы бессмертны и что вам недоступен покой. Сын Времени — я бесстрастен, но все же жалею я вас и людей. Первый удар! Два...

Что это?

Ударив дважды — часы остановились бить. В изумлении все взглянули на них, и странное увидели они. Нечто, с крыльями на голове и на ногах, стоял у часов, прекрасный, как один из богов Эллады, и, придерживая рукой минутную стрелку часов, смотрел в очи Старого Года, угасавшие в предчувствии смерти.

— Я — Меркурий и послан сюда от Вечности, — сказал он. — Она сказала: «Зачем Новый Год ветхим людям? Скажи им, что Нового Года не будет до рождения новых людей. Останется с ними тот, что уже был, — пусть он переоденется из савана в платье юноши и живет.

— Но это пытка! — сказал Старик.

— Останешься ты! — непреклонно повторил Меркурий. — И доколе люди не обновят дум и чувств своих, ты останешься с ними, Старик! Так сказала Вечность, — живи!

И он исчез — посланник Вечности... И, когда он исчез, часы бросили в тишину изумления десять глухих ударов. И Старый Год, умиравший с торжеством, остался снова жить с Унынием, скорбно улыбавшимся в его морщинистое лицо.

Тихо и печально расходились гости Старого Года. И Надежда, уходя, — молчала, а Лицемерие, выражая на лице своем скорбь, заигрывало с Суемудрием, говоря с ним что-то об Уме, что-то о Терпении, и, говоря, все боялось, как бы Уныние не подслушало речей его и не выразило ему порицания за его речи.

И, наконец, все ушли. Остался только Старый Год, уже переодевшийся в платье Нового, да Правда — всегда и везде последняя!

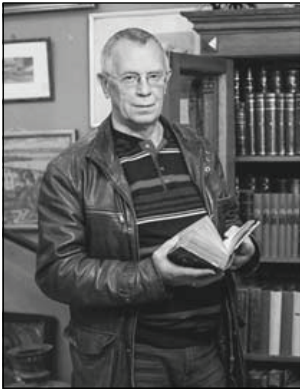
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы считаете, может ли читатель «догадаться», что сказка «Старый год» принадлежит М. Горькому?
2. Ваше впечатление после чтения? Как вы думаете, для какого читателя эта сказка? В чем ее «необычность» («приметы» жанра, тип героя, финал, сказочное чудо и др.)?
3. Случайно ли, по вашему мнению, качества человека М. Горький называет «странными и неопределенными существами», которых собрал к себе в гости Старый Год? Назовите основную черту каждого из аллегорических образов?
4. Попробуйте предположить, почему в такой последовательности появляются гости Старого Года. Почему первыми пришли Лицемерие, Смирение, Честолюбие, Глупость?
5. Почему Ум, Любовь, Вера, Надежда и Мудрость — «серые», «бессильные», «истощенные» и «гонимые существа»? Составьте «портреты» гостей, опираясь на авторские метафоры и эпитеты.
6. Как вы думаете, почему Правда пришла последней? Совпадает ли ваш читательский «портрет» Правды с авторским: «робкая и забитая, как всегда, больная и печальная, она, тихо и не замеченная никем, прошла в угол и одиноко села там»?
7. Прочитайте диалог Старого Года с гостями. Каково авторское отношение к людям? Почему он испытывает жалость к человеку? Почему, по мнению автора, люди «бесцветны», если утрачена «оригинальность дум, чувств, поступков»?
8. Ваше отношение к «портрету человека», созданному в авторской сказке: «жалкий и бесцветный»; «разучившийся мечтать»; «потерявший настоящие чувства», «нет ничего, достойного быть человеческим».
9. Как вы считаете, сохраняет ли М. Горький надежду у читателя на способность людей к изменению? Попробуйте нарисовать портрет «нового» человека, о котором мечтал писатель, с другими чувствами, мыслями и душой, «принимающей Правду, неизменную в любые времена».

10. Согласны ли вы с литературоведами, которые считают сказку «Старый год» притчей? Докажите свою позицию.

11. В каких произведениях М. Горького вы встречались с авторским размышлением о правде, о природе человека? Попробуйте сопоставить эти примеры с авторской сказкой.

Очерк О. А. Рябова о М. Горьком

О. А. Рябов

С изучением творчества А. М. Горького связаны судьбы многих нижегородских ученых-литературоведов (Л. М. Фарбер, И. К. Кузьмичев, С. И. Сухих, В. Т. Захарова и др.).

К 150-летию со дня рождения А. М. Горького в журнале «Нижний Новгород» был опубликован очерк современного нижегородского писателя Олега Алексеевича Рябова (род. в 1948 году) «Липы Максима Горького». О. А. Рябов — директор издательства «Книги», член Союза писателей России, главный редактор журнала «Нижний Новгород». Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Север», «Сельская молодежь», «Молодая гвардия», «Родина».

Познакомьтесь с этим очерком.

Липы Максима Горького

Мне приходилось залезать на нижние ступени пирамиды Хеопса, трогать камни Колизея и стоять в подвале Гур-Эмира перед могилой Тимура. Но никогда я не испытывал большего трепета, чем от общения с живыми свидетелями замечательных или скорбных страниц истории. Я имею в виду деревья. Еще значительное обще-

ние с питомцами великих людей, взявших в руки лопату в трудную или светлую минуту своей жизни и посадивших, а значит, и оставивших на память потомкам живое существо (а может, не существо). Вы представляете, как это замечательно: посидеть на Цейлоне под деревом, помнящим Будду, или на Крите разыскать оливу (они живут до трех тысяч лет), слушавшую Гомера, а ведь есть живой дуб, под которым Иван Сирко писал письмо турецкому султану, поныне живо и дерево, с которого Емельян Пугачев разглядывал горящую Казань. Да и четыре сосны во Львовке, посаженные Натальей Ланской, вдовой Пушкина, живые свидетели нашей истории.

Я не оговорился: они слышат и помнят. Это научно доказано. Просто мы пока еще не умеем пользоваться той информацией, которой владеют наши зеленые братья. Может, как-то нехорошо так их называть: заигрывающе или панибратски? Да и братья ли, когда мы каждый день мимодумно, а часто и безрассудно обращаемся с ними.

Хотя лесные народы, мордва или черемисы, прекрасно сознают, что Кереметь всегда накажет человека, неуважительно отнесшегося к священному дереву или роще. А рощу любых деревьев стоит считать всегда одним существом, точнее организмом, потому что у нее единая корневая система. Множество раз, оглядывая свою жизнь, как большое поле битвы, Максим Горький вспоминал летние месяцы 1903 года как самое счастливое время. Он отдыхал тогда на даче в поместье Турчаниновых в Горбатовке с женой Екатериной Павловной и с детьми Катей и Максимом. Вместе с ними на отдых приехали и теща писателя Мария Александровна с племянницей Ольгой и две служанки.

В те годы «Нижегородской Ривьерой» назывались в народе эта местность: Желнино, Сейма, Игумново, Растяпино, Черное. Окские золотые пески, речные прогулки на лодках, сосновые рощи и походы за грибами, веселые компании и любительские спектакли, концерты, на которые

приглашались из города знаменитости, делали этот район Черноречья излюбленным местом летнего отдыха нижегородской интеллигенции и чиновников. Купцы и промышленники, адвокаты и врачи снимали в этих селах и деревнях дома под дачи на лето. Тут же находились и летние резиденции нижегородских миллионщиков Бугрова и Башкирова, которых Алексей Максимович хорошо знал и запросто ходил к ним в гости. Именно тогда в Черноречье была задумана и написана Горьким пьеса «Дачники». Его соседи по даче, его ежедневные собеседники становились прототипами будущих героев пьесы.

Алексей Максимович Горький не догадывался тогда, что это его последний год проживания на родной нижегородской земле.

К этому времени слава Горького стала по-настоящему всемирной, его книги издаются в десятках стран, его пьесы играют на главных сценах, он получает бешеные гонорары, общаться с ним, быть знакомым с ним престижно. Алексей Максимович прекрасно понимает, что его общественное положение, его статус резко меняется именно в эти годы. Но именно тогда и завязывается один из главных амуров великого писателя, до сих пор вызывающий много споров и кривотолков, и предметом его была Мария Андреева, замечательная актриса МХТ и партнерша Станиславского, с которой Горький познакомился еще в Крыму.

Николай Александрович Бугров, купец-старообрядец, выросший в непролазных и заповедных заволжских лесах, один из богатейших людей России, позволявший себе называть премьера Сергея Юльевича Витте просто «Виттей», присылал за писателем свою коляску. И это только затем, чтобы провести с ним несколько часов в беседах под белоснежным шатром на Сейме, где стоял его знаменитый на всю страну сказочный домик-пряник.

Здесь, на Сейме, Горький, человек сугубо городской, впервые прямо-таки столкнулся с совершенно незнако-

мой ему ранее мощной культурой «лесных людей», для которых живыми, а точнее обожествленными, становились и небо, и земля, и вода, и деревья, и отдельные виды животных. Это удивительным образом совмещалось с христианским старообрядческим мировоззрением.

Ардальен Иванович, садовник-грек, которого купец-миллионщик пригласил из Крыма, чтобы озеленить и обустроить территорию вокруг своего деревянного гнездышка, просветил великого писателя и убедил его, что посаженное дерево — лучший памятник человеку, потому что дерево помнит, кто его сажал и ухаживал за ним в первые трудные дни, недели и месяцы. Под корой деревьев бежит живительный сок, похожий на нашу кровь, а каждая клетка его живет и копит и передает знания об окружающем мире через свои семена. А главное — дерево живет многие сотни лет, и редкий каменный или железный постамент сможет сравниться с ним в долголетию. И липа, и дуб могут жить по тысяче лет.

Детские игры и забавы, прогулки в лес с шестилетним Максимом и трехлетней Катей были ничем не заменимой радостью. Собирались грибы и жуки, рассказывались сказки и учились стихи Катаня на качелях и на лодках, ежедневные новые детские игры и шарады — у Горького была неистощимая фантазия на выдумку развлечений и забав. Все это было замечательно, ежедневно, неповторимо и волшебным.

А вот после разговора с садовником Ардальеном писатель со своими детишками сходил в лес, выкопали они там три («на каждого!») молодых, но уже крепких липки, таких, которые еще не цветут, и посадили их прямо под окнами турчаниновского дома. Каждый день он отливал молодые деревца — не дело заниматься такими пересадками в июне. И через три дня листики, вначале повисшие тряпками, снова затвердели, зашуршали, зашелестели, глянец заблестели.

Но все же основной и ежедневный интерес Горького

был на железнодорожной станции, куда он ходил регулярно за письмами, газетами и прочей корреспонденцией. Туда же приходили и любовные письма от Андреевой, роман с которой только-только начал развиваться.

Высокий, подтянутый, даже худой, в красной рубашке, подпоясанной ремешком, в легких сапогах, широкополой соломенной шляпе с тонкой можжевелевой тросточкой, вырезанной собственноручно, он добирался до станции за двадцать минут, дорога назад занимала в два раза больше времени: сидя на особом привычном поваленном дереве, читались безумные, страстные объяснения в любви.

Через год станцию Черная переименовали в станцию Растяпино. Сделано это было по непосредственному распоряжению Желябужского Андрея Алексеевича, главного контролера Курской и Нижегородской железных дорог, законного мужа М. Ф. Андреевой, которая посылала Горькому любовные письма на станцию Черное. Себя хотел укорить, а наказал жителей, которых стали «растяпами» звать.

Через три года, в Америке, где писатель находился в рабочей поездке уже со своей гражданской женой Андреевой (она уже научилась подписывать письма — Мария Пешкова), догнала писателя страшная весть: умерла от менингита его дочка-любимица Катенька. Жестоким было наказание за этот внебрачный амур, и Горький всю жизнь себя корил за это предательство по отношению к семье. Только в письмах оставалось ему теперь писать о маленькой девочке, бегущей по лесу и кричащей: «Я нашла ги-лип!»

Писатель туда, где ему было как никогда хорошо, вернулся через четверть века. Он вернулся на родину, на родную нижегородскую землю, вместе с сыном Максимом.

После пятнадцати лет эмиграции страна с триумфом встречала своего великого писателя и мировую знаменитость. Ему было устроено грандиозное турне по стране Советов, в маршрут был включен и Нижний Новгород,

еще не переименованный в его честь. Курировал все встречи писателя с коллективами рабочих и сопровождал его лично Андрей Александрович Жданов, первый секретарь Нижегородского крайкома. В обязательную программу посещений был включен и только что вступивший в строй гигантский химический комбинат в Черноречье. Кроме Жданова и сына Максима сопровождал их в этой поездке какой-то местный писатель, имя которого Горький тут же почему-то забыл. Ехали на крайкомовской машине. На крутом подъеме, среди вековых сосен, в песках забуксовал автомобиль. Не было никакой возможности своими силами его вытащить или вытолкать. Пришлось вызывать для гостей пролетки, запряженные безотказными лошадами. Горький сел с неизвестным писателем, а сын Максим — со Ждановым.

Видимо, судьба великих людей складывается из случайностей, иногда не очень хороших, а чаще — очень хороших и перспективных. Извозчик (я буду называть его так), который вез Горького, был из местных, и писатель разговорился с ним. Болтали о жизни — Горький был всегда человеком любопытным. Болтали о пролетке, о рессорах, о том, какая пролетка была у Павла Ивановича Чичикова, а какая у Николая Александровича Бугрова и которая лучше. Местный писатель все больше молчал. И вдруг что-то активно стало отвлекать от разговора Алексея Максимовича, что-то знакомое увиделось ему в стороне, что-то напомнило ему о прошлом. Он попросил извозчика остановиться.

— А скажи-ка, дружок, — обратился к нему Горький, — не слышал ли ты, где тут много-много лет назад, еще до революции, жили Турчаниновы?

— Товарищ Горький, — ответил извозчик, — мне ведь самому много-много лет, и я тут знаю каждую собаку и каждую подворотню, а иначе меня бы к вам и не приставили. А Турчаниновы, если это те, которых я помню, жили на соседнем порядке. Можно тут развернуться да подъехать. Только мы опаздываем на собрание: люди ждут!

— То, что люди ждут, — плохо! Ну, товарищ Жданов это на себя примет. А ты вот что — будь любезен, если не трудно, подвези, покажи мне этот дом Турчаниновых. Уж очень мне надо!

Август. Деревенская пыльная улица без травы, без палисадников, длинный, одноэтажный, обшитый досками, почерневшими от дождей, старый дом, где-то покосившийся, где-то провалившийся. И с торца, обнимаясь друг с другом, стоят, тянутся вверх три красивых мощных липы.

Писатель осторожно спустился с пролетки, держась за поручни, опираясь на подножку

— Посидите, друзья, минутку. Я мигом, — сказал он своим попутчикам. И уже про себя пробормотал: — Что же я не взял в свою пролетку Максима-то. А может, и не надо: может, это судьба! Значит, так намечено.

Долго-долго стоял великий писатель, поглаживая красивые, будто лакированные, стволы взрослых деревьев, пока его не окликнул извозчик. Местный автор (а может, это и не автор был, а кто-то совсем другой?) подошел к Горькому:

— Алексей Максимович, вам не помочь? Может, поедем?

— Иди, иди, голубчик. Я сейчас помолюсь по-своему, и — тоже!

На собрание, конечно, опоздали.

А липы Горького стоят посреди улицы и тянутся в небо уже вторую сотню лет.

Его липы. Только никто уже не вспоминает про это.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие качества личности великого писателя раскрываются в очерке О. Рябова?
2. Как вы понимаете слова автора о том, что «посаженное дерево — лучший памятник человеку»?

БОРИС
ПЕТРОВИЧ
КОРНИЛОВ
(1907—1938)

Борис Петрович Корнилов родился в селе Покровском Семеновского уезда Нижегородской губернии. До сих пор мы знаем и поем его «Песню о встречном» на музыку Д. Д. Шостаковича:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?

В строчках Б. П. Корнилова отразилось время, романтическое и жестокое, время надежд и разочарований. Он слышал музыку времени, как слышал ее А. Блок. Об этом он писал:

Она ходила Волгою,
она ходила Доном
за брякавшей двуколкою,
за легким эскадронем.

Но время не щадило поэта. Он разделил судьбу многих и многих в нашей стране. 20 февраля 1938 года он был расстрелян как участник антисоветской троцкистской организации. Посмертно в 1957 году реабилитирован «за отсутствием состава преступления». За свою короткую жизнь он сумел стать большим поэтом.

«Корнилов испытал на себе много влияний современной ему поэзии... И, однако же, Борис Корнилов ничей не эпигон, не компилятор, — у него самостоятельный, самобытный, ясный свой голос», — писала о нем поэт Ольга Берггольц.

Парень из светловской «Гренады»

Корниловская «комсомольскость» была без всякой дешевой сентиментальности. Корниловская лихость была скорее анархической, своевольной. От его «Качки на Каспийском море», от волшебного запева: «В Нижнем Новгороде с откоса / чайки падают на пески...», от «Соловьиных» у меня даже голова кружилась. Его интернационализм не был предписанным — он бурлил в его крови. Перечитайте наполненные упоением строки: «Хорошее братание / совсем не изъян — / да здравствует Британия, / да здравствует Британия, / Британия рабочих и крестьян!.. / Нас томми живо поняли — / и песни по кустам... / А как насчет Японии? / Да здравствует Япония, / Япония рабочих и крестьян!»

Плакать хочется от тоски, что такого парня, как Борис

Корнилов, — да одного ли такого! — расстреляла их собственная исковерканная, изнасилованная, исциниченная, а когда-то по-детски чистая мечта. Неправда, что мечтатель из светловской «Гренады» был выдуманным — он был Борисом Корниловым. Но... «Отряд не заметил Потери бойца...» А вот песню допел до конца, непоправимо изуродовавшего начало. Но и в самом начале было то, что не поддается романтизации. <...>

Покачивающаяся, гульбивая интонация корниловских стихов завораживала, как взгляд на его фотографии конца 20-х годов с неповторимой поволокой глаз под распушенным окраинным чубом, над задорно поблескивающим кончиком носа, умирающего от любопытства к жизни, — но взгляд с непреодолимой грустечой.

Всемирное братание все отдалялось. Шаги смерти слышались ночью по всем лестницам. Растерянность от незнания, что дальше будет с революцией, совестью, стихами. Испуг от невеселых предчувствий: «Я скоро погибну / в развале ночей. / И рухну, темнея от злости, / и белый, слюнявый / объест меня червь, — / оставит лишь череп и кости. / Я под ноги милой моей попаду / омытою костью нагою, — / она не узнает меня на ходу / и череп отбросит ногою». Корнилов, к счастью, ошибся в своей любимой. Она и после его смерти узнавала его где угодно в непрекращающихся видениях: «Я только ему еще верна, / я только этим еще права: / для всех живущих — его жена, / для нас с тобою — твоя вдова». <...>

Каким же еще романтиком, если не революционным, мог быть Корнилов, чьи родители, еле выбившись из лучинного сумеречного царства к свечам да керосиновым лампам, стали сельскими учителями. А их неумный Борька ополоснул свои глаза первым электрическим светом в Ленинграде, куда приехал, чтобы познакомиться с Сергеем Есениным. Но Есенин был жеребенком-жертвой на рельсах истории, а Корнилов хотел стать хотя бы одной лошадиной силой в двигателе мировой революции.

Но что нужно от двигателя? Прежде всего, бесперебойность. А какая может быть бесперебойность у романтики! Разве романтика бывает без отчаянных закидонов, без впадения то в эйфорию, то в меланхолию? Поэтому-то поэзия Корнилова и подвергалась постоянным нападкам. И вдруг на писательском съезде его выделил не кто-нибудь, а член ЦК и редактор «Известий» Н. И. Бухарин: «Среди поэтической “комсомольской” молодежи следует особо сказать о Борисе Корнилове... У него “крепко сшитое” мировоззрение и каменная скала уверенности в победе». Далее следует несколько странное предсказание для «уверенности в победе»: «Само “я”, исчезая, находит свое “продолжение жизни”... в новой веренице людей и дел». Но откуда может взяться уверенность в победе, если собственное «я» исчезает? А вереница — вот она: «...идут коммунисты, немея лицом, — / мое продолжение жизни». Но что за счастье — в бессловесных людях? И почему продолжение жизни будет только «в новой веренице людей»? А куда же отправятся остальные — из «старой вереницы»? Уж не в ГУЛАГ ли, где оказалось больше половины делегатов «съезда победителей»?

В цитируемом Бухариным корниловском стихотворении есть строки с весьма размытым содержанием: «Врага окружая огнем и кольцом, / медлительны танки, как слизи...» Кстати, чьи это танки? Брезгливое отвращение к ним у автора столь велико, что, похоже, это именно те танки, какие потом пройдутся по романтикам. А иногда и на чужую территорию заявятся, причем на братскую, социалистическую. И будут давить гусеницами. Безжалостно. По-свойски.

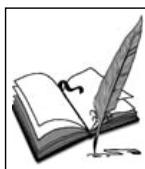
Так в чьей победе у Корнилова «каменная скала уверенности»? Неужели в собственной? А не в победе ли этих «слизней» над ним самим? Нельзя ручаться за точность моих догадок — тут все на уровне не сознания, а подсознания. У Корнилова была, конечно, радость от поддержки Бухарина. Но радость отравляло чувство смертельной опасности. «Бухарчик», как называл когда-то своего соратника с любовно зве-

риным чувством собственности Сталин, уже неостановимо тонул и вполне мог утянуть за собой расхваленных им Пастернака и Корнилова. Пастернака, кажется, спасла фраза Сталина: «Оставьте этого небожителя», — после личного письма ему Пастернака по поводу самоубийства Надежды Аллилуевой.

Корнилов же для властей был слишком мелкой фигурой в крупной игре, чтобы тратить время на размышления, стоит им пожертвовать или нет. Утопия нуждается не в романтиках, а в циниках. А все, что основано на цинизме, становится жестокосердой утопией, даже если вначале было прекраснодушным идеализмом. Нам необходима романтика, но романтика эволюционная, а не революционная. Увы, сегодня непросто вернуть надежду на всечеловеческое братание, ежедневно убиваемое ножами, заточками, кистенями, шкворнями, ядами и стингерами. Но не надо сдаваться. Непросто — не означает: невозможно.

Е. А. Евтушенко.

Антология русской поэзии, 1999

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие детали портрета Бориса Корнилова выделяет Евгений Евтушенко? Соотнесите их с личностью и судьбой поэта-нижегородца. Почему Е. А. Евтушенко назвал Бориса Корнилова парнем из светловской «Гренады»?
2. Как соотносит Е. А. Евтушенко слова «двигатель» и «романтика»?
3. Как оценивает Е. А. Евтушенко высказывания Н. И. Бухарина о Борисе Корнилове? Согласны ли вы с автором статьи?
4. Как вы понимаете слова Е. А. Евтушенко «эволюционная, а не революционная романтика»?
5. Докажите, что в статье ярко выражен публицистический элемент. Не мешает ли он пониманию личности и творчества Бориса Корнилова?

Родной мир в лирике поэта

* * *

Усталость тихая, вечерняя
Зовет из гула голосов
В Нижегородскую губернию
И в синь Семеновских лесов.

Сосновый шум и смех осинового
Опять кулигами пройдет.
Я вечера припомню синие
И дымом пахнувший омет.

Березы нежной тело белое
В руках увижу ложкаря,
И вновь непочатая, целая
Заколыхается заря.

Ты не уйдешь, моя сосновая,
Моя любимая страна!
Когда-нибудь, но буду снова я
Бросать на землю семена.

Когда хозяйки хлопнут ставнями
И отдых скрюченным рукам,
Я расскажу про город каменный
Седым, угрюмым старикам.

Познаю вновь любовь вечернюю,
Уйдя из гула голосов
В Нижегородскую губернию,
В разбег Семеновских лесов.

1925

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой мы видим «любимую страну» поэта, читая стихотворение? Отвечая на вопрос, не пройдите мимо метафорического образа «разбег Семеновских лесов».

2. Какой смысл приобретает мотив будущего в стихотворении?
3. Найдите в стихотворении инверсированные согласованные определения. Какое влияние они оказывают на звучание стихотворения? Прочитайте его выразительно.
4. Докажите, что у стихотворения кольцевая композиция. Какое влияние она оказывает на восприятие произведения?
5. Можно ли утверждать, что стихотворение создано в русле есенинской поэтической традиции? Обоснуйте свою точку зрения.

Лошадь

Дни-мальчишки,
вы ушли, хорошие,
Мне оставили одни слова, —
И во сне я рыженькую лошадь
В губы мягкие расцеловал.

Гладил уши, морду тихо гладил
И глядел в печальные глаза.
был с тобой, как и бывало, рядом,
Но не знал, о чем тебе сказать.

Не сказал, что есть другие кони,
Из железа кони, из огня...
Ты б меня, мой дорогой, не понял,
Ты б не понял нового меня.

Говорил о полевом, о прошлом,
Как в полях, у старенькой сохи,
Как в лугах немятых и некошенных
Я читал тебе свои стихи...
Мне так дорого и так мне любо
Дни мои любить и вспоминать,
Как, смеясь, тебе совал я в губы
Хлеб, что утром мне давала мать.

Потому ты не поймешь железа,
 Что завод деревне подарил,
 Хорошо которым землю резать,
 Но нельзя с которым говорить.

Дни-мальчишки, вы ушли, хорошие,
 Мне оставили одни слова, —
 И во сне я рыженькую лошадь
 В губы мягкие расцеловал.

1925

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Раскройте отношение лирического героя к лошади. Какими языковыми средствами поэт создает особую, душевную интонацию стихотворения?
2. Можно ли сказать, что в своем обращении к животному Б. П. Корнилов наследует традицию С. А. Есенина? (Вспомните есенинские стихотворения «Корова», «Песнь о собаке», «Собаке Качалова».) В чем проявляется эта традиция?
3. Какое символическое звучание получает образ лошади в стихотворении Б. П. Корнилова? Сравните этот образ с образом жеребенка из 3-й главы поэмы С. А. Есенина «Сорокоуст»:

Видели ли вы,
 Как бежит по степям,
 В туманах озерных кроясь,
 Железной ноздрей храпя,
 На лапах чугунных поезд?
 А за ним
 По большой траве,
 Как на празднике отчаянных гонок,
 Тонкие ноги закидывая к голове,
 Скачет красногривый жеребенок?
 Милый, милый, смешной дуралей,
 Ну куда он, куда он гонится?
 Неужель он не знает, что живых коней
 Победила стальная конница?

Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тысячи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

* * *

В Нижнем Новгороде с откоса
чайки падают на пески,
все девчонки гуляют без спроса
и совсем пропадают с тоски.

Пахнет липой, сиренью и мятой,
небывалый слепит колорит,
парни ходят — картуз помятый,
папироска во рту горит.

Вот повеяло песней далекой,
ненадолго почудилось всем,
что увидят глаза с поволокой,
позабытые всеми совсем.

Эти вовсе без края просторы,
где горит палисадник любой,
Нижний Новгород, Дятловы горы,
Ночью сумрак чуть-чуть голубой.

Влажным ветром пахнуло немного,
легким дымом, травую сырой,
снова Волга идет как дорога,
вся покачиваясь под горой.

Снова тронутый радостью долгой,
я пою, что спокойствие — прах,
что высокие звезды над Волгой
тоже гаснут на первых порах.

Что напрасно, забытая рано,
хороша, молода, весела,
как в несбыточной песне, Татьяна
в Нижнем Новгороде жила.

Вот опять на песках, на паромах
ночь огромная залегла,
дует запахом чахлых черемух,
налетающим из-за угла,

тянет дождиком, рваною тучей
обволакивает зарю, —
я с тобою на всякий случай
ровным голосом говорю.

Наши разные разговоры,
наши песенки вперевой.
Нижний Новгород, Дятловы горы,
Ночью сумрак чуть-чуть голубой.

1936

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каким показано художественное пространство в стихотворении? Сопоставьте его с художественным пространством в стихотворении «Усталость тихая, вечерняя...».
2. Какое влияние оказывают звуковые образы на атмосферу, создаваемую поэтом?
3. Определите место последней строки в стихотворении Б. П. Корнилова.
4. Напишите сочинение на тему «Моя прогулка по Верхне-Волжской набережной». Введите в свою творческую работу художественное описание.
5. Создайте портрет родного мира Б. П. Корнилова, ориентируясь на содержание трех рассмотренных вами стихотворений поэта. При подготовке задания прежде всего сформулируйте основные признаки этого мира и подберите соответствующий цитатный материал.

Поэт и море

Качка на Каспийском море

За кормою вода густая —
солона она, зелена,
неожиданно вырастая,
на дыбы поднялась она,
и, качаясь, идут валы
от Баку до Махачкалы.

Мы теперь не поем,
не спорим —
мы водою увлечены;
ходят волны Каспийским морем
небывалой величины.

А потом —
затишают воды —
ночь каспийская,
мертвая зыбь;
знаменуя красу природы,
звезды высыпали, как сыпь;
от Махачкалы
до Баку
луны плавают на боку.

Я стою себе, успокоясь,
я насмешливо щурю глаз —
мне Каспийское море по пояс,
нипочем...
Уверяю вас.

Нас не так на земле качало,
нас мотало кругом во мгле —
качка в море берет начало,
а бесчинствует на земле.

Нас качало в казачьих седлах,
только стыла по жилам кровь,

мы любили девчонок подлых —
нас укачивала любовь.

Водка, что ли, еще?
И водка —
спирт горячий,
зеленый, злой, —
нас качало в пирушках вот как —
с боку на бок
и с ног долой...

Только звезды летят картечью,
говорят мне...
«Иди, усни...»
Дом, качаясь, идет навстречу,
сам качаешься, черт возьми...

Стынет соль
девятого пота
на протравленной коже спины,
и качает меня работа
лучше спирта
и лучше войны.

Что мне море?
Какое дело
мне до этой
зеленой беды?
Соль тяжелого, сбитого тела
солонее морской воды.

Что мне (спрашиваю я), если
наши зубы
как пена белы —
и качаются наши песни
от Баку
до Махачкалы.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой показана морская стихия в стихотворении? Как соотнесены земное и небесное?
2. Сопоставьте картины природы в стихотворении Б. П. Корнилова и Ф. И. Тютчева («Как хорошо ты, о море ночное...»).

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо, ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

3. Какими смыслами наполняется слово «качка» во второй части стихотворения?
4. Прокомментируйте следующие поэтические строки: «Соль тяжелого, сбитого тела / солонее морской воды».
5. Обоснуйте повтор названий городов в стихотворении.

Путь корабля

Хорошо запеть, влюбиться —
все печали далеки.
Рвутся с наших плеч, как птицы,
синие воротники.

Ты про то запой, гитара,
как от нашей от земли
на моря земного шара
отплывают корабли.

Нас мотает и бросает
зыбью грозной и рябой,
и летит волна косая,
дует ветер голубой.

Впереди морские дали,
кренит набок на бегу,
и остались наши крали
на далеком берегу.

Как у девушек бывает —
не всегда им быть одним,
к ним другие подплывают
и причаливают к ним.

Только, помнится, отчаян
при разлуке наш наказ —
мы вернемся,
и отчальят

очень многие от вас.

1936

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему стихотворение Б. П. Корнилова называется «Путь корабля»?
2. Как можно объяснить смысл символических образов произведения?
3. На каком языковом явлении, на ваш взгляд, основан эффект юмористической окраски стихотворения «Путь корабля»?
4. Определите особенности звуковой организации речи, придающие тексту произведения Б. П. Корнилова песенную окраску.

Поэт о любви

Соловьях

У меня к тебе дела такого рода,
что уйдет на разговоры вечер весь, —
затвори свои тесовые ворота
и плотней холстиной окна занавесь.
Чтобы шли подруги мимо, парни мимо
и гадали бы и пели бы, скорбя:
«Что не вышла под окошко, Серафима?
Серафима, больно скучно без тебя...»
Чтобы самый ни на есть раскучерявый,
рвя по вороту рубахи алый шелк,
по селу Ивано-Марьину с оравой
мимо окон под гармонику прошел.
Он все тенором, все тенором, со злобой
запевал — рука протянута к ножу:
«Ты забудь меня, красавица,
попробуй...
я тебе тогда такое покажу...
Если любишь хоть всего наполовину,
подожду тебя у крайнего окна,
постелю тебе пиджак на луговину
довоенного и тонкого сукна...»

А земля дышала, грузная от жиру,
и от омута Соминога левей
соловьи сидели молча по ранжиру,
так, что справа — самый старый соловей.
Перед ним вода — зеленая, живая,
мимо заводей несется напролом —
он качается на ветке, прикрывая
соловьяху годовалую крылом.
И трава грозой весеннею измята,
дышит грузная и теплая земля,
голубые ходят в омуте сомята,
пол-аршинными усами шевеля.

А пиявки, раки ползают по илу,
много ужаса вода в себе таит —
Щука — младшая сестрица крокодилу —
неживая возле берега стоит...
Соловьиха в тишине большой и душной...

Вдруг ударил золотистый вдалеке,
видно, злой и молодой и непослушный,
ей запел на соловьином языке:
«По лесам, на пустырях и на равнинах
не найти тебе прекраснее дружка —
принесу тебе яичек муравьиных,
нациплю в постель я пуху из брюшка.
Мы постелем наше ложе над водою,
где шиповники все в розанах стоят,
мы помчимся над грозою, над бедою
и народим два десятка соловьят.
Не тебе прожить, без радости старея,
ты, залетная, ни разу не цвела,
вылети же, молодая, поскорее
из-под старого и жесткого крыла».

И молчит она,
все в мире забывая, —
я за песней, как за гибелью, слежу...
Шаль накинута на плечи пуховая...
«Ты куда же, Серафима?» — «Ухожу».
Кисти шали, словно перышки, расправя,
влюблена она, красива, нехитра — улетела.
Я держать ее не вправе —
просижу я возле дома до утра.
Подожду, когда заря сверкнет по стеклам,
золотая сгаснет песня соловья —
пусть придет она домой с красивым, с теплым —
меркнут глаз его татарских лезвия.
От нее и от него пахнуло мятой,

он прощается у крайнего окна,
и намок в росе пиджак его измятый
довоенного и тонкого сукна.

5 апреля 1934 года

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Читая стихотворение, проследите, как с развитием лирического сюжета меняется настроение. Охарактеризуйте эти изменения.
2. Какой прием использует автор в построении лирического сюжета: антитезу или параллелизм?
3. Какими чувствами исполнена песня «злого и молодого» соловья?
4. Как удастся поэту показать единство мира человеческих чувств с миром природы?
5. Можно ли сказать, что природный мир описан поэтом как идиллия?

Тайна поэта Бориса Корнилова

Говорят: «Рукописи не горят!» Эта броская фраза в наше неуемное время давно стала афоризмом. Да, действительно, рукописи не горят, если их надежно спрятать в укромное место: пусть полежат до поры до времени. До своего звездного часа.

Но как быть, если в тесной тюремной камере томится большой поэт в ожидании казни? И ни клочка бумаги, ни огрызка карандаша. А стихи сами так и лезут в голову, слагаясь в строки. О какой тут рукописи может идти речь?

Перед своим расстрелом поэт Борис Корнилов испытал самое настоящее творческое вдохновение. У него не было возможности записать свои стихи на бумагу. Последнее стихотворение — крик души, завещание-исповедь нам, потомкам, — он надиктовал своему сокамернику и попросил его запомнить. Чудом они дошли до нас. Охранники, отпуская ээка на свободу и обыскав его, ничего не нашли. Да откуда

Супруги Б. П. Корнилов и О. Ф. Берггольц

же им было знать, что эти стихи он хранил в своем сердце? До человеческого сердца добраться, чтобы обыскать его, они уже не могли.

И мать поэта записала карандашом стихи, которые через своего поверенного прислал из мест столь отдаленных сын. Незнакомец дождался утра категорически отказался. Он так же внезапно исчез, как и появился. А стихи остались. До сих пор удивляюсь, как доверила их мне Таисия Михайловна.

На всякий случай я показал предсмертные стихи Бориса Корнилова его бывшей жене Ольге Берггольц. Со слезами на глазах она прочла текст, а когда пришла в себя, заявила твердо: «Нет никаких сомнений, что стихотворение перед смертью написал Борис. Узнаю его почерк. Так мог написать только он».

Ольга Федоровна много ходила по инстанциям, добиваясь реабилитации своего бывшего мужа. И свое обширное предисловие к его первому посмертному сборнику назвала «Продолжение жизни». Уверен, что такое название дано было не случайно. К этому времени к власти пришел Брежнев, и на всякое упоминание о кровавых сталинских репрессиях наложен был запрет.

Но для чего держать их в голове? Пусть их прочтет и нынешнее поколение. И пусть эти неизвестные прежде строки постоянно будут входить в последующие сборники поэта. Пусть люди знают, какие тяжелые времена нам пришлось пережить.

Я однажды, ребята, замер.
Не от страха, поверьте. Нет.
Затолкнули в одну из камер,
Пошутили: — Мечтай, поэт!

В день допрошен и в ночь допрошен.
На висках леденеет пот.
Я не помню, где мною брошен
Легкомысленный анекдот.

Он звереет, прыщавый парень.
Должен я отвечать ему,
Почему печатал Бухарин
«Соловьиху» мою, почему?

Я ответил гадюке тихо:
— Что с тобою мне толковать?
Никогда по тебе «Соловьиха»
Не намерена тосковать.

Как прибился я к вам, чекистам?
Что позоришь бумаги лист?
Ох, как веет душком нечистым
От тебя, гражданин чекист!

Я плюю на твои наветы,
На помойную яму лжи.
Есть поэты, будут поэты,
Ты, паскуда, живи, дрожи!

Чуешь разницу между нами?
И бессмертное слово-медь
Над полями, над теремами
Будет песней моей греметь.

Кровь от пули последней, брызги
На поляну, березу, мхи...
Вот мое продолженье жизни —
Сочиненные мной стихи.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое отношение к чекисту выражено в стихотворении? Отвечая на вопрос, обратите внимание на особенности лексики.
2. Какие символические образы встречаются в последних двух четверостишиях? Раскройте их смыслы. Важна ли последовательность этих образов в стихотворении?
3. Представьте себе, что в стихотворении отсутствуют последние два четверостишия. Как это повлияет на содержание лирического произведения?
4. Почему поэт использует в своем произведении форму диалога?
5. Прочитайте предсмертное стихотворение С. А. Есенина, приведенное ниже. Сопоставьте его со стихотворением Б. П. Корнилова «Я однажды, ребята, замер...».

До свиданья, друг мой, до свиданья.
 Милый мой, ты у меня в груди.
 Предназначенное расставанье
 Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
 Не грусти и не печаль бровей, —
 В этой жизни умирать не ново,
 Но и жить, конечно, не новей.

Лирический герой Бориса Корнилова

Лирический герой — образ поэта в лирике, один из способов раскрытия авторского сознания. Лирический герой — художественный «двойник» автора-поэта, вырастающий из текста лирических композиций (цикл, книга стихов, лирическая поэма, вся совокупность лирики) как четко очерченная фигура или жизненная роль, как лицо, наделенное определенностью индивидуальной судьбы, психологической отчетливостью внутреннего мира, а подчас и чертами пластиче-

ского облика (хотя никогда не достигает пластической завершенности литературного героя в повествовательных и драматических жанрах). Понятие «лирический герой» впервые сформулировано Ю. Н. Тыняновым применительно к творчеству А. А. Блока.

И. Б. Роднянская. Лирический герой // Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003

Как известно, гармония предполагает стройность, взаимное соответствие предметов, явлений, частей целого, свойств. Иногда употребляют словосочетание «душевная гармония».

Можно ли назвать гармоничным внутренний мир лирического героя Бориса Корнилова? Аргументируйте свою точку зрения, обратившись к произведениям поэта.

НИЖЕГОРОДСКИЕ ПОЭТЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Александр Иванович Люкин
(1919—1968)

«В одном из произведений написал о себе так:

Крестьянский сын,
Воспитанник завода
И, волею судеб, интеллигент.

Эти строчки писатель Константин Федин процитировал на IV Всесоюзном писательском съезде, он сказал, что это «кон-

спект становления нашей литературы и, хотелось бы сказать, в известной мере — схема ее программы».

Действительно, в стихотворениях А. И. Люкина отражен путь многих поэтов и писателей советской эпохи: связь с деревней и землей, овладение рабочей специальностью (поэт работал слесарем на Сормовском заводе в городе Горьком), участие в Великой Отечественной войне и не такой уж ранний приход в литературу.

Первая его книга стихов «Мои знакомые» вышла только в 1958 году. А затем были книги «Жизнь» (1963), «Беспокойство» (1965), «Судьба» (1966). И уже посмертно — «Раздумье» (1969), «За хлеб, за соль» (1970), две книги избранных стихотворений, выпущенных Волго-Вятским издательством (1972) и московским издательством «Современник» (1977).

Поэтический голос А. И. Люкина очень узнаваем. Читатель, познакомившийся с его творчеством, не спутает этот голос ни с каким другим.

Люкин пишет «короткой строкой», избегая пафосной лексики и усложненного синтаксиса. Его излюбленный жанр — миниатюра. Причем эти миниатюры носят разнообразный характер: лирический, философский, сатирический. Есть миниатюры — развернутые метафоры. И почти все они построены по единому принципу: вначале небольшая жизненная зарисовка или наблюдение, а потом — неожиданный, острый укол обобщения:

Синица плачет, ветра стоны
И вой,
Листок болтается на клене
Живой,
И надо ж капле разлететься —
Аж свист...
А так он был похож на сердце,
Тот лист.

Жизнь А. И. Люкина трагически оборвалась. Обстоятельства его гибели не выяснены. Ясно было только, что он убит.

Поэт, словно предчувствуя свою смерть, написал пророческие стихи:

На войне жизнь теряют быстро.
Взвоят мина
И лопнет, звеня.
Не оглядываться на выстрел,
Гордой стати учили меня.

И случится:
В гражданской стычке,
Презирая какую-то гнусь,
Я доверюсь вот этой привычке
Так, что до смерти обманусь.

«Судя по всему, примерно так и случилось в ту последнюю его ночь с 11 на 12 февраля 1968 года. Участник Великой Отечественной войны, храбрый человек, Александр Иванович был спокойным и уравновешенным, но когда видел несправедливость, мерзость, гнусность, он был весь — воля и готовность к решительному действию: мог вступить за ближнего, дать отпор хулиганам, постоять за себя и других. Вот и на этот раз произошло что-то похожее, и он — “до смерти обманулся”», — так написал Константин Поздняев в предисловии составленной им книги избранных стихотворений Александра Люкина.

Суть поэзии

Рассказать в словах
О всем увиденном,
Насмешить,
Чтоб было веселей,
Приоткрыть
Прекрасное в обыденном —
Это суть
Поэзии моей.
И еще
(Уж погодите кланяться)

Есть слова,
Что жгут сильнее огня.
Вот и все.
А что кому достанется,
Это
Не зависит от меня.
Ты — мое счастье.

* * *

Ты — мое горе,
Ты — моя суша,
Ты — мое море.
Суша, где все
Теплотою лучится,
Море, где хочется
Мне утопиться.

* * *

В горячие годы
В горячем июле
Меня целовали
Горячие пули.
В щеку целовали,
И в грудь,
И в плечо,
А я всю Россию
Любил горячо.
А я всю Россию
Любил горячо
И девушкой был
Не целован еще.

Объявление

Как будто бы
Теплого лучика нить
Легла на сердце
Проталинкою.

Висит объявление:
«Не надо сорить,
У нас уборщица
Старенькая».

* * *

Если далек
И печален твой путь
И если захочешь
Ты отдохнуть,

Ляг на траву,
Руки раскинь
И заглядись
В бездонную синь.

В сердце твое
Безмолвной рекой
Тихо вольется
Синий покой.

Муки покинут,
Заботы уйдут.
Руки забудут
Тяжелый труд.

И будет с тобой,
Как с ребенком, дремать
Старуха-земля —
Добрая мать.

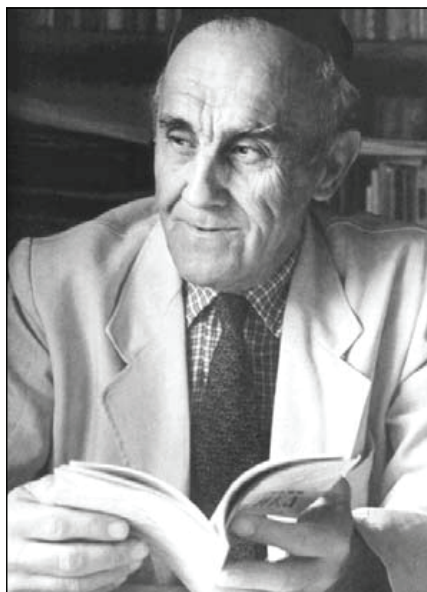

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В стихотворении «Суть поэзии» А. Люкин говорит о том, что является для него главным в стихах. Можете ли вы увидеть это «главное» в прочитанных стихотворениях? Проиллюстрируйте цитатами свои наблюдения.
2. Можно ли сказать, что сквозным мотивом произведений поэта является любовь?

3. Какие виды лексических повторов встречаются в стихотворениях А. И. Люкина? Приведите соответствующие примеры. Раскройте смысл и функцию этих повторов.

Борис Ефремович Пильник (1903—1984)

В 1970-е годы интерес к поэзии в Нижнем Новгороде (тогда городе Горьком) был очень высок. Молодежь, пишущая стихи и просто любящая поэзию, собиралась в действующих в городе литературных объединениях. Одним из них, обосновавшихся в Доме ученых, руководил участник Великой Отечественной войны, журналист автор поэтических сборников Б. Е. Пильник. Его самое знаменитое стихотворение «Много я бродил по свету...» знал каждый горьковчанин, оно публиковалось в газетах и журналах, звучало по радио.

Чай, примечай, куда чайки летят.
(Так, бывало, дразнили нижегородцев)

Много я бродил по свету,
И бывало иногда —
Друга нету, денег нету,
Словом — суцая беда.

И тоска, и сердце ноет,
Но услышишь невзначай
Наше волжское, родное,
Наше горьковское «чай».

— Ты откуда? — Чай, соседи,
Чай шабры. Чай, земляки.
— Чай, и мы оттуда едем —
С Волги-матушки реки.

И спокойней с этим «чаем» —
Хоть весь мир бы кверху дном!
Мы нигде не подкачаем,
Мы нигде не пропадем.

Где мы только ни бывали —
Индигирка и Алтай,
Ленинград и Крым слышали
Наше горьковское «чай».

И нечаянное слово
Средь случайных этих встреч
Поднимали на смех снова:
— Что за говор? Что за речь!

— Ладно. Смейся. Сами знаем.
С тем родились, с тем живем.
Мы нигде не подкачаем,
Мы нигде не пропадем.

Волгари! Нижегородцы!
Горьковчане! Земляки!

Нам пришлось с врагом бороться
У другой большой реки.

Ни единой лодки нету,
Переправы под огнем.
При луне да под ракетой
Всех нас видно, словно днем.

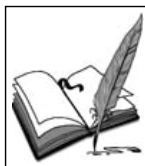
Свищут пули и осколки,
Но смеются позади:
— Чай, недолго — тут не Волга,
Чай, товарищ командир,

Прикажете. Начинаем.
Все поставим кверху дном.
Мы нигде не подкачаем,
Мы нигде не пропадем.

Мы фашиста победили,
Пол-Европы обошли,
Но все так же сохранили
Говорок родной земли.

И далеко, и далеко
Пронесли из края в край
И свою привычку окать,
И свое родное «чай».

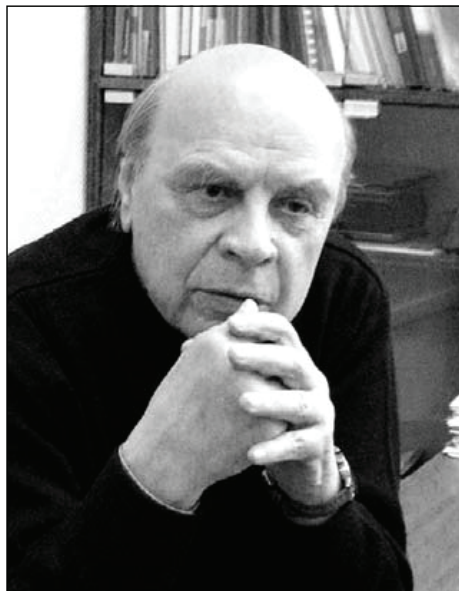
Мы друг другу этим «чаем»
Словно руку подаем.
Мы нигде не подкачаем,
Мы нигде не пропадем.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какому языковому явлению посвящено стихотворение? Почему поэт придает ему такое большое значение?
2. В стихотворении Б. Е. Пильника слышатся «теркинские интонации». Вспомните поэму А. Т. Твардовского «Василий Теркин». Чем стихотворение нижегородского поэта близко этой поэме?

Валерий Анатольевич Шамшурин
(родился в 1939 году)

В Горьковском Доме учителя располагалось молодежное поэтическое объединение «Данко», которым руководил В. А. Шамшурин, поэт и писатель.

Ныне Валерий Анатольевич — председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный гражданин города Нижнего Новгорода, лауреат многих литературных премий, в том числе Большой литературной премии России.

Корень

Небо корня черным-черно
И совсем беззвездно оно,
Нескончаемо холодна

Высота его — глубина.
Но простор этот корню люб,
Ни границ там нет и ни вех.
Корень тянется
 вглубь и вглубь —
Так, как тянутся
 вверх и вверх.
И пронзает в движенье том
Наслоения всех времен,
В постоянстве своем крутом
Смысл и силу находит он.
Потому, наверно, ему
Не страшна никакая мгла.
Он, как луч, таранящий тьму,
Накален всегда добела.
Изначально упрям и прям,
Жить не может он днем одним...
Но, подверженный всем ветрам,
Стебелек трепещет над ним.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

Какие образы при чтении стихотворения вам удалось представить наиболее ярко? Поработайте с концептом «корень».

Толковый словарь С. И. Ожегова:

Подземная часть растения, служащая для укрепления его в почве и всасывания из нее воды и питательных веществ.

Внутренняя, находящаяся в теле человека часть волоса, зуба, ногтя.

В переносном значении: начало, источник, основа чего-нибудь.

В грамматике: основная часть слова без приставок и суффиксов.

В математике: число, которое при возведении его в определенную степень дает данное число.

1. К каждому из значений слова «корень» подберите соответствующие примеры:

- а) покраснеть до корней волос;
 б) «Свинья под дубом вековым наелась желудей до сыта, до отвала... и рылом подрывать у дуба корни стала» (И. А. Крылов. Басня «Свинья под дубом»);
 в) извлечь квадратный корень из числа 100;
 г) основу слова «прикорневой» составляют корень, приставка и суффикс;
 д) Во всем мне хочется дойти
 До самой сути.
 В работе, в поисках пути,
 В сердечной смуте.
 До сущности протекших дней,
 До их причины,
 До оснований, до корней,
 До сердцевины (Б. Л. Пастернак).

2. Объясните свое понимание таких образов в стихотворении «Корень», как «небо корня», «высота его — глубина».
3. Как можно истолковать сравнения: «Корень тянется вглубь и вглубь — Так, как тянутся вверх и вверх», «Он, как луч, таранящий тьму»?
4. Какие значения слова «корень» присутствуют в стихотворении В. А. Шамшурина?
5. Можно ли стихотворение «Корень» отнести к философской лирике? Почему?
6. Прочитайте стихотворение Василия Муратовского из его книги «Корни и кроны». О каких корнях и кронах идет речь? Как это стихотворение перекликается со стихотворением В. А. Шамшурина?

Я благодарен,
 ибо я — не я
 без тех, кто был:
 кто жил, кто пел, кто плакал,
 меня искал,
 склоняясь над словом,
 злаком,
 сквозь строй шагал и вырастал над лаком —
 без тех, кто ненавидел и любил,

храня в безликости лицо свое, однако,
их опытом мой стих заговорил,
знак Божьей милости, за стихотворным знаком:
мною стало многое,
как сам я многим был.

Марина Олеговна Кулакова
(родилась в 1962 году)

Среди современных нижегородских поэтов это одно из самых ярких имен. Выпускница Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Высших литературных курсов при Литературном институте им. А. М. Горького, театроведческого факультета РАТИ (бывший ГИТИС) М. О. Кулакова известна не только как поэт, но и как писатель и публицист. Ее произведения печатались в журналах «Новый мир», «Москва», «Юность», «Нева», «Ли-

тературная учеба», а стихи переводились на английский, немецкий, сербский и другие языки.

Писатель Захар Прилепин сказал: «Марина Кулакова — человек бесконечно добрый, а поэт — непоправимо честный. Я слышал, как однажды она читала стихи и расплакалась. Я так не умею...». А сама она в интервью писателю призналась: «Люблю тех, у кого поэзия и проза плавают в единстве, в сердце, в крови — это поэты, умеющие говорить и языком сюжета... Хребет поэзии — ритм, он с возрастом (с веками наблюдения и мысли) окостеневаает в хребет сюжета». В этих двух высказываниях косвенным образом сформулированы основные черты поэзии М. О. Кулаковой: честность, глубокая искренность в сочетании с виртуозным владением поэтической техникой.

* * *

Сказать о поколении моем?
Судить о нем — не рано ль?..
Ибо что же
сказать о тех, кто ничего не сделал
еще,
и кто за право быть моложе
пока что права голоса
лишен?
Так стоит ли судить сейчас?
Но все же...
Оно практичней — в лучшем смысле слова.
Циничней — в худшем.
Да и то вопрос —
объемом ли утопий, дум и слез
возвышенных
определить основу
того, что поколением зовем?..
Оно непросто, поколение наше.
Мы полной чашей получили жизнь.
И дом.

И смутное желанье —
ударом опрокинуть эту чашу.
Искать свою.
Искать ее во мгле.
Найти ее.
Омыть в добре и зле.
По капле
наполнять ее у встречающих...

.....
Послушайтесь инстинктов человеческих:
помимо жизни
и вопросов вечных —
не может быть наследства
на земле!

* * *

Она была Корабль. Она жила на суше.
На суше родилась, и выросла, и вдаль
ей вовсе ни к чему. Не бередите душу.
Она и так — Корабль. Легко ли ей в дому?
Но здесь ей надо жить. И будет жить — как надо.
Как требует земля. И скажет «я люблю»
всему, что рядом с ней. Тому, кто с нею рядом.
А после будет смерть — как парус Кораблю.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Стихотворение «Сказать о поколении моем?..» опубликовано в 1986 году, «Она была Корабль. Она жила на суше...» — в 2013 году. В чем мир лирической героини М. О. Кулаковой остался прежним, а в чем изменился?
2. Актуально ли звучит сегодня стихотворение «Сказать о поколении моем?..»? Почему?
3. Какие средства использует автор для создания особого ритма стихотворения «Сказать о поколении моем?..»? Какова роль парцелляции в нем?

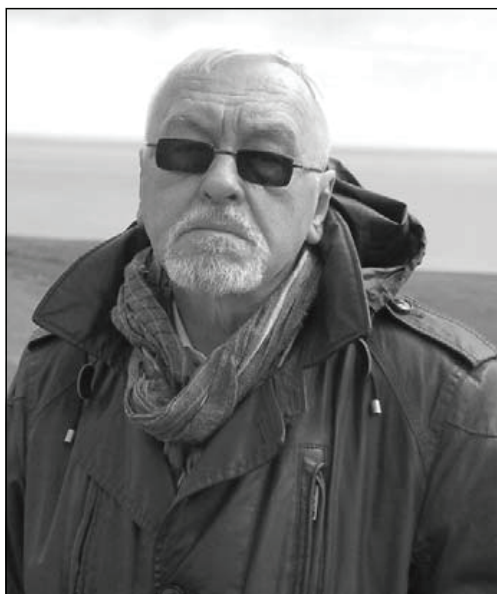
4. Раскройте смысл символических образов чаши, Корабля, дома, паруса в двух стихотворениях.

5. В чем можно увидеть переключку стихотворения М. О. Кулаковой «Она была Корабль. Она жила на суше...» со строками Беллы Ахмадулиной из стихотворения «Я вас люблю, красавицы столетий...»?

...Я выбираю, поступаясь талантом,
стать оборотнем с розовым зонтом,
с кисейным бантом и под ручку с франтом,
а что есть ямб — знать не хочу о том.
Лукавь, мой франт, опутывай, не мешкай!
Я скрою от незрячести твоей,
какой повадкой и какой усмешкой
владею я — я друг моих друзей...

ИГОРЬ
ВАЛЕНТИНОВИЧ
ЧУРДАЛЕВ
(1952—2020)

О поэте

Совсем недавно ушел из жизни большой поэт Игорь Валентинович Чурдалев.

Поэты, перешагнувшие из века в век... Их судьбы и творчество всегда драматичны. Е. Н. Крюкова в статье, посвященной И. В. Чурдалеву, пишет, что его жизнь последние два десятилетия «была жизнью философа, поэта и отшельни-

ка, что размышление и спокойствие возвел в творческий абсолют.

Эта медитативная позиция была им занята после смелой и отчаянной, как у всех, со времен Достоевского, русских мальчиков, попытки художественной революции, духовного переворота, поэтического Сопротивления.

И этот классический русский путь был когда-то осознан русским философом Константином Леонтьевым.

Игорь не гнался за публикациями, не стремился к премиям, не клал жизнь на издание своих книг. Хотя он был великолепным, много всего драгоценного знающим литератором, выпускником нижегородского университетского филологического факультета, и блестящим тележурналистом. В свое время он организовал в Нижнем Новгороде культурное сообщество «Триклиний», вел литературную студию «Марафон». Постепенно, шаг за шагом, он вынул себя из утомительного социума, становящегося все хаотичнее, рыночнее, холоднее. Но тем самым он спас себя. Он остался тем, кем и должен остаться человек: самим собой.

И — Поэтом».

И. В. Чурдалев родился в городе Севастополе, в семье морского офицера, но с детства и всю оставшуюся жизнь провел в Нижнем Новгороде. Одни только названия его поэтических книг отражают время: «Ключ», «Железный проспект», «Нет времени». Он писал о себе: «Я прожил жизнь — и доживу ее остаток — в городе, который я люблю. Эта любовь (а не инертность характера) позволяла мне в разное время без труда избежать соблазнов перемены места жительства, при всей лубочной красочности рисующихся перспектив.

Думаю, ни один из иных российских городов не отражает самой сути моего Отечества с такой полнотой, с такой степенью типической усредненности и яркости одновременно. Нижнему Новгороду, живущему трудом, а не представительством, испокон предписана была табелями государственности роль главной мастерской, кладовой и амбара при столицах — но уж никак не роль парадного или концертного залов».

Любопытен взгляд поэта на поэтический труд и роль поэзии: «...мир не сможет существовать без людей, способных самостоятельно формулировать смыслы и цели бытия, не принимающих положения манипулируемых человекоединиц.

Для этих людей поэзия, весь словом сохраняемый духовный опыт поколений, останется важнейшей и востребованной ценностью, обеспечивающей их интеллектуальную и личностную независимость».

Поэзия Игоря Чурдалева интеллектуальна: в ней много литературных и культурно-исторических аллюзий, за первым смысловым планом постепенно открываются все более глубокие смыслы. При этом высокое интеллектуальное напряжение стихотворения не уничтожает его чувственно-эмоциональную природу. В сборниках его стихотворений нет интонационной и ритмической монотонии: поэт блестяще владеет классическими размерами, дольником, акцентным стихом. Читая стихотворения в его книгах одно за другим, попадаешь в яркий, сложный, а потому интересный и увлекательный мир, где события и герои разного времени и пространства оказываются в едином мощном потоке жизни, как в морском течении...

Морское течение

Бог мне был явлен морем — во время оно,
в коем, объятый водами как Иона,
не утрашась глубины и бурливой пены,
я, малышом, с пирса ловил селедок,
вздрагивая от лая подводных лодок,
борт отца узнавал по хрипотце сирены
и улетал сердечком навстречу судну.

Бог мне был явлен морем — кругом, повсюду.
Может быть, в море выйти затем и надо,
чтобы понять: если мелочь не застит взгляда,
то горизонт предстает бесконечным кругом,
а не чертой, разлучающей север с югом.

Все, чем раскрашен глобус, сейчас забудьте.
Между морями Баренцевым и Черным
скрыты проливы, неведомые ученым —
и субмарина всплыла в Балаклавской бухте.

Там и поныне плещутся наши флаги —
лучше уж в листригоны, чем в лотофаги...
Там и поныне под крыльями чаек белых
спит мой отец, зарыт в каменистый берег.
Он завещал мне кортик, бинокль от Цейса,
звенья из стали отечественного ГОСТа —
жесткий хребет, в котором согнуть не просто
семь поколений русского офицерства.

В этом есть все, что стоит нести с собою —
море, до края наполненное любовью
непреходящей, немеркнущая отвага,
камень в тени скорбного кипариса,
слово, не истлевающее, как бумага —
тверже гвоздя, на котором клинок Улисса
над изголовьем юноши Телемаха.

Знаю течение и помощней Гольфстрима —
вряд ли стремнина эта остановима.
Но — не в обиду аду и райским куцам —
я бы остался в море, вечно текущем
мимо эпох докучных, времени мимо,
не «до», не «после» — вне нашей и вашей эры,
где я качаюсь, древнее жрецов Кибелы,
голый, меж скал, в прибое, как в колыбели,
в ритме Гомера, с бутылкой местной мадеры.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы понимаете повторяющуюся в стихотворении «Морское течение» фразу «Бог мне был явлен морем»? Какие значения приобретает слово «море» в стихотворении? Как и зачем происходит расширение художественного времени и пространства в этом произведении?

2. Как движение лирического сюжета соотносится с названием стихотворения?
3. Подготовьте культурологический комментарий к встречающимся в стихотворении именам собственным, упоминаемым героям и событиям. Как эти комментарии помогут читателям в осмыслении текста стихотворения?

Let it be

Как это было?

Я забываю.

Кажется, травы вставали до неба,
что-то шептала девочка рядом.

Мчались друзья на подножке трамвая,
юностью сладкой переболевая.

Все было летом. И все было садом.

Были свиданья на кладбище старом —
и паучок нас смешил на могиле,
ибо как боги бессмертны мы были.

Лет не считали,

дни торопили.

месяцы наши, наши недели,
мчались, как гоночные автомобили,
на поворотах сшибаясь, горели!

Если же дома сидел ненароком,
только и ждал, чтобы в дверь позвонили.

Помню — срываюсь, лечу, открываю...

Кто ты,

промокшая, там, за порогом?

Чтоб не завуть от тоски — забываю.

Дверь забиваю.

За дверью забитой

дребезги чьей-то мальчишеской жизни:

длинные локоны,

драные джинсы,

грустный мотивчик битловский,
забытый.

Как ты мелодию эту любила!
Если бы легкие снова наполнить
песенкой прежней про то, как все было...
Но невозможно все было запомнить.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каким предстает мир юности в стихотворении «Let it be»? Какие из образов стихотворения кажутся вам наиболее эмблематичными, то есть ярко передающими мироощущение человека в юности?
2. Чем можно объяснить присутствие в стихотворении одновременно желания забыть прошедшее и не забывать его?

Язычник

Ах, этот бог...
Ну помню, как же, как же.
Был суховей и адская жара.
Кишела чернью плоская гора.
А я, к тому же, как начальник стражи,
еще одет в доспех из серебра
и перебрал в триклинии вчера,
а нынче снова мучился от жажды.
Считать с утра — не меньше меха выпил.
А сам наместник, бестия не прибыл.
У нас чуть что — центурия моя.
Случится казнь какого-то ворья,
моих орлов тотчас же — в оцепенье.
Уйду в отставку. Кончится терпенье.
Куплю именье....
Так о чем бишь я?
Ах, да, жара — аж до оцепененья
мозгов под шлемом... Там была одна

в толпе красотка, это помню точно,
еще подумал: надо бы...
Но тошно
и как-то лень от зноя, от вина.
В тот год вообще не лето было — пекло!
Все выгорало, трескалось и блекло
и пропадала влага в родниках.
Что родники — моря и реки сохли...
К обеду двое на крестах издохли,
а третий — сумасшедший — все никак.
И бред его мне доносило ветром:
что он, мол, бог и все такая муть...
И думал я: помри, будь человеком,
над нами сжался и себя не мучь.
А он все ныл про веру и добро...
Тогда я не спеша допил из фляги,
подъехал к богу вашему, к бедняге,
и сунул ему пику под ребро.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

Стихотворение «Язычник» вызывает в памяти историю распятия Христа из Нового Завета и множество сюжетов произведений живописи и литературы на эту тему.

1. Рассмотрите картины Карла Блоха «Распятый на кресте» и Ильи Глазунова «Распни Его» (<https://www.livemaster.ru/topic/2328953-strasti-hristovyy-netlennye-polotna-velikih-masterov>); перечитайте описание распятия Иешуа в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».
2. Сопоставьте эти сюжеты с содержанием стихотворения «Язычник». Обратите внимание на то, что оно написано как монолог персонажа, начальника стражи.
3. Как можно интерпретировать заключительные восемь строк стихотворения с точки зрения христианской морали?

И теперь, и когда умру

И теперь,
и когда умру,
бить ключу в голубом бору,
в лад стволам гудеть на ветру,
розоветь траве поутру —
и теперь, и когда умру.

Веры тленны
и имена.
Вечность если и суждена,
не крестам, не местам святым,
а цветам полевым простым.

Цвествь бы с ними,
да вот — нельзя.
Помяните ж, когда умру,
все, что билось во мне не зря,
словно ключ в голубом бору.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему стихотворение «И теперь, и когда умру» напоминает молитву? Как фонетическая организация текста делает его особенно выразительным, музыкальным?
2. В чем смысл сравнения жизни человека с ключом в голубом бору?

**ВЛАДИМИР
НИКОЛАЕВИЧ
ГОФМАН**
(родился в 1953 году)

Владимир Николаевич Гофман — член Союза писателей России, Союза журналистов России, священник Русской православной церкви.

В. Н. Гофман родился 10 сентября 1953 года. Он закончил Катунскую среднюю школу, поступил в авиатехникум в Рыбинске, после чего служил в армии, потом окончил историко-филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. В 1980-е годы,

переехав с семьей в Набережные Челны, работал редактором в газетах «Камские зори», «Отчий край». Там же Владимира Николаевича пригласили организовать выпуск новой епархиальной газеты «Благая весть» (позже — «Казанские епархиальные ведомости»). И это перевернуло его жизнь. В 2000 году он оканчивает Московскую духовную семинарию и становится настоятелем Архангельского собора Нижегородского кремля. Сейчас служит в соборе Рождества Пресвятой Богородицы у себя на родине, в селе Катунки. Владимир Николаевич в течение 9 лет был соведущим православной программы «Свете тихий» на нижегородском телевидении, а теперь у него своя передача «Знак вопроса» на радио «Образ». Он является автором сборников стихотворений: «Ветер с Волги», «Снежница», «Подземный переход», «Белый храм на крутом берегу» и других. Его рассказы в сборниках «След облака», «Польня», «Высокая грива», «Дом-корабль», «Как один день» удостоены ряда литературных премий, в том числе премии Нижнего Новгорода и премии «Болдинская осень».

Известный нижегородский поэт и писатель В. А. Шамшурин, высоко оценивая творчество В. Н. Гофмана, назвал мир его книг «бесконечно узнаваемым, но исполненным величия и значения», а сборник поэзии и прозы «След облака» — «очень русской книгой».

Три рассказа В. Н. Гофмана представляют разные грани мастерства писателя. Объединяет их тема современности, общая ненавязчивая, чуть грустная интонация повествователя, ярко выраженное лирическое начало, присутствующее даже там, где сюжет развивается динамично, и мудрое, вернее — умудренное доверие к человеку.

Вечная сказка

«Вечная сказка» в лаконичной форме повествует о целой жизни. В трех ее коротких главках, как в трех каплях воды, отражается огромный мир человеческих взаимоотношений. Известно, что вечный сюжет «отцов и детей» развивается

через конфликт и не всегда стороны приходят к согласию в итоге. Но в этом рассказе любовь и преданность все же оказываются сильнее недоверия и разочарования.

I

Он шел быстро, почти бежал, прижимая к груди хрупкое тельце дочери. До больницы оставалось совсем близко, когда она пришла в себя.

— Па, куда мы идем?

— Мы идем в больницу.

— Зачем?

— Ты поранила пальчик.

— А почему я не помню?

— Потому что ты потом уснула.

Больничное здание светилось огнями во всех окнах.

— Почему же мне не больно?

— Так ведь это хорошо, что не больно, правда?

— Правда.

«Скоро ты почувствуешь боль», — подумал он. Говорить было неудобно: он прижимал щекой ее руку на своем плече, чтобы девочка не видела крови, которая стекала ему на рубашку и на дорогу позади них.

— А теперь мне больно, — сказала она.

— Но ты ведь потерпишь?

— Потерплю.

Оставалось пройти всего несколько шагов до подъезда. Он еще крепче прижал девочку к себе и почувствовал, как бьется маленькое сердце.

— Потерпи, Светлячок. Потерпи еще немного. А я расскажу тебе сказку.

— Какую? — голосок дрогнул.

— Это старая сказка.

— Ладно. — Она всхлипнула. — А потом еще одну, новую?

— Конечно. Я расскажу тебе все сказки.

— Все-все?

— Все-все. Какие только есть на свете.

II

Они стояли друг против друга в полутемной прихожей, и он в очередной раз заметил, что дочь стала выше его ростом. Особенно в этих дурацких туфлях на неуклюжей платформе.

— Где ты была?

— У нас был вечер.

— Какой еще вечер? — он едва сдерживался.

— Вечер отдыха, — ответила она с усмешкой.

В квартире пахло валерианкой. Где-то у соседей за стеной раздавались звуки одной из надоевших популярных песенок.

— Вечер отдыха? — переспросил он. — И этот вечер длился сутки?

— А что?

— Ничего. Ты могла хотя бы позвонить...

— Там не было телефона.

«На все у них готовый ответ», — подумал он. Дочь попыталась пройти мимо него в свою комнату.

— Подожди, — он взял ее за руку. — Тебе восемнадцать лет, и я...

— Уже восемнадцать!

— Нет, всего восемнадцать!

Лицо ее, в косметике, казалось непроницаемым. В последнее время оно было таким всегда, и только особенным показался ему блеск глаз. И тогда он, догадавшись, резко приподнял легкий рукав ее платья: на локтевом сгибе краснели две маленькие отметины, похожие на подсохшие укусы комаров.

Он вдруг остро почувствовал тыльной стороной ладони гладкость кожи на кисти ее левой руки, на том месте, где был когда-то мизинец.

...Огни больницы мчались на него, слепя и пугая. А он все прижимал к груди беспомощное тельце дочери, как будто хотел ее защитить от всего мира...

У него перехватило горло.

Что он мог сказать ей? Какие слова? Таких слов не было у него в запасе. Теперь не расскажешь сказку. Она не услышит ее. Ни одной из тех, что есть на свете.

III

Он знал, что умирает. Об этом знали все. Дочь присела возле него на краешек кровати.

— Тебе что-нибудь нужно, па? — спросила она. Ему нужно было многое. И прежде всего — она.

— Нет, — ответил он и закрыл глаза.

— Как ты?

Он не ответил, неопределенно приподняв брови. Что ответишь на такой вопрос.

Немного помолчав, спросил:

— Где дети?

— Они сейчас приедут.

— Это хорошо.

На улице за окном неожиданно громко запела птица. Он открыл глаза и посмотрел на дочь: тонкие серебряные ниточки седины на ее висках стали заметнее.

— Открой, пожалуйста, форточку.

Она встала, открыла форточку и снова присела к нему на кровать.

Он взял ее руку и провел пальцами по ладони. Кожа на месте, где не было мизинца, оставалась такой же гладкой и тонкой, как в детстве.

— Слушай, — сказал он тихо и замолчал.

...Ее сердечко колотилось так близко, что, казалось, оно бьется в его груди, и он еще крепче прижал дочку к себе. Огни больничных окон сверкали впереди, расплываясь в большое яркое пятно...

— Слушай, Светлячок, я расскажу тебе сказку.

Она заплакала.

— Какую сказку?

Этих слов он не произносил уже много лет, он даже боялся, сможет ли сказать их вслух.

— Старую сказку, — еще тише сказал он, а сам все не выпускал ее руку из своей.

— Старую-старую сказку.

— А потом еще одну, новую? — сквозь слезы спросила она.

Вспомнила! Она вспомнила! Он глубоко вздохнул и закрыл глаза. Разноцветные огни летели навстречу ему с невероятной скоростью. И он прошептал едва слышно:

— Все-все... Какие только есть на свете.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Многие рассказы А. П. Чехова, такие как «Ионыч», «Дама с собачкой», критики называли романами в миниатюре. Можно ли эту характеристику отнести к рассказу В. Н. Гофмана «Вечная сказка»?

2. Раскройте смысл лейтмотива сказки в каждой главке рассказа. Помогает ли этот лейтмотив найти ответ на главный вопрос: как родителям и детям не утратить связь друг с другом?

3. Обращает на себя внимание музыкальность рассказа «Вечная сказка». Во-первых, в нем звучит дуэт двух голосов — отца и дочери; во-вторых, его скрепляет развивающийся лейтмотив; в-третьих, как в музыкальных произведениях трехчастной формы, мы встречаемся с *репризой* (реприза в музыке — повторение начальной темы, как правило, с некоторыми изменениями — фактурными, динамическими, ладовыми). В чем заметно проявление репризы в рассказе и каков ее смысл?

Полынья

Рассказ «Полынья» — это психологический этюд. Перед читателем разворачивается не просто бытовая сцена, а глубокий внутренний конфликт человека, оказавшегося в неожиданной для себя ситуации. Автор пристально рассматривает малейшие импульсы своего героя: движения, диктуе-

мые инстинктом самосохранения, рациональной частью сознания, и частью иррациональной — то есть совестью. Воистину, человек есть поле сражения добра и зла. Что победит?

И тогда наступила тишина. Андрей отчетливо слышал сухой шелест размываемого водой льда. В полынью, западая на один бок, качалась шапка Петровича, похожая на большой поплавок. Течением тащило ее под лед, но она, зацепившись за острую кромку, вздрагивала, точно живая, и все держалась на поверхности. Но вот она исчезла. Андрей судорожно вздохнул. Из горла вырвался звук неожиданно жалкий и тонкий. Некоторое время Андрей продолжал лежать на льду, прижавшись щекой к углу своего ящика. Потом с трудом поднялся. Все тело сотрясала дрожь, руки и ноги казались распухшими, плохо повиновались. И он не мог понять — от холода это или от того ужаса, который только что пришлось пережить.

Он огляделся. На реке — не души. Сгущались сумерки. Из-за островов налетали порывы жгучего ветра. Мокрый плащ покрылся ледяной коркой. Нужно было возвращаться в деревню, но он все стоял, растерянно обрывая намерзшие к рукавам плаща кусочки льда. Возле полынни чернела лыжа. На миг страх с новой силой охватил Андрея. Как наяву, увидел он красные пальцы Петровича, цепляющиеся за хрупкую ледяную кромку, которая крошилась, крошилась...

Он отвел взгляд от страшного места. Вокруг было темно, тихо и жутко. Впереди — там, где тянулась невидимая полоса берега, мутно мерцали огоньки деревушки, высвечивая в фиолетовом сумраке край неба. И тут на глаза ему попался ледобур Петровича. Он лежал так, что его рукоятка едва возвышалась над ровной ледяной поверхностью. Позади темнела холодная, равнодушная вода. «Если бы Петрович шел первым, ничего не случилось бы», — мелькнуло в сознании. «Не случилось бы с ним, — тут же возразилон сам себе, — а с тобой?».

Не отдавая себе отчета, зачем он это делает, Андрей

старался с помощью лыжи подтащить бур ближе, хотя можно было сделать несколько шагов и дотянуться до него. «И вообще, зачем он отошел в сторону? Знал же, знал, что лед на тропе всегда прочнее?» — Андрей представил себе, как идущий сзади Петрович бросает поклажу и хватается его, Андрея, за плечи, чтобы оттащить от полыньи. Андрей передернул плечами, на мгновение почувствовал на них тяжелые руки Петровича. Этого толчка хватило, чтобы лыжа, зацепившая бур за шнековую часть, сорвалась, — бур без всплеска ушел в воду.

«Ты мог протянуть старику бур», — опять зашептал незнакомый ему доселе голос, тихий и вкрадчивый. «Нет, не мог! Не мог! — чуть не закричал Андрей. — Если бы я не поскользнулся...» — «Ты протянул бы Петровичу лыжу? — с сарказмом спросил голос и, как будто одержав победу, с торжеством добавил: — Ее же в руках не удержишь!»

Такое раздвоение в себе Андрей испытывал впервые. От страшного внутреннего напряжения у него голова пошла кругом. Хотелось опуститься на лед и больше уже не вставать. Унявшийся на недолгое время озноб снова сотрясал его с головы до ног. Он собрал разбросанные по льду вещи и направился к берегу.

Темнота становилась все плотнее. Подморозило крепко. Тропа под ногами казалась совсем черной. Скрип снега эхом разносился в тишине и болезненно вонзался в сознание. И вдруг тот же голос прошептал: «А ведь ты бурто нарочно в полынью столкнул!». Шепот был таким отчетливым, что Андрей вздрогнул и оглянулся. На лбу выступила испарина. Он сдвинул на затылок шапку, перевел дыхание. До берега оставалось около километра. Ноги неуверенно становились в старые, прихваченные морозом следы.

Еще четверть часа он шел, как в бреду, разговаривая с невидимым собеседником, когда почувствовал, что правая нога теряет опору. Повторялось то же самое, что час

назад — Андрей, не заметив промоины, провалился в нее ногой, но шедший тогда сзади Петрович успел повалить его на спину. Теперь Андрей был один. Почуввав опасность, он по-заячьи метнулся в сторону, упал на бок. «Ничего... ничего... скоро берег...» — шептал он, успокаивая себя. Но подняться на ноги не смог — пополз по острому снегу туда, где спасительно светились огоньки деревни.

Каким маленьким и раздавленным чувствовал он себя под огромным звездным небом! Как было ему страшно, тоскливо и одиноко! Вот и берег. Пошатываясь, Андрей встал. Над горой висел тонкий месяц. В его жидком свете матово блестела тропинка, узким пояском изогнувшаяся по склону горы.

Постепенно мысли приходили в порядок, и он решил, что, как только вернется в город, сразу заявит о гибели Петровича. Но вот показались первые дома деревни и сомнения опять стали терзать его. «Хорошо, — думал он, невольнo ускоряя шаги, — хорошо... А на работе узнают? А жена?.. Нет, причем тут жена! И вообще, я же ни в чем не виноват!..». «Ну да, разумеется. Разумеется, не виноват... — и тут новая мысль поразила его своей неожиданностью. — Можно вообще молчать! Кто видел? Кто докажет?..». Ему вспомнился бур, без звука уходящий в черную воду. «Последняя улика уничтожена!» Он едва не закричал: «Почему уничтожена? Почему улика?.. Я не хочу. Не хочу!».

Возле дома, в котором они с Петровичем остановились, Андрей замедлил шаги, скинул с плеча тяжелый ящик. Свет, падающий из окон, освещал «Жигули», одиноко стоящие у ограды. Открыв дверцу, Андрей опустился на сидение. Страшно захотелось курить. Негнущими пальцами он вытянул из пачки сигарету. В это время на крыльце пронзительно скрипнула дверь.

— Ага, рыбачки мои вернулись? — раздался голос хозяйки. — Ну, и слава Богу. Гляжу — смеркается, а вас все нету. Не случилось бы чего, думаю. В этаку пору всяко бывает. Этта в Горях трое утопли...

Андрей спиной чувствовал ее шаги и свистящее дыхание. Стукнула крышка ящика.

— Ба-а! С уловом, значит. Ну, молодцы!..

Старуха замолчала. Андрей все сидел в машине полу-бокком к распахнутой дверце, курил. Ему не хотелось не только отвечать, но даже смотреть на старуху.

— А где Петрович? — спросила она, и Андрей вздрогнул. Спокойный голос старухи показался ему зловецким, как будто она знала что-то такое, в чем он сам себе признаться не мог.

«Надо что-то ответить... ответить...» — подумал он и вдруг неожиданно для себя произнес:

— Как где? Дома, наверно, чай пьет!

— Дома? Нету его дома, — сказала старуха. — Вы ведь вместе по заре пошли.

Андрей проглотил тягучую слюну.

— Пошли-то мы пошли, да разошлись. — Он чувствовал фальшь в своем голосе, противился ей, но уже не мог остановиться. — Я думал, Петрович вернулся давно.

— Нет, не вернулся, — растерянно сказала старуха и замолчала. Андрей нагнулся, стал шарить внизу под сиденьем.

— Эй, парень, ты что? Ты вылезь из машины-то, — старуха дернула его за рукав плаща.

«Чего она пристала?» — с неприязнью подумал он, но повернулся и, грузно, путаясь в плаще, выбрался из «Жигулей». Старуха шагнула ему навстречу. Ее лицо темнело совсем близко, и страх охватил Андрея.

— Э-э, парень... — прошептала она, заглядывая ему в глаза.

Андрей отшатнулся. Хотелось закричать, даже ударить старуху, но, как это бывает во сне, руки и ноги, да и все тело стали непослушными. Лицо старухи поплыло куда-то в сторону. И тогда он упал на колени, закрыл лицо руками и беззвучно заплакал.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Попробуйте воссоздать события, произошедшие до описанного в рассказе. Объясните поведение Петровича и Андрея в критический момент.
2. Какова функция двух художественных деталей в сюжете произведения — шапки и бура?
3. Проследите в тексте развитие мотива темноты (черноты). Как это соотносится с чувствами и мыслями Андрея?
4. Как можно объяснить неожиданное поведение героя в финале рассказа?
5. В каких ранее прочитанных вами произведениях изображены герои, в которых логику рассудка побеждает совесть? Сопоставьте их с героем рассказа «Полынья».

Хук с правой, или Vivat, майор!

«Хук с правой, или Vivat, майор!» — история, рассказанная по-мужски жестко и честно. Этот небольшой рассказ задевает многие из сегодняшних острых проблем: социальных, межнациональных, личностных. Любопытно, что история про Грязнова и Важаева дана через восприятие двух людей — бывшего полковника и героя-повествователя.

Подумайте, почему так сделал писатель.

Правая рука полковника была изуродована. На ней не хватало двух пальцев — указательного и среднего. Поэтому зажигалку он держал в левой руке, а искалеченной правой прикрывал огонек от ветра.

Ветер дул из-за реки уверенно и упруго, так, что бумажные стаканчики с кофе приходилось придерживать, чтобы не упали. Даже отсюда было видно, как раскачивает он кабинки фуникулера над Волгой.

Наконец полковнику удалось прикурить. Он откинулся на спинку стула и отхлебнул из стаканчика кофе.

— Дрянь! — сказал он.

Я согласно промолчал. А что еще ожидать в бумаж-

ных стаканчиках? Горячий — уже хорошо, да и то ненадолго.

Мы сидели в летнем кафе на Откосе. Солнце припекало, но ветер все равно был прохладным. За соседним столиком обосновались две девушки. Они ели фисташковое мороженое из стеклянных вазочек ложками для коктейлей и оживленно разговаривали, весело смеясь.

Словно из-под земли перед ними вырос молодой человек, как принято говорить, кавказской национальности. В последнее время в городе их стало заметно больше. А уж где девчонки без провожатых, обязательно материализуется какой-нибудь черноголовый в белой рубашке. Не спрашивая разрешения, он присел на свободный стул, заговорил, активно жестикулируя. Девушкам это явно не понравилось. Одна из них попыталась подняться, но парень удержал ее за руку. К другой придвинул ближе свой стул.

Полковник шумно вздохнул, затушил сигарету в пепельнице.

— Эй! — окликнул он кавказца. — Эй, приятель!

Тот повернулся в нашу сторону.

— Ассалам алайкум! — сказал полковник.

— Валайкум ассалам! — настороженно ответил парень.

И тут полковник неожиданно для меня заговорил на незнакомом языке. Он произнес несколько отрывистых гортанных фраз. Незванный гость поднялся, развел руками, что-то тихо сказал девушкам и исчез так же быстро, как и появился. Девушки благодарно улыбнулись полковнику. Он в ответ приподнял соломенную шляпу.

— Что это было? — спросил я.

Полковник пожал плечами.

— Могуш лелий, — произнес он, улыбаясь, и пояснил. — Я спросил его, как здоровье, ну и еще... попросил уйти.

— И он ушел?

— А ты не заметил?

— Интересно. И по-каковски вы с ним говорили?

— Он чеченец. По-чеченски и говорили.

— Ты знаешь чеченский?

— Немного знаю, — он поднял правую руку над столиком. — Первая чеченская.

— Ясно, — кивнул я. — Наглецы. Ведут себя как дома.

Полковник ответил не сразу. Помял стаканчик тремя уцелевшими на руке пальцами и сказал:

— Дома они, поверь, ведут себя по-другому. Ну да Бог с ними. А здесь мы позволяем чужим так себя вести. Разве не так?

— Так.

— Вот видишь. А что касается наглецов, так этого добра, согласишься, в любом народе хватает. Как и достойных людей, между прочим. Мне довелось таких встречать.

— Среди чеченцев?

— И среди чеченцев тоже. Вот послушай одну историю. Весьма, я тебе скажу, поучительную. Помнишь Хаджи-Мурата?

— Кого?

— Хаджи-Мурата. Повесть у Толстого так называется.

— Ну, конечно. В детстве читал. Даже, если не ошибаюсь, в школе проходили. Ты про него мне хочешь рассказать? Так этот Хаджи-Мурат все же литературный герой.

— Почему же — литературный? Вполне реальный. Правая рука самого Шамиля. Но я не про него расскажу. Просто — характер. Понимаешь? У них, у чеченцев, нет компромиссов, белое — это белое, а черное — черное. И понятие о чести, как бы сказать, обнаженное, что ли... Так вот, еще до войны в Чечне стал я свидетелем одной истории, которая этому может быть свидетельством. Случай, как я говорил, из ряда вон. Молодым старлеем я служил в одном из южных военных округов, не буду на-

зывать в каком, да это и не важно. Заместителем командующего военного округа по тылу был генерал по фамилии, скажем, Грязнов. Говорящая фамилия. Бывает так в жизни. Пьяница, хам, каких свет не видывал, при этом лизоблюд и подхалим. Первым делом для него было унижить человека, особенно низшего по званию. Упивался властью, как и водкой. Больше всего любил поиздеваться над женщинами. Зато перед начальством заискивал, лебезил, не стеснясь. Короче, тип известный. Такие настойчиво ползут и, как правило, вползают по ступенькам карьерной лестницы. Иногда довольно высоко. Глядишь, еще вчера тебе в рот заглядывал, а сегодня — уже орет на тебя, глаза выпучив. А ты ему: «Есть, товарищ генерал! Так точно!»...

Да, еще. Матерщинник был страшный. Уж на что мы, армейские, к мату привычны, но и у нас от его лексикона уши вяли. Иной человек матюгается, но как будто так и надо. Расскажет анекдот — смешно, в рифму что-нибудь ляпнет, ввернув соленое словечко — весело. Естественно получается, живо. А у другого, когда матерится, словно грязь с языка течет. Что ни скажет, как жабу выплюнет! Такой и наш генерал был. Сослуживцы его, понятное дело, терпеть не могли. Но терпели — начальник.

Начальников у нас всегда терпят. По поговорке: ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак. Руководство к действию. Для подхалимов.

Я слушал полковника и думал, что таких грязновых у нас, как червей после дождя. Был, помню, такой — инструктор горкома партии Колотухин из идеологического отдела, который частенько меня прорабатывал за мои публикации в газете, при этом не стеснялся в выражениях. Однако с карьерой у него что-то не заладилось. Стеллся-стеллся, а все в инструкторах ходил. Может, не пускала «пятая графа». Или еще что. Однажды спрашивает меня, почему не ставлю в номер поэму одного старого коммуниста и известного в городе графомана о Мусе

Джалиле. Трехэтажный мат. Там, говорит, все политически грамотно. Трехэтажный мат. Может быть, отвечаю, там все политически грамотно, но зато поэтически совсем безграмотно! Тут уж целый небоскреб, и этажи не сосчитаешь. После таких наставлений казалось, что тебя окунули в дерьмо с головой. Долго не отмывается.

— Да уж, — сказал я. — Смелости не хватает. А что стоит послать такого подальше, или по морде съездить!

Полковник засмеялся.

— Именно — по морде! Так и надо. Эти ребята, я заметил, из тех, что семеро одного не боятся. Ну и мы, конечно, с начальством не больно смелые.

— Это точно. И что этот генерал?

— С генералом такая история приключилась. Вот послушай. В то лето я отдыхал с семьей в военном санатории в Алма-Ате (ранее Верный) близ Медео. Главным врачом санатория был майор медицинской службы по фамилии Важаев, чеченец. Наш самодур Грязнов приехал как раз в санаторий с проверкой. Ходит по территории, пьяный не сильно, но заметно. В сопровождении главврача, конечно, и персонала. Везде выискивает недостатки. Все ему не так — газон плохо подстрижен, забор не той краской выкрашен и так далее. Короче, придирается ко всякой мелочи, показывая свою генеральскую спесь.

Это бы и ладно, дело привычное. Хотя у Важаева в хозяйстве и придраться-то было не к чему. Как говорится, комар носу не подточит. Майор порядок любил, все держал под контролем, по всей строгости с сотрудников спрашивал. Персонал его побаивался, но и уважал, потому что хоть и строг он был, но справедлив. А если и требовал, то только по Уставу. Но давно известно, что свинья грязи везде найдет. Грязнов находил там, где ее и в помине не было.

Передвигается медленно, пузо вперед, ругается, не стесняясь не только своей свиты, но и сотрудников госпиталя, среди которых были и женщины.

— Что это у тебя, твою мать, наглядная агитация в каком состоянии? — тычет пальцем в новехонький стенд. — Переделать!

И дальше — по матери. И опять, и опять.

Майор-чеченец молчал. Только желваки на скулах перекатывались да бледнел все сильнее.

— А это что за...? — Грязнов остановился у газона. — Мать твою...

И тут майор не выдержал. Лицо его сделалось белым, как флаг пророка Мухаммеда. Он вытянулся в струнку и громко произнес звенящим голосом:

— Товарищ генерал, прекратите материться!

Тихо стало. Казалось, замер весь санаторий. Даже птицы перестали. Первым очнулся генерал.

— Что? — взревел он. — Что ты сказал? Ты мне указывать будешь, твою мать!

— Я сказал, — голос майора стал ледяным, — прекратите материться! Я недавно похоронил мать...

Генерал шагнул к майору и почти уперся в него животом.

Последовало очередное ругательство.

Никто даже представить себе не мог, что сейчас произойдет. На бледном лице Важаева вдруг загорелись диким огнем глаза. Это были глаза не майора медицинской службы. Это были глаза кавказского абрека. Коротким ударом в челюсть он отправил генерала в нокаут. Тот рухнул на землю, как подкошенный, даже не охнув...

Полковник затушил сигарету.

— Вот так, — усмехнулся он. — Хороший был удар. Настоящий хук с правой. Тут бы майору и остановиться — уже этого вполне хватило бы для суда военного трибунала. Но он не остановился. Он пинал и пинал поверженного генерала и кричал с пеной на губах:

— Собака! Я тебе говорил, не матерись! Я тебе говорил, шакал, не трогай мою мать! Никакую мать не трогай никогда, сволочь!..

Как сейчас вижу — безумные глаза на белом лице майора и начищенные сапоги, сверкающие на солнце сабельным блеском. А на постриженной аккуратно траве грузное тело генерала дергается при каждом ударе этих блестящих сапог.

Наконец очухался генеральский ординарец и кинулся спасать командира. За ним — и вся свита. С трудом оттащили майора от жертвы. Какое-то время генерал лежал, не двигаясь. Мешок мешком, только с лампасами. Потом зашевелился, приподнял голову. Лица не было видно. Он закрывал его руками. Сквозь пальцы текла кровь. Его подняли, погрузили в машину и спешно увезли из санатория. На газоне лежала забытая генеральская фуражка...

— Вот такая история, — закончил рассказ полковник.

— А что майор? — спросил я. — Посадили, наверно, бедолагу?

— Представь себе, нет, — ответил полковник. — Расследование, конечно, было. Военный Совет принял решение шума не поднимать. Конечно, дураку ясно, что по всем статьям, майор Важаев заслуживал наказания. Тут ведь уж не просто рукоприкладство, а нанесение тяжких телесных... И кому? Вышестоящему! Посадить, безусловно, могли. Как два пальца... Но, я так понимаю, учли все — чеченец, состояние аффекта и так далее... Опять же поведение пьяного генерала, разумеется, тоже было принято во внимание. Свидетели нашлись. И «слава» его в округе была хорошо известна. Короче, не отдали майора под суд. Помню, перед офицерами округа выступали член Военного Совета и командующий округом. Не забывайте, сказал первый, этот случай никогда. Будьте вежливы с подчиненными. А командующий добавил не официальным тоном — если не хотите получить по морде! Хорошо сказал, по-мужски.

Что касается майора и генерала, поступили так. Майора перевели в другой город начальником военного гос-

питая, то ли в Рязань, то ли в Казань — не помню. А генерала — в один из центральных округов. Рассказывали, что, когда Грязнов явился к командующему округом, тот не принял его. Будто бы при этом он сказал:

— Мне битые генералы не нужны!

И правильно. Кому такие нужны? ... Слух был, что вскоре Грязнова уволили из Вооруженных Сил в запас. По состоянию здоровья, наверно. Всеобъемлющая, как известно, формулировка... На том дело и кончилось.

— По справедливости! — сказал я.

— Нет. По совести! — ответил полковник, вытаскивая покалеченной рукой из пачки сигарету. — Это не всегда совпадает.

На соседнем столике одиноко стояли пустые вазочки из-под мороженого. Ветер стих и уже не раскачивал кабины фуникулера. Они медленно плыли над рекой к другому берегу. Кофе в наших стаканчиках совсем остыл. Хреновый был кофе. Его и горячим-то пить не хотелось.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое значение для понимания рассказа имеет его рамочная композиция?
2. Есть человеческие качества истинные и показные. Читая роман-эпопею Л. Н. Толстого «Война и мир», вы встречались с такими примерами. О каких истинных и показных качествах говорится в рассказе «Хук с правой...» на примере антитезы Грязнова и Важаева?
3. Как вы понимаете смысл двух последних реплик героев рассказа о справедливости и совести, не всегда совпадающих?
4. Напишите сочинение на одну из тем по выбору:

— «Каким человеком мне представляется повествователь рассказов В. Н. Гофмана?»;

— «“Без памяти нет совести” (Д. С. Лихачев). По рассказам В. Н. Гофмана».

ЗАХАР
(ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ)
ПРИЛЕПИН
(родился в 1975 году)

Евгений Прилепин родился в селе Ильинка Скопинского района Рязанской области. Окончил филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Школу публичной политики. Работал разнорабочим, охранником, служил командиром отделения в ОМОНе, принимал участие в боевых действиях в Чечне в 1996 и 1999 годах. Первые произведения были опубликованы в 2003 году в газете «День литературы». Произведения Прилепина печата-

лись в периодических изданиях, в том числе в «Литературной газете», журналах «Север», «Дружба народов», «Роман-газета», «Новый мир», «Сноб», «Русский пионер», «Русская жизнь».

Книги: «Патологии» (роман) — 2004, «Санька» (роман) — 2006, «Грех» (роман) — 2007 (премия «Супер-нацбест», 2011), «Ботинки, полные горячей водкой» (сборник рассказов) — 2008, «Я пришел из России» (сборник эссе) — 2008, «TerraTartarara. Это касается лично меня» (сборник эссе) — 2009, «Леонид Леонов: Игра его была огромна» (биография) — 2010, «Черная обезьяна» (роман) — 2011, «Восьмерка» (сборник повестей) — 2012, «Книгочет» (пособие по новейшей литературе) — 2012, «Обитель» (роман) — 2014.

Жилка

Текст рассказа можно найти по электронному адресу: https://modernlib.net/books/prilepin_zahar/botinki_polnie_goryachey_vodki/read

В публицистической статье Захара Прилепина 2007 года «Наш современник, дай огонька» встречаются следующие строки:

Здесь появляется приятная возможность порассуждать о том, что Россия потеряла очертания. Не культурные, не геополитические, не эстетические, а вообще — очертания. Не поймешь, где у нее лицо, как в него смотреть, и туда ли ты смотришь, если хочешь узнать цвет ее глаз, или, может быть, вообще не туда, и здесь ничего не скажут, ничем не подмигнут.

Но и об этом мы не станем говорить, потому что Россию лучше всего видно, когда смотришь *мимо* нее. Куда-нибудь наискось. Ее очень хорошо понимаешь, когда не говоришь о ней. И все предсказываешь, когда речь ведешь о другом.

Человек пытается увидеть лицо России, то есть представить ее как единое целое, понять, осознать ее индивидуаль-

ные черты. По мнению писателя, это бестолковое занятие, ибо лучше смотреть мимо нее, не говорить о ней. Только тогда в сознании возникает неповторимый образ родины.

Прямо скажем, перед нами не первая попытка персонификации России, в связи с чем нельзя не вспомнить знаменитые блоковские строки: «И лишь забота затуманит / Твои прекрасные черты». Сейчас для нас важнее другое: современный писатель придает особое значение человеческому лицу.

Конечно, в его рассказах, входящих в сборник «Ботинки, полные горячей водкой», не раз упоминается о лице, то есть характеризуется улыбка героя, его взгляд:

1) Рубчик по-прежнему улыбался и выглядел так, словно рад был грядущему знакомству;

2) Рубчик смерил меня презрительным взглядом. Настолько презрительным, что я сам себя осмотрел вслед за ним;

3) А если Гном смеялся, черты лица его вообще было не разобрать, они сразу будто перемешивались и перепутывались, глаза куда-то уходили, и рот суетился повсюду, пересыпая мелкими зубками;

4) Лицо Примата было спокойным и далеким, словно он уже пересек на борту половину черноземной Руси и завис над горами, выглядывая добычу;

5) Глаза его были добры и лучисты. В одном собиралась и никак не могла собраться мутная слезинка, словно старику было смертельно жаль чего-то;

6) ...и громко, по-детски заплакала, спрятав маленькое любимое лицо в ладонях, а пальцы ее дрожали, как после ручной стирки в холодной воде.

Обращает на себя внимание третья цитата: смех в рассказе «Убийца и его маленький друг» перемешивает, перепутывает черты лица, куда-то прячет глаза — и на фоне этой неопределенности, даже пустоты, суетится рот, пересыпающий мелкими зубками. Последняя деталь может быть назва-

на говорящей, ибо она обнажает физиологическое начало в человеке и вызывает у читателя неприятные ассоциации, связанные с миром животных.

В пятой цитате раскрывается сложное психологическое состояние героя рассказа «Смертная деревня»: его добрые и лучистые глаза героя не могут скрыть собирающейся мутной слезинки, свидетельствующей о душевной боли. Но каковы ее причины? Писатель не отвечает на этот вопрос.

Рассказ Прилепина «Жилка» можно интерпретировать, поставив в центр внимания такой образ, как «лицо».

Читая рассказ, мы видим мир глазами главного героя. Основу сюжета (так и хочется назвать его лирическим) составляют изменения в его психологическом состоянии.

Главный герой «занимается революцией». Он постоянно ожидает людей в штатском и форме, которые должны за ним прийти. Усугубляет положение его очередной разрыв с женой («Ты жестокий, безжалостный, черствый, ледяной»). И вот мы становимся свидетелями размышлений и переживаний героя, едущего в троллейбусе. Причем все это происходит весной, в мае.

Какие изменения происходят во внутреннем мире главного героя рассказа?

Во-первых, вектор изменений в психологическом мире главного героя таков: от состояния одинокого волка («Я не волк, чтобы бегать от вас»), вызванного отчуждением от окружающего мира и означающего окаменение лица, души, — к ощущению неразрывной связи с этим же миром:

Мы перетаптывались, подталкивали друг друга, и мне хотелось немного станцевать или сделать кому угодно что-нибудь нежное. В мусорном контейнере, суровый и внимательный, ворошил бомж, и я с трудом удержался от желания обнять его и поцеловать в мохнатый и пахучий затылок.

Мягкий асфальт стелился нам под ноги, и каждый встречный блудный пес приветствовал нас хвостом как единобеспородных; а иной из них влажно касался моей,

выставленной навстречу ладони своим мокрым, весенним носом.

Во-вторых, решающее воздействие на героя оказывает солнце:

Я не люблю солнечного света, если рядом нет большой, обильной холодной воды. Дома я стараюсь держать шторы закрытыми и жечь электрический свет;

Но сегодня солнце мне показалось нежным, таким нужным мне;

И здесь солнце, которое до сих пор бродило где-то над крышей троллейбуса, вдруг прыгнуло мне в глаза со всей силы, как окатило из весенней бадьи.

Но тем не менее нельзя забывать о том, что в самом человеке должны быть предпосылки для существенных изменений. И в главном герое они есть: такие эпитеты, как «жестокый», «черствый», «ледяной», не отражают в полной мере внутреннего мира героя, каким мы видим его в начале повествования. Важно и другое: у этого человека есть друг, Хамас, к которому он не может относиться без нежности:

Выпивая или не выпивая, мы что-то рассказывали друг другу о себе, с такой ласковой добротой, с таким нежным вниманием — подобное, помню, было только в пацанском возрасте, когда лет в двенадцать, после хорошей рыбалки, после красивого и пышного дождя, от которого спасали хлесткие, ненадежные кусты, мы шли с навек забытым товарищем по нестерпимо красивому лугу, и огромная радость мира чуть ли не в последний раз сделала нас хорошими, честными, веселыми, совсем-совсем не взрослыми.

И вот это ощущение возвращалось...

Общение с другом возвращает человека в ранний период жизни, в детство, в «золотой век», который им воспринимается как само воплощение искренности, чистоты, прекрасного. И не удивительно, что воспоминание о Хамасе вызывает у рассказчика улыбку.

В-третьих, изменения во внутреннем мире героя влияют на то, как он воспринимает свою внешность: от каменного и глиняного лица — к лицу с новыми мышцами, новой кожей, новой кровью, то есть к подлинно живому лицу. И думается, именно эти изменения и должны быть в центре внимания и определять структуру учебного занятия.

В-четвертых, концентрируя внимание на символическом образе лица, мы должны себе отдавать отчет в том, что в художественном мире произведения он существует в системе связей с другими образами (нельзя забыть о солнце и жилке, о которой упоминает автор дважды).

Итак, процесс преобразования человека завершился. Добро восторжествовало. Тем не менее рассказ кончается следующей фразой: «Вечером мы опять поругались с женой». Фразой, которая как бы отбрасывает тень на большую часть художественного текста и подводит читателей к выводу о сложной психологической природе человека, о непреодолимости противоречий, периодически воспроизводящихся в отношениях между людьми. Всего лишь одной жесткой фразой романтическое, казалось бы, восторжествовавшее и в жизни, и в самом рассказе, уравнивается реалистическим. Но что дальше? Можно ли найти выход из замкнутого круга?..

М. И. Шутан

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой вы представляете себе жизнь главного героя рассказа, революционера?
2. Соотнесите каждую портретную автохарактеристику героя (*каменное лицо — глиняное лицо — лицо, обретшее новые мышцы, новую кожу, новую кровь*) с его психологическим состоянием.
3. Представьте себе лицо героя в те минуты, когда он фиксировал в своем сознании изменения в нем.
4. Найдите в рассказе упоминания о солнце. Прокомментируйте эти строки. Какова их роль в рассказе?

5. Примерьте к главному герою следующие афоризмы:

«Все имеет два лица: одно увядает, другое расцветает» (Ф. Ницше);

«Бог дал вам одно лицо, а вы приобрели себе другое» (У. Шекспир);

«Лицо человеческое — совсем, как лицо бога в восточной теогонии. Это целая гроздь лиц, расположенных в разных планах и невидимых зараз» (М. Пруст).

6. Можно ли утверждать, что «лицо» и «жилка» — символические образы одного ряда?

7. Не кажется ли вам лишней заключительная фраза рассказа «Вечером мы опять поругались с женой»?

8. Согласны ли вы со следующим суждением современного немецкого писателя Гюнтера Грасса о рассказе З. Прилепина: «...это очень поэтический текст. Герой рассказа изолирован от мира ("чужой как метеорит"), и эта дистанция с миром — самое сильное, что есть в рассказе»?

Лес

Текст произведения можно найти по электронному адресу: <http://literratura.org/prose/350-zahar-prilepin-les.html>

В начале повести мы попадаем в мир светлый, майский, где много воды и солнца. Этот мир кажется первозданным, чистым. Возможно, потому, что воспринимается глазами ребенка. Но повествователь — человек взрослый. Получается, что в центре повествования — восприятие мира ребенком, но рассказано и осмыслено все повзрослевшим человеком. Отсюда и возникает эффект глубинного смысла, скрытого за наивным детским взглядом на вещи. А точнее этот взгляд следовало бы назвать не наивным, а чистым, незамутненным, иногда пронизательно-точным. Так дети и чистые сердцем люди не понимают, а скорее угадывают, чувствуют суть вещей и событий.

Например, Корин, друг отца мальчика, излучает какую-то притягательную силу и одновременно опасность: «Он был низкорослым, носил черную, как у горца, бороду, говорил веселые вещи резким и хриплым голосом, напоминал грифа, который пришел что-нибудь клюнуть». Он обладатель страшных вен на ногах и «красных губ в черной, но сырой от воды и золотящейся на солнце бороде».

Чутким ухом, каким-то внутренним слухом ребенок улавливает не только смыслы интонаций в речи людей (Корин говорит с отцом мальчика грубовато-фамильярно, как позволено давнему школьному и студенческому другу, а коринская племянница, «эта длинная, с ногами», 13-летняя девочка, со взрослыми мужчинами разговаривает так, что ребенок инстинктивно чувствует какую-то недобрую завлекающую силу), но и смыслы мельчайших жестов, смыслы молчания. Например, он знает, как по-разному закуривает отец и что это означает, как он передергивает плечами, как и почему может промолчать.

Вообще, прочитав только несколько страниц, мы понимаем, что мир мальчика сосредоточен вокруг отца. Отец — главная планета в его вселенной, и каждый человек, вещь или событие оценивается по тому, насколько оно соотносимо с отцом, насколько оно сближает или разделяет с ним ребенка. Поэтому про длинноногую коринскую племянницу Прилепин пишет: «Я ее ненавижу».

Любовь ребенка и взрослого повествователя к отцу прорывается не в описании нежных чувств, а в поведении, во внимании друг к другу.

Почему цепкая память ребенка запечатлевает мельчайшие отцовские движения, мимику, короткие реплики? Эти впечатления — хлеб детской души, она учится, какой быть, что делать, как понимать... Вот как будто бы незначительный эпизод, когда коротким вопросом («Что ты смеешься?») отец одергивает сына, засмеявшегося на грубоватую реплику Корина в адрес отца. И — мгновенное понимание, зарубка в памяти на всю жизнь: не смеяться, когда смеются над кем-то или поддевают другого.

Но вот ему не понравилось, что я смеюсь, и с тех пор я больше так никогда не смеялся.

Хотя и случаи не предоставлялись, но если б представились — я бы даже не улыбнулся.

Это уроки без наставлений. Ребенок просто живет рядом с отцом и выпитывает его в себя. Но происходить это может при условии полного контакта, искренности и абсолютного доверия с обеих сторон.

Отец не развлекает сына в парке с каруселями, а живет с ним в деревенском доме друга, с рыбалками, походами, серьезными разговорами («...что мы делали целую жизнь?... Мы целую жизнь умножали ложные смыслы!»). Вообще, дом Корина чем-то напоминает ковчег, приютивший на время представителей совсем разных поколений (кроме упомянутой племянницы, там живет еще древняя безумная старуха, учившаяся когда-то в институте благородных девиц). Рядом оказываются вещи из разных жизней — на пианино, вытащенном во двор, банка с самогоном, куры... Вокруг много загадок (почему, например, проясняется взор безумной старухи при звуках грибоедовского вальса?) и много красоты:

Вокруг стоял просторный и приветливый в солнечном свете сосновый лес. Высокими острями он стремился в небо. Если лечь на спину и смотреть вверх — промеж крон, — начнет казаться, что сосны вот-вот взлетят, вырвавшись из земли, и унесут в своих огромных корнях, как в когтях, целый материк. И меня на нем.

С загадками мальчику еще предстоит разобраться в своей взрослой жизни. А пока он — рядом с отцом, и ничего не страшно. Не страшно даже сплавляться на автомобильных камерах по лесной реке к старым, заброшенным монастырям.

Описание этого путешествия приобретает какой-то сказочно-мифологический характер. Бородатый Корин, прихлебывающий пиво из баклашки и подбивший друга с сыном на это путешествие, то шутит, смеется, то пропадает, то появ-

ляется на реке и в конце концов совсем исчезает в ночи. Он похож то ли на Пана, то ли на лешего, от которого не знаешь, чего ждать — помощи или беды... Звуки, тени, холод, комарье — все пугает мальчика.

Кто-то шел за нами по лесу, неотрывно глядя на нас.

— Зверек какой-нибудь любопытствует о бредущих ночью по воде, — сказал отец; и улыбка все еще не покидала его голос.

Ужас мальчика был бы непреодолимым, если бы постоянно, каждую секунду он не ощущал отцовскую заботу и силу. Без суеты, без экзальтации, без фальшивых успокоительных «взрослых» утешений отец оберегает сына:

Отец наклонялся ко мне и грел своими руками, грудью, шеей, дыханием. От него пахло такой душистой беломориной, его покоем, его речью.

Это и остается у человека в памяти навсегда. Вот опасность. А вот мой отец. Мы не пропадем, он меня защитит и спасет. И так будет всегда, пока будет жизнь: отец и сын.

То, как ведет себя отец, — образец по-настоящему мужского поведения. Это лучший и самый эффективный способ воспитания: просто сын должен видеть, как поступает отец. Уложив ребенка в постель, несмотря на ночь, холод, усталость, он отправляется на поиски друга:

Он не взмахнул мне рукой, не кивнул, а просто, глубоко склонившись перед дверями, шагнул и пропал.

Друга отец найдет и за сыном вернется, и все благополучно возвратятся домой. Но это будет потом. А сначала описываются ощущения ребенка, оставшегося в чужой избе ночью без отца и почти бессознательно, толкаемого какой-то неведомой силой, выходящего из избы и спускающегося к реке.

В реке плеснула рыба, но темнота разом съела и рыбу, и плеск.

Больше не осталось ничего. Не дыша, стояла вокруг ночь.

— Папа, — позвал я, сначала повернувшись налево, а потом направо.

Отметим попутно, что в особо напряженные или лирические моменты проза Прилепина обретает ритм и глубину стихотворной речи.

Ближе к финалу произведения происходит неожиданный поворот: повествование остается в том же пространстве — тот же лес, та же река. Но время иное. Просто в новом абзаце герой держится не за руку отца, а за руль собственного автомобиля. Он все тот же, но уже взрослый. И, как когда-то в детстве ночью, движимый неясной силой, почти бессознательно совершает странный поступок — быстро скидывает с себя одежду и входит в холодную майскую реку.

Если долго стоять и ждать в том же самом виде на том же самом месте, то он, наверное, должен появиться.

Сначала раздастся плеск: это его шаги, и он все-таки преодолел сопротивление воды, вода же легкая, особенно если идешь по течению.

Потом, вослед за плеском, появится огонек его беломорины. Папиросы «Беломорканал» уже не продают, а у него есть.

Потом я начну понимать, что вот его лицо, а вот его плечо...

...ты где? Я стою тут в темноте. Куда затерялась твоя жизнь, папа?

Повзрослевшему сыну так же, как в детстве, нужен отец. Только вот есть утраты, которые нельзя восполнить, даже очутившись в лесу своего детства, даже войдя в ту же воду...

Таким мог бы быть конец повести. Грустным, ностальгическим. Но повествование совершает еще один неожиданный кульбит:

Меня сносило водою вниз...

Лес высился, и луна ускользала.

На берегу стоял мальчик в чужой, взрослой куртке, в свете луны было заметно, что голые ноги его усеяны комарами. Подбородок его был высоко поднят и тихо дрожал.

— Папа, — позвал он меня.

Круг замкнулся, и начался новый отсчет. Другой мальчик смотрит на своего отца и ждет от него помощи, тепла, защиты, речи. Уметь быть отцом — это и есть то главное, что унаследовал герой от своего отца.

Можно сказать, повесть Захара Прилепина «Лес» — это повесть воспитания (как когда-то писались романы воспитания). Она учит любить, помнить, она учит, как быть отцом.

М. Ю. Борщевская

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Поделитесь первым впечатлением от прочитанного произведения. Какие эпизоды и образы вам удалось представить наиболее ярко?
2. Назовите наиболее яркие, с вашей точки зрения, предметы и детали, обозначающие художественное пространство повести? Можно ли какие-то предметы вещественного мира рассматривать как символические образы?
3. Что вы можете сказать о повествователе?
4. Вспомните, как построено повествование в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность». Для этого прочитайте фрагмент главы «Новый взгляд» из повести «Отрочество», приведенный ниже, и обратите внимание на совмещение временных планов повествования. Зачем так сделано? Обнаруживается ли этот прием в повести Захара Прилепина «Лес»?

— Неужели точно ты уедешь от нас? — сказал я, — как же это мы будем жить врозь?

— Что же делать, мне самой больно; только ежели это случится, я знаю, что я сделаю...

— В актрисы пойдешь, вот глупости! — подхватил я, зная, что быть актрисой было всегда любимой мечтой ее.

— Нет, это я говорила, когда была маленькой...

— Так что же ты сделаешь?

— Пойду в монастырь и буду там жить, буду ходить в черненьком платице, в бархатной шапочке.

Катенька заплакала.

Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни, вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной еще стороной? Такого рода моральная перемена произошла во мне в первый раз во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества.

Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании. Без сомнения, я и прежде знал все это; но знал не так, как я это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал.

5. Кто из персонажей показался вам особенно интересным? Чем? Почему?

6. Как писатель создает внешние и психологические портреты персонажей? Покажите это на примере одного из героев по выбору: отца мальчика, Коврина, девчонки, старухи.

7. Как вы думаете, зачем в повести присутствует бабушка Корина, которая не принимает никакого участия в описываемых событиях? Как изменился бы смысл произведения, если бы в нем отсутствовал этот образ?

8. Какие эпизоды и детали ярко раскрывают отно-

шение ребенка к отцу? Какие жизненные уроки получает мальчик?

9. Перечитайте фрагмент повести, в котором описываются руки отца. Что делает это описание особенно эмоциональным? Поделитесь своими наблюдениями за языком и стилем писателя, добавив их к тем, что следуют за расположенной ниже цитатой.

У отца были самые красивые руки в мире.

Он умел ими запрягать лошадь, пахать, косить, срывать высокие яблоки, управлять лодкой, в том числе одним веслом против течения, очень далеко заплывать в отсутствие лодки, водить по суше мотоцикл, автомобиль, грузовик и трактор, строить бани и дома, рисовать тушью, маслом и акварельными красками, лепить из глины, вырезать по дереву, весело играть в волейбол и в теннис, составить достойную партию хорошему шахматисту, писать каллиграфическим почерком все что угодно, а также обычным почерком писать стихи, показывать фокусы, завязывать редкостные морские узлы и петли, красиво нарезать хлеб, ровно разливать водку, профессионально музицировать на аккордеоне, баяне, гармошке и гитаре, в том числе проделывая это на любых свадьбах, попутно ровно разливая водку, гладить свои рубашки, гладить меня по голове, но это реже.

Я еще не знал, что не унаследую ни одно из его умений. Наверное, я могу погладить себя по голове, но ничего приятного в этом нет.

Читая прилепинскую прозу, без конца с удовольствием делаешь маленькие наблюдения. Чего стоят только «высокие яблоки»! Эта детская грамматическая неправильность тут же превращается в метафору! Яблоки высокие, далекие, недоступные, доступные только ему — отцу, большому человеку.

Или дважды, словно случайно упомянутая способность отца ровно разливать водку. Эта неслучайная случайность —

характерный *бытийный*, а не бытовой штрих, без горького присутствия которого портрет отца был бы, наверно, идиллическим, неживым и недостоверным.

Особенно хорош финал приведенного выше фрагмента с тремя ипостасями глагола «гладить»: отец мог «гладить свои рубашки, гладить меня по голове... я могу погладить себя по голове, но ничего приятного в этом нет». По-детски просто, трогательно и точно сказано о любви, восхищении, потребности чувствовать отцовскую любовь.

Рассказчик признается, что не унаследует ни одно из отцовских умений. Это не совсем так, но речь об этом впереди.

М. Ю. Борщевская

10. Каким человеком вы представляете отца мальчика?

11. Почему большую часть повести составляет описание путешествия по реке? Какие элементы фольклорной сказки можно увидеть в описании этого путешествия?

12. Найдите в тексте повести, как передается страх ребенка во время ночного сплава по реке. Сопоставьте ощущения и поведение отца и мальчика с чувствами и поведением героев баллады И. В. Гете «Лесной царь» (перевод В. А. Жуковского).

13. Как организуется неожиданный финал повести? Как вы можете его интерпретировать?

14. Почему повесть называется «Лес»? Могут ли помочь вам в осмыслении названия повести начальные строки поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия», приведенные ниже?

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несущу!

15. В каких прочитанных вами произведениях вы встречались с темой отцов и детей? В чем особенность подхода к этой теме в повести Захара Прилепина «Лес»?

16. Прочитайте стихи современного поэта Натальи Кравченко об отце. Как они перекликаются с прочитанной повестью?

О как же нужно холить и беречь
любую из земных недолгих встреч,
как музыку, впитать родную речь,
запомнить насмерть жилочку любую,
и этим жить, и это пить и петь,
вобрать в себя и на себя надеть,
чтобы за вами в светлое лететь,
а не в мученьях корчиться вслепую!

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>М. И. Шутан</i>).....	3
--------------------------------------	---

Древнерусская литература

У ИСТОКОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (<i>А. М. Фурсова</i>)	9
АВВАКУМ (<i>М. И. Шутан</i>)	12
Личность и судьба протопопа Аввакума	12
Агиографическая проза	16
Житие протопопа Аввакума, им самим написанное	16
Образ корабля в произведении Аввакума	20
Произведение Аввакума как житие	23
Образ Аввакума в русской прозе XX века	25

Литература XIX века

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (<i>М. И. Шутан, М. Ю. Борщевская, Л. В. Дербенцева</i>).....	31
Болдинский период жизни и творчества	32
Философская лирика	36
Бесы	36
Элегия	40
Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы	43
Герой	45
Прощальный цикл.....	49
Прощанье	50

В. А. Грехнев — выдающийся нижегородский литературовед	52
Проза	56
Метель	56
Драматургия	72
Скупой рыцарь	72
Моцарт и Сальери	78
Три концепции трагедии «Моцарт и Сальери» ...	90
Каменный гость	96
Пир во время чумы (Из вильсоновой трагедии: The city of the plague)	106
Образ Вальсингама	116
Роман А. Камю «Чума»	119
«Маленькие трагедии» как художественное целое	122
Юрий Адрианов и пушкинское Болдино	126
Болдинское братство	128
Болдинские рисунки Пушкина	128
Из краеведческой повести «...эта тихая-тихая улица»	130
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АВДЕЕВ (<i>С. В. Тихонова</i>)	131
Современник Печорина	131
Литературный двойник Печорина	135
Портрет Тамарина	135
Портрет Печорина	136
Письмо баронессы	141
Письмо Веры	144
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОБРОЛЮБОВ (<i>М. И. Шутан, М. Ю. Борщевская</i>)	147
Н. А. Добролюбов о русской поэзии	148
Поэтическое творчество	151
Жалоба ребенка	151
Соловей	152
Бедняку	154

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ (<i>М. И. Шутан</i>)	156
Личность писателя, краеведа, чиновника	156
Художественная проза	159
Дилогия «На горах» и «В лесах»	159
ВЛАДИМИР ГАЛАКТИОНОВИЧ КОРОЛЕНКО (<i>М. И. Шутан, Е. А. Елясина</i>)	166
В. Г. Короленко в Нижегородской губернии	167
Две встречи М. Горького с В. Г. Короленко	172
Художественная проза	178
Лес шумит	178
Парадокс	184
Слепой музыкант	207
Литература XX — начала XXI века	
АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ (<i>Л. В. Дербенцева</i>) ..	241
«Нечеловеческий» Горький	241
«Что есть рассказ»?	245
Как поймали Семагу	245
«Физиология» очерка М. Горького	254
Книга	256
«Сказка ложь, да в ней намек!»	270
Старый год	277
Очерк О. А. Рябова о М. Горьком	282
Липы Максима Горького	282
БОРИС ПЕТРОВИЧ КОРНИЛОВ (<i>М. И. Шутан, М. Ю. Борщевская</i>)	289
Парень из светловской «Гренады»	290
Родной мир в лирике поэта	294
Лошадь	295
Поэт и море	299
Качка на Каспийском море	299
Путь корабля	301

Поэт о любви	303
Соловьиха	303
Тайна поэта Бориса Корнилова	305
Лирический герой Бориса Корнилова	308
НИЖЕГОРОДСКИЕ ПОЭТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ	
XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА (М. Ю. Борщевская)	
Александр Иванович Люкин	310
Суть поэзии	312
Объявление	313
Борис Ефремович Пильник	315
Валерий Анатольевич Шамшурин	318
Корень	318
Марина Олеговна Кулакова	321
ИГОРЬ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЧУРДАЛЕВ (М. Ю. Борщевская)	325
О поэте	325
Морское течение	327
Let it be	329
Язычник	330
И теперь, и когда умру	332
ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ГОФМАН (М. Ю. Борщевская)	333
Вечная сказка	334
Полынья	338
Хук с правой, или Vivat, майор!	343
ЗАХАР (ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ) ПРИЛЕПИН (М. И. Шутан, М. Ю. Борщевская)	351
Жилка	352
Лес	357

Родная литература (русская). 10—11 классы :
Р60 учебное пособие для общеобразовательных организаций Нижегородской области. Базовый и углубленный уровни / М. И. Шутан, М. Ю. Борщевская, Л. В. Дербенцева, Е. А. Елясина, С. В. Тихонова, А. М. Фирсова ; научный редактор М. И. Шутан. — Нижний Новгород : Нижегородский институт развития образования, 2021. — 371 с.

ISBN 978-5-7565-0922-9

Учебное пособие подготовлено в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования и методическими рекомендациями, утвержденными министерством образования, науки и молодежной политики Нижегородской области (№ Сл-316-27000 3/20 приказ от 01.06.2020), и рассчитано на учащихся 10—11-х классов общеобразовательных организаций.

В издании представлен нижегородский ракурс истории русской литературы. Материалы, вошедшие в его состав, нацелены на осознание учащимися значимости чтения на родном языке и изучения родной литературы для своего дальнейшего развития; на формирование понимания родной литературы как одной из основных национально-культурных ценностей народа, как особого способа познания жизни. Кроме того, книга расширяет представление учащихся о литературном процессе, формируемое при изучении предмета «Литература».

УДК 373.167.1:82
ББК 83.3я72

В книге использованы иллюстрации:

Т. Осадаева. Протопоп Аввакум (с. 7);

И. Мельников. Житие Аввакума (с. 8);

Н. Андреев. Рандеву (с. 29);

В. Иванов. Пушкин в Болдино (с. 30);

вид на Стрелку Оки и Волги в Нижнем Новгороде (с. 239);

вид на Волгу с Верхне-Волжской набережной в Нижнем Новгороде (с. 240);

Учебное издание

**РОДНАЯ
ЛИТЕРАТУРА
(РУССКАЯ)
10—11 КЛАССЫ**

Учебное пособие
для общеобразовательных организаций
Нижегородской области
Базовый и углубленный уровни

Редактор *С. М. Ледров*
Компьютерная
верстка *Л. И. Половинкиной*

Оригинал-макет подписан в печать 16.04.2021 г.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,62.
Тираж 100 экз. Заказ 2701.

Нижегородский институт развития образования,
603122, Н. Новгород, ул. Ванеева, 203.
www.niro.nnov.ru

Отпечатано в издательском центре учебной
и учебно-методической литературы
ГБОУ ДПО НИРО

**РОДНАЯ
ЛИТЕРАТУРА
(РУССКАЯ)**

10–11
классы